

Салли Хэпворс
МОЯ
ЛЮБИМАЯ
СВЕКРОВЬ

«Мастерское изображение
того, сколько сказано в молчании.
Лучший выбор для поклонников
Лианы Мориарти и Меган Эбботт».

Booklist

ГОТОВИТСЯ ЭКРАНИЗАЦИЯ

Салли Хэпворс

Моя любимая свекровь

Sally Hepworth
THE MOTHER-IN-LAW

© Комаринец А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

* * *

*Моей свекрови Энн, которую мне никогда не
хотелось убить. И моему свекру Питеру,
которого – время от времени – убить хотелось.*

1

ЛЮСИ НАСТОЯЩЕЕ...

Стоя у обеденного стола, я складываю постиранное, когда подъезжает полицейская машина. Подъезжает без особого шума – ни сирен, ни мигалок, и все равно у меня начинает сосать под ложечкой, – так мать-природа предупреждает, что не все в порядке. Ранний вечер, но уже собираются сумерки, и на соседской веранде загораются огни. Время ужина. Полиция не объявляется у вас на пороге в такое время, если случилось что-то дурное. Я заглядываю через арку в гостиную, где мои ленивые дети развалились тут и там, каждый уткнулся в собственный гаджет. Живые. Невредимые. В добром здравии, если не считать, пожалуй, легкой экранной зависимости. Семилетний Арчи смотрит на большом айпаде, как некая семья играет в приставку; четырехлетняя Харриет на своем маленьком айпаде – как маленькие девочки в Америке разворачивают игрушки. Даже двухлетняя Эди, разинув рот, смотрит телевизор. Я испытываю некоторое облегчение, что вся моя семья под одной крышей. По крайней мере, большая ее часть. «Папа! – вдруг думаю я. – Ох, нет, пожалуйста, только не папа!»

Я перевожу взгляд на полицейскую машину. Свет фар пробивается сквозь легкую морось.

«По крайней мере, это не дети, – виновато шепчет мне внутренний голос. – По крайней мере, это не Олли».

Олли на задней веранде жарит гамбургеры. В безопасности. Сегодня он рано вернулся с работы, по-видимому, не очень хорошо себя чувствует, хотя и не выглядит особенно больным. В любом случае он жив, и я от всего сердца благодарна ему за это.

Дождь немного усилился, морось превратилась в четкие капли. Полицейские глушат мотор, но не выезжают сразу. Я скатываю пару носков Олли и кладу их поверх стопки его белья, а затем тянусь за следующей парой. Мне бы надо встать, подойти к двери, но руки продолжают складывать на автопилоте, как будто, если я буду вести себя так, словно ничего не случилось, полицейская машина перестанет существовать и все снова будет хорошо. Но это не срабатывает. Дверца со стороны водителя открывается, из машины вылезает полицейский в форме.

– Ма-а-а-ам! – кричит Харриет. – Эди смотрит телевизор!

Две недели назад известная журналистка публично высказалась о том, какое отвращение у нее вызывает то, что дети в возрасте до трех лет подвергаются воздействию телевидения, она даже до того дошла, что назвала это «жестоким обращением с детьми». Как и большинство австралийских матерей, я пришла в ярость и разразилась предсказуемой обличительной речью: «Да что она знает? У нее, наверное, целая команда нянь, и она ни одного дня в жизни за детьми не присматривала!», но потом стремительно ввела правило «никакого телевизора для Эди», которое продержалось ровно до того момента двадцать минут назад, когда мне надо было поговорить по телефону с компанией – поставщиком электроэнергии, а Эди прибегла к своему старому трюку «Мама, ма-а-а-ама, МА-А-АМА», так что я сдалась, включила ей серию «Уигглз» и ушла в спальню, чтобы закончить телефонный разговор.

– Все в порядке, Харриет, – говорю я, не отрывая глаз от окна.

Передо мной появляется сердитое личико Харриет, ее темно-каштановые вихры и густая челка развеваются вокруг лица, как нити у швабры.

– Но ты же СКАЗАЛА...

– Не важно, что я сказала. Несколько минут погоды не сделают.

Копу на вид лет двадцать пять, в лучшем случае тридцать. Фуражку он держит в руке, но сует ее под мышку, чтобы поддержать спереди слишком тесные брюки. Невысокая, полная полицейская того же возраста выбирается со стороны пассажирского сиденья, ее фуражка точно прилипла к голове. Обойдя машину, они бок о бок идут по дорожке. Они точно идут к нам. «Нетти, – внезапно думаю я. – Это насчет Нетти».

Такое вполне возможно. У сестры Олли в последнее время были проблемы со здоровьем. Или, может, это Патрик? Или это что-то совсем другое?

Суть в том, что в глубине души я знаю, что это не Нетти, не Патрик и не папа. Забавно, но иногда просто знаешь.

– Бургеры готовы.

Со скрежетом открывается дверь с веранды, и на пороге появляется Олли с полной тарелкой. Девочки бросаются к нему, а он щелкает огромными щипцами, как крокодил челюстями, они подпрыгивают и визжат так громко, что почти заглушают стук в дверь.

Почти.

– Там кто-то пришел? – Олли поднимает бровь скорее с любопытством, чем с беспокойством. На самом деле он выглядит оживленным:

«Нежданный гость в будний вечер! Кто бы это мог быть?»

Из нас двоих общительный как раз Олли. Это он добровольно вызвался войти в школьный родительский комитет, потому что «это хороший способ познакомиться с людьми». Это он останавливается у забора, чтобы поздороваться с соседями, если слышит, как они разговаривают в саду. Это он подходит к людям, которые выглядят смутно знакомыми, и пытается выяснить, знают ли они друг друга. Легкий на улыбку и на подъем. Для Олли неожиданный стук в дверь в будний день предвещает скорее приключение, чем что-то злое.

Но, конечно же, он не видел полицейскую машину.

Эди уже мчится по коридору.

– Я открою, я открою.

– Погоди-ка, Эди-букашка, – говорит Олли, ища, куда бы поставить тарелку с гамбургерами. Однако он недостаточно быстр, потому что к тому времени, когда он находит место на стойке, Эди уже распахивает дверь.

– Полиция! – благоговейно восклицает она.

Разумеется, как раз тут мне полагается побежать за ней, перехватить полицейских у двери и извиниться, но мои ноги словно приросли к полу. К счастью, Олли уже нагнал трусцой Эди и игриво ерошит ей волосы.

– Привет, – говорит он копам.

Он оглядывается через плечо на гостиную, его мысли заняты тем, что он делал несколько секунд назад, возможно, он думает, не забыл ли он перекрыть газ под жаровней или надежно ли поставил на стойку тарелку с бургерами. Это типичное неприятельное поведение человека, который вот-вот получит плохие новости. У меня взаправду такое чувство, будто я вижу мою семью в телевизоре: красивый, ни о чем не подозревающий папа, милая малышка. Обычная семья из пригорода, жизнь которой вот-вот поставят с ног на голову... разрушат навсегда.

– Чем могу быть полезен? – наконец произносит Олли, снова переводя взгляд на копов.

– Я старший констебль Артур, – слышу я женский голос, хотя с моего места у стола мне ее не видно, – а это констебль Перкинс. Вы Оливер Гудвин?

– Так и есть.

Олли улыбается Эди и даже подмигивает ей. Этого достаточно, чтобы убедить меня, что я слишком драматизирую. Даже если новости плохие, то, может быть, не совсем уж ужасные. Может, они вообще не для нас плохие. Может, ограбили кого-то из соседей? Полиция всегда прочесывает местность после чего-то подобного, так ведь?

Внезапно я ловлю себя на том, что с нетерпением жду того момента, который наступит через несколько минут, когда я узнаю, что все в порядке. Я думаю о том, как мы с Олли посмеемся над моей паранойей. «Ты не поверишь, что мне пришло в голову», – скажу ему я, а он закатит глаза и улыбнется. «Вечно ты волнуешься, – скажет он. – Как ты вообще справляешься со своей тревожностью?»

Но когда я осторожно делаю несколько шагов вперед, то понимаю, что мои опасения не напрасны. Я вижу это по мрачному выражению лица полицейского, по тому, как опущены у него уголки рта.

Женщина-полицейский смотрит на Эди, потом снова переводит взгляд на Олли.

– Мы можем где-нибудь поговорить... без свидетелей?

На лице Олли появляются первые признаки неуверенности. Его плечи напрягаются, и он чутко выпрямляется. Возможно, это получается бессознательно, но он отталкивает Эди от двери, словно заслоняет ее от чего-то.

– Эй, Эди-букашка, хочешь поставлю тебе «Уигглз»? – говорю я наконец, делая большой шаг вперед.

Эди решительно мотает головой, не сводя глаз с полицейских. Ее мягкое круглое лицо светится интересом, ее толстые шаткие ножки точно выросли в пол.

– Ну же, милая, – снова пытаюсь я, проводя рукой по ее бледно-золотистым волосикам. – Как насчет мороженого?

Вот это уже дилемма для Эди. Она смотрит на меня долгим взглядом, прикидывая, можно ли мне доверять. Я кричу Арчи, чтобы он достал «Пэддл попс», и она убегает по коридору.

– Входите, – говорит Олли полицейским, и они входят, бросая мне быструю вежливую улыбку. Улыбку, которая словно бы извиняется. Улыбка, которая пронзает мне сердце, выбивает меня из колеи. Дело не в соседях, говорит эта улыбка. Плохие новости для вас.

В нашем доме не так много мест, где можно уединиться, поэтому Олли ведет полицию в столовую и отодвигает от стола пару стульев. Подойдя следом, я смахиваю свежесложенное белье в корзину. Стопки обваливаются друг на друга, как рушащиеся здания. Полицейские садятся на стулья, Олли пристраивается на подлокотнике дивана, а я остаюсь напряженно стоять. Я вся внутренне подбираюсь.

– Во-первых, я должен удостовериться, что вы являетесь родственниками Дианы Гудвин...

– Да, – отзывается Олли, – это моя мать.

– Тогда с прискорбием должна вам сообщить, – начинает женщина, и я закрываю глаза, потому что уже знаю, что она собирается сказать.
Моя свекровь мертва.

2

ЛЮСИ

ДЕСЯТЬЮ ГОДАМИ РАНЕЕ...

Кто-то однажды сказал мне, что в жизни каждого есть две семьи: та, в которой ты родился, и та, которую себе выбрал. Но это же не совсем так, верно? Да, возможно, тебе дано выбрать себе партнера, но детей-то себе не выбираешь. Не выбираешь себе деверей или золовок, не выбираешь незамужнюю тетку своего партнера, у которой проблема с алкоголем, или кузена с бесконечной чередой подружек, которые не говорят по-английски. И, что еще важнее, не выбираешь себе свекровь. Тут все определяют мерзко хихикающие вершительницы судеб.

– Эй? – окликает Олли. – Есть кто дома?

Я на пороге зияющего фойе дома Гудвинов и щурюсь на мрамор, простирающийся во всех направлениях. Винтовая лестница под великолепной хрустальной люстрой ведет с первого на второй этаж. У меня такое чувство, будто я попала на разворот журнала *Hello!*, из тех, где печатают нелепые фотографии знаменитостей, развалившихся на вычурной мебели или на поросших травой холмах в сапогах для верховой езды и с золотистыми ретриверами у ног. Я всегда думала, что именно так выглядит изнутри Букингемский дворец, ну или не Букингемский, то какой-нибудь поменьше, Сент-Джеймский или Виндзорский. Я пытаюсь поймать взгляд Олли, чтобы... что? Одернуть его? Развеселить? Честно говоря, я не уверена, но в любом случае момент упущен, потому что он уже ринулся в дом, объявляя о нашем прибытии. Сказать, что я к этому не готова, – преуменьшение века. Когда Олли предложил мне прийти к его родителям на ужин, я представляла себе лазанью и салат в симпатичном бунгало из светлого кирпича – в таком доме я сама выросла. Я представляла себе обожающую мать, прижимающую к груди альбом с выцветшими детскими фотографиями, и бесцеремонно гордого, но неловкого в общении отца, сжимающего банку пива и осторожно улыбающегося. Вместо этого кругом сверкают и сияют картины и скульптуры, а родителей, неловких в общении или наоборот, нигде не видно.

– Олли!

Я хватаю Олли за локоть и собираюсь что-то яростно прошептать, но тут в большом арочном дверном проеме в задней части вестибюля

возникает краснолицый толстяк с бокалом красного вина в руке.

– Папа! – кричит Олли. – Вот ты где!

– Ну и ну. Только посмотрите, кого кот приташил.

Том Гудвин – полная противоположность своему высокому темноволосому сыну. Невысокий, тучный и нескладный, в красной клетчатой рубашке, заправленной в брюки, подпоясанные ниже внушительного живота. Он обнимает сына, а Олли хлопает своего старика по спине.

– Ты, должно быть, Люси, – говорит Том, отпустив Олли. Он берет мою руку и сердечно ее пожимает, потом издает негромкий свист. – Ну надо же! Молодец, сынок.

– Приятно познакомиться, мистер Гудвин. – Я улыбаюсь.

– Том! Зови меня Том. – Он улыбается мне так, словно выиграл в Пасхальную лотерею, а потом, кажется, вспоминает кое-что. – Диана! Диана, где ты? Они здесь!

Через пару секунд из задней части дома появляется мать Олли. На ней белая рубашка и темно-синие брюки, и она стряхивает с рубашки несуществующие крошки. Я вдруг задумываюсь о своем выборе наряда: длинное пышное платье в красно-белый горошек 1950-х годов, которое когда-то принадлежало моей матери. Я думала, платье будет смотреться очаровательно, но теперь оно кажется неуместным и глупым, особенно учитывая простой и скромный наряд мамы Олли.

– Извини, – говорит она с расстояния в несколько шагов. – Я не слышала звонок в дверь.

– Это Люси, – объясняет Том.

Диана протягивает руку. Когда я собираюсь ее взять, то замечаю, что она почти на голову выше мужа, несмотря на туфли без каблука, и худая, как фонарный столб, если не считать небольшого утолщения в талии, как свойственно немолодым людям. У нее серебристые волосы, подстриженные в элегантное каре до подбородка, прямой римский нос и, в отличие от Тома, сильное сходство с сыном.

А еще я замечаю, что рукопожатие у нее холодное.

– Приятно познакомиться, миссис Гудвин, – говорю я, отпуская ее руку и протягивая букет.

Я настояла на том, чтобы по дороге заехать в цветочный магазин, хотя Олли сказал: «Она не слишком-то жалуется цветы». «Все женщины любят цветы», – ответила я, закатив глаза.

Но сейчас, когда я замечаю отсутствие украшений, некрашенные ногти и практичные туфли без каблука, у меня возникает ощущение, что я

ошиблась.

– Привет, мама, – говорит Олли, заключая маму в медвежьи объятия, и она с грехом пополам ему позволяет.

Из многочисленных разговоров с Олли я знаю, что он обожает свою мать. Он буквально лопается от гордости, когда говорит о благотворительной работе, которую она в одиночку ведет среди мигранток в Австралии, многие из которых беременны или имеют маленьких детей. Ну – конечно, она решит, что цветы это ерунда, внезапно понимаю я. Я идиотка. Возможно, мне следовало бы привезти одежду для грудничков или что-то для их матерей?

– Ладно, Олли, хватит, – говорит она через пару секунд, когда он не отпускает ее. – Она выпрямляется во весь рост. – У меня даже не было возможности как следует поздороваться с Люси!

– Почему бы нам не пойти в гостиную выпить, и мы все познакомимся поближе, – предлагает Том, и мы все поворачиваемся к задней части дома.

И тут я замечаю, как кто-то выглядывает из-за угла.

– Нетти! – восклицает Олли.

Если между Олли и Томом нет сходства, то Антуанетта, несомненно, дочь Тома. У нее те же румянец на щеках и коренастость, но при этом она очень хорошенькая. А еще стильная в сером шерстяном платье и черных замшевых сапогах. По словам Олли, его младшая сестра замужем, бездетна и работает в какой-то маркетинговой компании, и ее часто приглашают выступить на конференциях о том, чего способна добиться женщина. Ей тридцать два года, всего на два года больше, чем мне, и признаюсь, мне это казалось впечатляющим и немного пугающим, но все мои страхи растворились, когда она радостно меня обняла. Все Гудвины, похоже, любят обниматься.

Возможно, все, кроме Дианы.

– Я так много о тебе слышала, – говорит Нетти. Она берет меня под руку, обволакивая меня облаком дорогих духов. – Пошли, познакомишься с моим мужем Патриком.

Нетти тащит меня через арочный дверной проем, мимо того, что выглядит как лифт. По дороге мы проходим мимо картин в рамках и цветочных композиций, а еще фотографий семьи на отдыхе – на горнолыжных склонах и на пляже. Есть одна фотография Тома, Дианы, Нетти и Олли на верблюдах в пустыне с пирамидой на заднем плане, они держатся за руки, а свободные поднимают к небу.

Когда я была маленькой, мы проводили отпуск в курортном городке Портарлингтоне – в часе езды от нашего дома.

Мы оказываемся в комнате размером примерно с мою квартиру, заставленной диванами и креслами и тяжелыми деревянными приставными столиками, а еще повсюду огромные дорогие ковры. Из кресла поднимается гигант.

– Патрик, – представляется он.

Рукопожатие у него липкое, но вид у него извиняющийся, поэтому я делаю вид, что не замечаю.

– Люси. Приятно познакомиться.

Возможно, я представляла мужа Нетти невысоким, элегантным, стремящимся угодить, как она. Я считала, что Олли с его ростом в шесть футов три дюйма – высокий, но Патрик определенно похож на гору – шесть футов семь дюймов, не меньше. Если не считать роста, он немного напоминает мне Тома: клетчатая рубашка и хлопчатые брюки, круглое лицо и энергичная улыбка. На плечи он набросил свитер крупной вязки, в модном студенческом духе.

Покончив с приветствиями, Олли, Том и Патрик утопают в подушках большого дивана, а Диана и Нетти направляются к... барной стойке! Мгновение я колеблюсь, потом иду следом за женщинами.

– Садись, Люси, – приказывает мне Диана.

– О, я рада помочь...

Но Диана поднимает руку, чтобы меня остановить.

– Пожалуйста, – говорит она. – Просто садись.

Диана, очевидно, пытается быть вежливой, но я невольно чувствую себя отвергнутой. Конечно, откуда ей знать, что я фантазировала о том, как мы будем соприкасаться локтями на кухне, возможно, даже столкнемся с небольшим салатным кризисом, который я легко преодолею, симпровизировав заправку (салат – это предел моих кулинарных способностей). Откуда ей знать, что я представляла, как мы уютно пристроимся бок о бок, пока она будет показывать мне альбомы фотографий или семейные древа и излагать пространные семейные истории, от которых Олли будет стонать и закатывать глаза. Она не знает, что я планировала провести весь вечер рядом с ней, и к тому времени, когда мы вернемся домой, она будет так же очарована мной, как и я ею.

Вместо этого я села.

– Значит, вы с Олли вместе работаете? – спрашивает Том, когда я сажусь рядом с Олли на диван.

– Да, – отвечаю я. – Уже три года.

– Три года? – Том разыгрывает потрясение. – Ты не торопился, приятель?

– Мы медленно закипаем, – откликается Олли.

Олли был типичным «надежным парнем с работы». Всегда готов был выслушать про мои катастрофические провалы на свиданиях, подставить плечо и дать возможность поплакаться в жилетку. В отличие от одержимых властью, желающих настоять на своем придурков, с которыми я обычно встречалась, Олли был веселым, скромным и неизменно хорошим парнем. И – что самое главное – он обожал меня. Мне потребовалось время, чтобы это понять, но быть обожаемой оказалось намного приятнее, чем быть обманутой харизматичными ублюдками.

– Он, случаем, не твой босс? – подмигивает мне Том. Звучит ужасно сексистски, но на Тома трудно сердиться.

– Том! – одергивает его Диана, но видно, что ей тоже трудно на него сердиться.

Она вернулась с напитками и поджигает губы, как мать, пытающаяся журить своего очень милого непослушного малыша. Протянув мне бокал красного вина, она садится по другую сторону от Олли.

– Мы в равном положении, – говорю я Тому. – Я ищу персонал на разные технические должности, Олли занимается вспомогательным персоналом. Мы тесно сотрудничаем.

В последнее время очень тесно. Все началось, как ни странно, во сне. Станный, извилистый сон, который начался на барбекю моей двоюродной бабушки Гвен и закончился в доме, где жила моя лучшая подруга из начальной школы, но она была уже не маленькой девочкой, а настоящей старушкой. Где-то посередине в нем появился Олли. И так же, как моя лучшая подруга из начальной школы, он был другим. Сексуальнее. На следующий день, на работе, я отправила ему письмо, в котором сказала, что он мне прошлой ночью приснился. Последовала ожидаемая шутовская переписка, мол: «И что я там делал?», но со скрытым смыслом. Кабинет Олли находился сразу за стенкой от моего, но мы вечно посылали друг другу письма: остроумные замечания о прическе нашего общего босса в стиле Дональда Трампа, о подозрительном поведении на офисной рождественской вечеринке, просьбы заказать суши на обед. Но в тот день все было иначе. К концу дня сердце у меня екнуло, когда его имя появилось в моем почтовом ящике.

Какое-то время я относилась к происходящему хладнокровно. Это было свидание, легкая интрижка... уж конечно, не отношения и не роман моей жизни. Но когда я обратила внимание на то, как он каждое утро подает пьянице на вокзале (даже после того как пьяница оскорбил его и обвинил в краже выпивки); как он заметил потерявшегося в торговом центре

маленького мальчика и тут же поднял его над головой и спросил, а вдруг тот видит где-нибудь свою маму... И когда он начал все больше и больше занимать мои мысли, пришло понимание: вот оно. Он – тот самый.

Я рассказываю семье Олли историю (за вычетом сна), мои руки так и летают передо мной, пока я говорю быстро и без пауз, как обычно делаю, когда нервничаю. Том просто в восторге от этого рассказа и время от времени похлопывает сына по спине.

– А теперь расскажи мне... про всех вас, – говорю я, когда у меня кончается запал.

– Нетти – финансовый менеджер в «Мартин Холдсворт», – откликается Том, гордый как павлин. – Руководит целым отделом.

– А как насчет тебя, Патрик? – спрашиваю я.

– У меня бухгалтерская фирма, – говорит Патрик. – Пока маленькая, но со временем расширится.

– Расскажи мне о своих родителях, Люси, – вмешивается Диана. – Что они делают?

– Мой отец был профессором в университете. Сейчас на пенсии. Моя мама умерла. Рак груди.

Это было семнадцать лет назад, так что говорить об этом скорее неудобно, чем больно. В основном неловко за других людей, которые, услышав эту новость, ищут, что бы сказать.

– Мне так жаль это слышать, – говорит Том, и его гулкий голос наполняет комнату ощутимым спокойствием.

– Я потерял свою мать несколько лет назад, – говорит Патрик. – От такого никогда не оправиться.

– Никогда, – соглашаюсь я, внезапно почувствовав родство с Патриком. – Но, отвечая на твой вопрос, Диана, скажу, что моя мама была домохозяйкой. А до того – учительницей в начальных классах.

Я всегда с гордостью говорю, что она была учительницей. После ее смерти огромное число людей рассказывали мне, какой замечательной учительницей она была, сколько всего она сделала для своих учеников. Какая жалость, что она так и не вернулась к преподаванию, даже когда я сама пошла в школу.

– Какой смысл рожать ребенка, если не собираешься быть с ним рядом и наслаждаться каждой минутой? – говорила она, и это забавно, потому что она все равно не смогла быть рядом и наслаждаться каждой минутой со мной, поскольку умерла, когда мне было тринадцать.

– Ее звали... – начинаю я, и в этот момент Диана встает.

Мы все замолкаем и провожаем ее взглядом. Впервые я понимаю, что

значит слово «матриарх» и какую власть дает такой статус.

– Ну ладно, – говорит она. – Думаю, ужин готов, если все не против перебраться за стол.

И на этом разговоре о моей матери приходит конец.

На ужин у нас жареная баранина. Диана сама готовит и подает. Учитывая размеры дома, я почти ожидала, что появятся официантки или еще какая-то обслуга, но по крайней мере эта часть вечера проходит в комфортной семейной обстановке.

– На меня большое впечатление производит твоя работа, – говорю я, когда Диана наконец садится, положив всем еду на тарелки. – Олли так гордится тобой, что говорит о ней с каждым, кто готов слушать.

Диана рассеянно улыбается мне и тянется за цветной капустой под сырным соусом.

– Неужели?

– Честное слово. Мне бы очень хотелось узнать побольше.

Диана накладывает себе на тарелку немного цветной капусты, сосредоточившись на движениях так, словно проводит операцию на сердце.

– Вот как? Что бы ты хотела услышать?

– Ну... – Я вдруг чувствую себя в центре внимания. – Наверное... что тебя на это натолкнуло? Как ты создала свою организацию?

Диана пожимает плечами:

– Я просто поняла, что это необходимо. Собирать вещи для грудничков – это не ракетостроение.

– Она у нас скромная. – Том накалывает на вилку кусочек баранины, не успев прожевать тот, что у него во рту. Отправив в рот новую порцию, он продолжает: – Все дело в ее католическом воспитании.

– Как вы познакомились? – спрашиваю я. Мне вдруг приходит в голову, что Олли никогда мне этого не говорил.

– Они познакомились в кино, – отвечает Нетти. – Папа увидел маму в фойе и – ба-бах, настоящий фейерверк.

Том и Диана переглядываются. В их взгляде сквозит нежность, но и что-то еще – вот только я не могу понять, что именно.

– Что тут скажешь? Я сразу понял, что это она. Диана не походила ни на одну из моих знакомых... Она была умнее. Интереснее. Куда мне до нее, подумал я.

– Мама из состоятельной семьи, – объясняет Нетти. – Средний класс, католики. Отец был деревенским парнем, без связей, без денег. Без гроша за душой.

Я мысленно делаю шаг назад, чтобы избавиться от подсознательного вывода, к которому пришла, едва войдя в дом, – что Диана вышла замуж за Тома из-за денег. Это сексистская мысль, но не такая уж нелепая, учитывая несоответствие в их внешности. От того факта, что она вышла за него по любви, Диана сразу вырастает в моих глазах.

– А ты, Диана? – спрашиваю я. – Ты тоже сразу поняла?

– Конечно! – откликается Том и приставляет рамкой ладони к лицу. – А как иначе, если она увидела такое лицо!

Все смеются.

– Вообще-то я вот уже тридцать пять лет пытаюсь сказать ему, что внешность не имеет значения, но он просто заглушает мои слова, – насмешливо вставляет Диана. Они с Томом обмениваются улыбками.

После ее чопорной официальности в начале вечера приятно видеть ее с этой стороны. Я позволяю себе надеяться, что, когда мы проведем еще немного времени вместе, она впустит меня в свой внутренний мирок. Может быть, однажды я даже начну помогать ей с благотворительностью? Может, Диана крепкий орешек, но рано или поздно я его расколю. Скоро мы станем лучшими друзьями.

Мне было тринадцать, когда умерла моя мать Джой^[1]. Это имя ей шло: она была всегда веселая, никогда не воспринимала себя слишком серьезно. Она носила платки и висячие серьги и громко пела в машине, когда по радио передавали песню, которая ей нравилась. На вечеринки по случаю моего дня рождения она всегда приходила разряженная, и у нее были туфли для степа, которые она любила надевать время от времени, хотя никогда не училась чечетке.

Вот каким человеком была моя мать.

В черном, без украшений, без обруча в волосах или забавного парика я видела маму, только когда она отправлялась с папой на конференцию или на обед. Папа – полная противоположность маме: консервативный, серьезный, воспитанный. А мама... она сдерживала себя только ради папы. Когда в середине своей академической карьеры папа решил сменить место работы (дело сложное, к тому же способное поставить под угрозу его карьеру и наше благосостояние), она поддержала его безоговорочно. «Папина работа – заботиться о нас, наша – заботиться о нем».

Отец так и не оправился после ее смерти. Судя по статистике, большинство мужчин снова женятся в течение трех лет после прекращения прежних отношений, но семнадцать лет спустя отец все еще одинок. Он всегда повторяет: «Твоя мать была моей спутницей жизни, а спутница жизни – это на всю жизнь».

После смерти мамы папа нанял домработницу, чтобы та готовила, убирала и делала для нас покупки. Марии было, вероятно, лет пятьдесят, но из-за черных волос, тронутых сединой и стянутых в тугий пучок, ей можно было дать и сто. Она носила длинные юбки и нейлоновые колготки, туфли на низком каблуке и фартуки в цветочек, которые она шила сама. Ее собственные дети выросли, а внуки еще не появились. Она приходила каждый день с полудня до шести вечера. Не знаю, какова была официальная роль Марии, но она всегда была рядом, когда я возвращалась из школы, и мне казалось, что это была лучшая часть ее дня. Это была лучшая часть и моего дня. Она распаковывала мою сумку, споласкивала коробки с завтраком и нарезала фрукты и сыр на тарелке для послеобеденного чая – мама ничего подобного в жизни бы не стала делать. Задним числом мне думается, что многим внимание Марии показалось бы удушающим. А я просто чувствовала, что обо мне заботятся.

Однажды, когда я подхватила грипп, Мария пришла на целый день. Она суетилась вокруг меня, периодически заглядывала ко мне в комнату, приносила воду, чай или прохладную салфетку, чтобы положить на лоб. Пару раз, когда я сквозь дрему слышала, как она входит в комнату, я тихонько стонала, просто чтобы услышать, как Мария суетится. Она целовала меня в лоб и приносила воду. Она даже кормила меня супом с ложечки.

Положа руку на сердце это был один из лучших дней в моей жизни.

Мария ушла от нас, когда мне исполнилось восемнадцать. К тому времени у нее уже был первый внук, а также стареющая собака с глаукомой, и, кроме того, я почти выросла, так что ей больше нечего было делать. После этого папа завел постоянную уборщицу и начал сам покупать продукты по пути домой с работы. Мария поддерживала с нами связь подарками на день рождения и открытками к Рождеству, но в конце концов ее жизнь заполнилась собственной семьей. И вот тогда я поняла: мне тоже нужна собственная семья. Муж, дети, старая слепая собака. Самое главное, мне нужна своя Мария. Кто-то, кто поделится рецептами и житейской мудростью и утопит меня в волнах материнской любви. Кто-то, кто не уйдет и не вернется к своей семье, потому что я и есть ее семья.

У меня больше не было матери. Но когда-нибудь, возможно, у меня появится вторая мать – свекровь.

После ужина Том предложил нам посидеть в берлоге. Так в их семье называют комнату с высоченным и сводчатым, как в соборе, потолком, книжными полками от пола до потолка и кучей всего из кожи. Она напоминает мужской клуб. На буфете висится огромный телевизор, а еще

тут есть самый настоящий бар, заставленный самыми разными бутылками. Олли позвали на кухню, чтобы помочь с кофе и десертом (что, я полагаю, означает, что родители хотели допросить его обо мне), поэтому я отдыхаю в берлоге с Нетти и Патриком.

– Итак, – начинает Патрик. Он за барной стойкой смешивает нам какой-то коктейль, который мне совсем не нужен, потому что я уже выпила два бокала вина, но он так счастлив возможности повозиться со спиртным, что у меня не хватает духу ему отказать. – Что ты думаешь о Диане?

– Патрик, – предупреждает Нетти.

– Что? – Уголки его рта поднимаются в улыбке. – Это вопрос без подвоха.

Я отчаянно пытаюсь что-нибудь придумать, но, честно говоря, сказать мне особо нечего. Большую часть ужина Диана провела, спрашивая, не хочет ли кто-нибудь еще овощей. Она уклонялась от любых вопросов, которые я ей задавала, и, если не считать смешка по поводу ее первой встречи с Томом, весь вечер держалась удручающе отстраненно. Честно говоря, если бы не Том, Нетти и Патрик, происходящее вообще не походило бы на семейный вечер. Я знаю только, что Диана совсем не такая, как я надеялась.

– Ну... Думаю, она... – Я мысленно перебираю несколько слов вроде «милая», «интересная», «добрая», но, как мне кажется, ни одно из них не подходит, а я не хочу быть неискренней. В конце концов, я здесь не только для того, чтобы произвести впечатление на родителей. Если у нас с Олли все получится, всю оставшуюся жизнь я буду отмечать Рождество с Нетти и Патриком... поэтому важно быть собой. Проблема в том, что еще слишком рано по-настоящему быть собой. Я начинаю понимать, что знакомство с семьей требует навыков политика. Нужно знать, кому и в какой момент оказать поддержку, чтобы получить максимальный результат. Я решаю поступить так, как всегда советовала моя мама, и найти что-нибудь истинное.

– По-моему, она замечательно готовит.

Патрик смеется слишком искренне. Нетти бросает на него яростный взгляд.

– Да ладно тебе, Нетти. – Патрик тычет ее локтем в бок. – Послушай, она могла бы вести себя гораздо хуже. По крайней мере, у нас есть Том, да?

Это слабое утешение. У меня была такая четкая картина того, что я хотела бы видеть в потенциальной свекрови, – и никакому свекру, даже Тому не занять ее место. А вот Патрик, кажется, принял свою холодную

тещу без особых тревог, и это несмотря на то, что она явно ему не по нутру.

– Ну, – говорю я через несколько минут, когда Олли все еще не показывается, и у меня возникает чувство, что Нетти хочет побыть наедине с Патриком, – пойду посмотрю, как там десерт.

Через двойные двери я захожу в огромную комнату, которая ведет в просторную кухню – в центре ее гигантская гранитная стойка для готовки. Олли и Диана стоят у стойки спиной ко мне и, кажется, раскладывают что-то на доске для сыра.

– Какая разница, что я думаю, – говорит Диана.

– Для меня большая, – возражает Олли.

– А не должна быть.

Диана выговаривает слова, как библиотекарь или учитель музыки, четко и правильно, без малейшей неуверенности. Я останавливаюсь в дверях.

– Ты хочешь сказать, что она тебе не нравится?

Диана слишком долго молчит.

– Я говорю, что не важно, что я думаю.

Я отступаю так, чтобы исчезнуть из их поля зрения, прячусь за углом. Такое ощущение, словно меня ударили под дых. Я о стольком тревожилась: что она не та свекровь, о которой я мечтала, что она не оправдает моих ожиданий, – что мне и в голову не пришло, что я ей не понравлюсь.

– Серьезно, мама? Ты не собираешься сказать мне, что ты думаешь о Люси?

– Ох, Олли! – Я воображаю, как она отмахивается, словно от мухи. – Я думаю, она совершенно нормальная.

«Нормальная». Мне нужно время, чтобы это переварить. Я... нормальная.

Я ищу плюсы в этом «нормальная», но не могу найти ни одного. Когда говорят, что ты «нормальная», это все равно как если бы сказали, что твое платье тебя не полнит. Когда про тебя говорят, что ты «нормальная», это как сравнить тебя со вчерашним сэндвичем, которым не отравишься. Когда про тебя говорят, что ты «нормальная», это все равно что... ты невестка, которую ты не хочешь, но которая в конечном итоге могла бы оказаться куда хуже.

– Вот ты где, Люси!

Я резко оборачиваюсь. В дверях, сияя, стоит Том.

– Пойдем, поможешь мне выбрать десертное вино. Я никогда не знаю,

какое взять.

– Но... я плохо разбираюсь в вине...

Но Том уже тащит меня в подвал с удивительным количеством вин. Я притворяюсь, что получаю удовольствие от дегустации десертных вин, радуясь, что полутьма скрывает слезы, которые я смаргиваю.

Для меня «нормальная» все равно что мертвая.

3

ЛЮСИ НАСТОЯЩЕЕ...

Полицейские у меня на кухне. Коп по имени Саймон сам, не спрашивая меня, нашел кружки, чайные пакетики и молоко и теперь заваривает мне чай. Полицейская, которую, как оказалось, зовут Стелла, стоя рядом с ним, загружает в посудомоечную машину пластиковые тарелки и выбрасывает в мусорную корзину остатки булочек для бургеров и кетчуп.

Олли в коридоре, разговаривает по телефону с Нетти. Я слышу, как он объясняет, что он не уверен... что он рассказал ей все, что знает... «Я же сказал, что не знаю!»... что ей надо просто приехать и самой поговорить с полицией.

Он говорит о Диане, напоминая я себе. Диана мертва. Перед лицом случившегося тот факт, что мы никогда не ладили, как будто лишается смысла или по меньшей мере стирается, и я ловлю себя на том, что меня охватывает глубокая печаль. Словно смерть вознесла Диану на какой-то новый уровень, придав ей нечто... благородное, что ли, а наши прошлые проблемы сделались тривиальными, даже мелкими. В конце концов, никто не ладит со своей свекровью, ведь так? Никто! Свекровь моей подруги Эмили отказывается верить, что у Поппи непереносимость лактозы («Что за чушь, – возмущается она, – в наши дни не было всех этих непереносимостей!»). Свекровь Джейн не в силах постичь, что можно пользоваться одноразовыми подгузниками, особенно после того, как потрудилась купить для Генри упаковку тканевых. Свекровь Саши непрестанно говорит о наследстве, которое Саша, по-видимому, получит, изо всех сил напоминая ей, какой везучей она должна себя считать. Свекровь Даниэль – кладезь непрошенных советов, а свекровь Кены во все сует свой нос. Сара – единственная, кто обожает свою свекровь, и это потому, что Марг два дня в неделю присматривает за детьми, а еще стирает и гладит на всю семью и забивает морозилку домашними полуфабрикатами. (Марг – своего рода единорог среди свекровей, как мы это называем.)

Дети наконец-то угомонились. К несчастью, они решили объявиться и потребовать нашего внимания сразу после того, как полицейские рассказали нам о Диане, поэтому Саймон и Стелла любезно предложили

остаться, пока детей не накормят и не уложат в кровать. (Саймон сделал даже больше: лично подал бургеры и поболтал с детьми, пока они ели!) Ждать подробностей было сущим адом, но тут мы ничего не могли поделать. Когда пришло время ложиться спать, Олли подхватил на руки Эди (ее было легче всего уложить в постель, требовалось всего лишь спеть короткую колыбельную, дать любимого ягненка и соску), и я позволила ему, потому что, в конце концов, его мать только что умерла. Я взяла на себя двух старших, которые, похоже, догадались, что полиция пришла к нам не просто так. Хватаясь за соломинку, я сказала им, что нас пришли расспросить об украденном велосипеде.

– А чей велосипед? – спросил Арчи, пытаюсь сбросить одеяло, которым я его накрывала. – Не мой?

– Нет, не твой.

Он снова сел в кровати.

– Харриет?

Я толкнула его обратно.

– Она, наверное, где-то его бросила, а теперь притворяется, что его украли. Она давно новый хочет. Если она получит новый, я тоже хочу.

– Никто никому новый велосипед не покупает.

Он посмотрел на меня недоверчиво, но остался лежать. Я наклонилась поцеловать его в лоб, но – хлоп! – он снова сел.

– Они думают, что я украл велосипед?

– Нет, Арчи.

Он успокоился после того, как мне удалось убедить его, что Харриет ни при каких обстоятельствах не получит новый велосипед.

У Харриет были другие заботы. Когда я подтыкала ее одеяло, она вдруг завозилась и заерзала.

– Зачем полицейским приходить к нам домой из-за велосипеда, который даже не наш?

– Ну... они думали, вдруг мы знаем, где он.

– С чего бы им так думать?

В ее немигающих голубых глазах было что-то всезнающее. Харриет часто удается застигнуть меня врасплох этим взглядом.

– Может быть, – сказала она, прежде чем я успела ответить, – они просто говорят, что пришли по поводу велосипеда, но на самом деле собирают информацию о чем-то другом?

В прошлые выходные, когда ночевала у подружки, Харриет смотрела «Детей шпионов», и я подозревала, что именно кино в ответе за все эти разговоры о сборе информации. Но кто знает? Харриет всегда была

проницательной малышкой. Слишком мудрой для своих четырех лет.

– Есть только один способ это выяснить, – говорю я. – Я поговорю с ними, а тебе расскажу завтра. Тебе надо поспать.

Она медленно кивает и забирается под одеяло, но вид у нее при этом совсем не сонный. Если уж на то пошло, она выглядит встревоженной. А это странно, учитывая, что она даже не знает, что ее бабушка умерла.

Я поднимаю глаза, когда из коридора выходит Олли с телефоном в руке. Он плюхается на кухонный стул, и я соскальзываю с барного табурета и сажусь рядом с ним к столу.

– Как Нетти? – спрашиваю я.

Олли кладет локти на стол, подпирает лоб левой рукой.

– Она уже едет сюда.

– Нетти приедет?

– И Патрик.

Я втягиваю воздух, стараясь игнорировать трепыханье паники на дне желудка. Ради бога! Конечно, Патрик и Нетти приедут. В конце концов, мать Нетти только что умерла. Даже хорошо, что жизнь вынуждает нас быть вместе. Я ведь вот уже несколько недель надеялась, что Нетти с нами свяжется, так ведь?

Саймон приносит мне чашку чая на кухонный стол, они со Стеллой выдвигают стулья и садятся. Мы все собираемся, берем себя в руки, готовимся. Любая неформальность в общении, к какой мы прибегли, пока дети были рядом, исчезла, и мы готовы поговорить серьезно.

– И?.. – подстегивает Олли.

– Я сразу перейду к делу, – говорит Саймон. – У нас пока нет всей информации, причину смерти все еще расследуют. Нам известно только, что сегодня после пяти вечера соседка вызвала полицию и сообщила, что видела через окно неподвижное тело вашей матери. К тому времени, как полиция вошла в дом, она была мертва уже несколько часов.

– Да, но что послужило причиной? – Олли не может скрыть разочарования в голосе. Я протягиваю руку и накрываю его ладонь своей.

– Мы будем знать наверняка, только когда получим результаты вскрытия, – говорит Саймон. – Но были найдены вспомогательные средства, а также письмо, которое указывает на то, что ваша мать, возможно, покончила с собой.

В наступившей тишине я ловлю себя на том, что подмечаю каждую мелочь: слабый шорох дождя за стеклом и блеск пота на висках полицейского, муху, застрявшую между занавеской и окном, и бешеную пульсацию крови у меня в голове.

– Я понимаю, для вас это, наверное, шок, – говорит Стелла.

– Да, – отвечаю я.

Я сосредотачиваюсь на Олли, который странно спокоен. Я обнимаю его, вожу ладонью по спине быстрыми ритмичными кругами, как я делаю с детьми, когда они падают и ушибаются. И все равно он застыл, словно вообще не способен пошевелиться.

– Вы уверены? – наконец спрашивает он. – Что она...

– В письме совершенно ясно говорится, что она решила сделать. И... вспомогательные средства, вероятно, были куплены заранее, что указывает на то, что это не было спонтанным поступком.

Олли внезапно встает и целеустремленно делает несколько шагов в одну сторону, потом в другую. Затем внезапно останавливается как вкопанный.

– Какие вспомогательные средства вы нашли?

– К сожалению, в настоящее время мы не вправе разглашать эту информацию. Пока коронер не вынесет постановление о том, что это самоубийство, мы должны рассматривать это как потенциальное убийство...

– Потенциальное?... – Олли открывает рот, но, похоже, не может закончить фразу.

– Просто мы не можем этого исключить, пока не получим соответствующих распоряжений. Я понимаю, что такое непросто услышать.

Саймон держится компетентно и профессионально, но мне трудно воспринимать его всерьез. Он так молод. Что вообще он способен понять о жизни и смерти, с таким-то молодым, без морщин лицом?

– Вы не можете назвать причину, по которой ваша мать могла бы лишиться себя жизни? – спрашивает Стелла. Она смотрит на Олли, но время от времени бросает взгляд на меня, как будто украдкой. – Может, у нее была депрессия? Может, она страдала от психической или физической болезни?

– У нее рак груди, – говорит Олли. – Но рак был в начальной стадии. Она бы не покончила с собой. Я в это не верю.

Олли роняет голову на руки. Но мгновение спустя, когда в окно бьет свет фар, он снова поднимает голову. К дому подъезжает машина Патрика.

– Они здесь, – без нужды говорю я.

– Откройте, – просит Стелла.

Мы с Олли идем к двери. Патрик выбирается с сиденья водителя, над крышей машины возвышаются его голова и плечи. Он обходит машину,

чтобы открыть Нетти дверцу, но она не спешит выходить. Когда она наконец появляется, это шок. Ее лицо осунулось, глаза ввалились. Я всего несколько недель с ней не виделась, но за это время она, должно быть, похудела килограммов на двенадцать.

– Нетти, – произношу я, когда она поднимается по ступенькам. – Я... мне... так жаль.

– Спасибо.

Она не поднимает глаз, поэтому, когда Олли обнимает ее, это застаёт ее врасплох. Возможно, из-за неожиданности она ему позволяет. Патрик держится в нескольких шагах позади, здоровается со мной коротким кивком.

Я поворачиваюсь и иду назад в дом.

Внутри Саймон и Стелла негромко переговариваются, собирая кружки. Я проскальзываю в ванную. Игрушки для купания разбросаны по всему полу, а детские зубные щетки выстроились в ряд на туалетном столике, все еще перепачканные зубной пастой, потому что мы забыли их помыть. Я смываю пасту и ставлю щетки назад в пластиковый стаканчик, где им место. Затем я открываю шкафчик под раковиной и вытаскиваю старое желтое полотенце, такое застиранное, что я держу его только для тех случаев, когда требуется старое полотенце – вытереть пол, почистить ботинки или собрать рвоту. Олли, конечно, не понимает смысла старых полотенец и всегда умудряется вывесить именно его на всеобщее обозрение, когда у нас гости. Но все это, конечно, несущественно, потому что Диана мертва.

– Люси? – зовет из соседней комнаты Олли. – Люси? Где ты?

– Минутку, – кричу я и прижимаю к лицу желтое полотенце, чтобы никто не услышал, как я плачу.

4

ДИАНА ПРОШЛОЕ...

– Ах вот как, ты вчера познакомилась с его новой девушкой, – говорит Джен. – Как все прошло?

Кэти, Лиз, Джен и я сидим на террасе «Бэтс», за спиной у нас расстилается сине-зеленая вода. Мы заказали морепродукты, большое блюдо нарезанной тонюсенькими ломтиками картошки фри и бутылку шампанского «Буланже» – все это чрезвычайно приятно и ужасно претенциозно. За правым плечом Джен парит чайка, с интересом присматриваясь к картошке.

Я поднимаю руку, чтобы заслонить глаза от солнца, и замечаю, что приятельницы пристально смотрят на меня.

– Да, давай, Диана, рассказывай, – просит Кэти.

Подруги подаются вперед, и я чувствую толику неловкости, что очутилась в центре внимания. В то же время меня охватывает возмущение. Одна из причин, почему я выбрала именно этих женщин – жен друзей Тома, – заключается в том, что они обычно слишком поглощены собственными делами, чтобы проявлять интерес к моим, а если на свете и есть что-то, что я от всей души ненавижу, так это когда другие суют нос в мои дела.

– Да, я познакомилась с Люси, – неопределенно отвечаю я. – Все было нормально.

Я делаю глоток. Сегодня первая среда месяца, время нашей обычной встречи в «Брайтон Бэтс». Когда-то такие встречи были ради собраний книжного клуба, и такая идея мне ужасно нравилась. Первой книгой, которую я предложила, была биография Клементины Черчилль, и я пришла в «Бэтс» с целым списком заранее подготовленных тем для обсуждения, но обнаружила, что никто не читал эту чертову книгу. В конце встречи никто не предложил другую, и с тех пор Джен стала называть нас «клубом напитков».

– Нормально? – Джен даже присвистывает. – О боже!

– Что значит «о боже»? – переспрашиваю я. – И что плохого в «нормально»?

– Слабая похвала хуже, чем вообще никакая, – бормочет Лиз.

– Ничего хорошего со слова «нормально» еще не начиналось, – соглашается Кэти.

Я не понимаю. С моей точки зрения, «нормально» – вполне подходящее одобрение для новой подружки сына. Что еще я могу сказать? «Полюбила» или «любовь», очевидно, слишком сильные выражения, и даже «понравилась» было бы преувеличением после одного проведенного вместе вечера – боже упаси меня быть одной из докучливых клуш, которые лебезят перед очередной девушкой сына, навязываясь в лучшие подруги, умоляя пойти вместе по магазинам или в спа-салон. С моей точки зрения, если Люси любит моего сына, а мой сын любит ее, то все нормально. Абсолютно нормально.

– Да ладно, тут ведь речь о Диане, – говорит Кэти, поднимая бутылку шампанского из ведерка со льдом. Обнаружив, что она пуста, она подает знак официанту принести еще одну. – На самом деле «нормально» – это очень высокая похвала.

Все хихикают, что меня озадачивает. Что такого плохого в «нормально»? Вот в чем проблема с новыми подругами. «Новые» тут, правда, натяжка, так как я дружу с Джен, Кэти и Лиз тридцать лет, но ничто не сравнится с подругами, которых знаешь всю жизнь, таких, которым ничего не приходится объяснять. Синтия поняла бы, что я имею в виду этим «нормально». Я до сих пор скучаю по Синтии.

– Ты веселую жизнь ей устроила? – спрашивает Кэти. – Спросила, каковы ее планы на твоего дорогого сыночка?

Почему, скажите на милость, всем так важно знать мое мнение? Считается ведь только то, что о ней думает Олли? В конце концов, какая разница, что о ней думаю я. По-моему, некоторые родители (включая Морин и Уолтера, моих собственных) слишком уж заставляют считаться со своим мнением. Я выросла католичкой, с матерью, которая пристально следила за всем, чем заняты соседи, а уж ее дети – особенно. Я давным-давно пообещала себе, что не буду такой. И в самом деле, я не буду.

– Ты была приятно удивлена? – спрашивает Джен. – Или пришла в ужас?

– Ни то и ни другое, – отвечаю я, потому что Люси оказалась именно такой, какой я ее себе представляла: хорошенькая неврастеничка, отчаянно пытающаяся произвести впечатление. До мозга костей во вкусе Олли. От рождения умненькая, привлекательная и чуточку эксцентричная, и всю жизнь ее обожали – сначала родители, потом мальчики. Она была бы любимицей учителей, старостой школы, лучшей чирлидершей. Таким девушкам, как она, все дается легко. И хотя мне хотелось бы за нее

радоваться, я повидала слишком много девушек, к которым жизнь была не так добра, а потому все это немного меня раздражало.

– Недостаточно хороша для твоего сына, да? – со знанием дела спрашивает Джен.

– Таких вообще не бывает, – соглашается Лиз, что странно, поскольку у нее нет сына.

– Ну не знаю, – тянет Кэти. – Я готова приплатить той, которая займется моим Фредди. Я просто в ужасе, что однажды он захочет переехать ко мне жить, лишь бы бросить работу, сидеть на заднице и смотреть реалити-шоу весь день, называя себя «ухаживающим лицом». Я бы все на свете отдала за невестку. За кого-нибудь, кто выдергивал бы волоски у меня на подбородке и красил мне губы помадой, когда я стану старой и седой. От сыновей в таких вещах никакого толку.

Я жую картошку и надеюсь, что они с головой прогрузятся в обсуждение между собой. Все сводится к тому, что, когда в семье появляется новый член, всегда требуется толика корректировки и подлаживания. У разных людей разные ценности, разные семейные истории, разные мнения. Все может сложиться чудесно, а может, разумеется, и не сложиться. Патрик с нами уже несколько лет, и хотя я была от него далеко не в восторге, мы приспособились. Не сомневаюсь, что с Люси, если она никуда не денется, произойдет то же самое. Тем не менее вполне естественно – немного внутренне поднапрячься. Грядут перемены, конечно, и какое-то время мы будем ходить на цыпочках.

– Думаешь, она охотница за деньгами? – Джен кладет руку мне на локоть, от чего ее вопрос кажется чуть более зловещим и волнующим.

– Нет.

Приятельницы не могут скрыть разочарования.

– Значит, не повторение Патрика?

Я не отвечаю. У меня собственное мнение о мелкой бухгалтерской фирме Патрика, которой он руководит с энтузиазмом человека, ожидающего, что рано или поздно на него свалится значительное наследство и решит все его проблемы. Это не мое дело, и уж точно не дело Джен. А кроме того, независимо от его трудовой этики, Патрик – член семьи, и Нетти его любит. А потому я должна проявить к нему толику лояльности.

– Ну единственно важное – что Олли с ней счастлив, – говорит Кэти после долгой паузы, и все хмыкают в знак согласия. Все, кроме меня.

По-моему, все чересчур уж заинтересованы в том, счастливы ли их дети. Спросите любого, чего он хочет для своих детей, и он ответит –

счастья. Чтобы они были счастливыми! Не сознательными членами общества. Не скромными, мудрыми и терпимыми. Не сильными перед лицом невзгод и не благодарными перед лицом несчастий. А вот я всегда хотела, чтобы моим детям выпало испытать трудности. Настоящие, честные трудности. Чтобы они столкнулись с достаточно серьезными проблемами и стали чуткими и мудрыми. Возьмем беременных беженок, с которыми я имею дело каждый день. Они прошли через невообразимые испытания, но упорно работают, вносят свой вклад в общество и благодарны.

Чего еще можно хотеть для своих детей?

Помолвка состоялась быстрее, чем я ожидала, всего через год. Как-то вечером Олли объявил об этом за ужином с той же гордой улыбкой, с какой в два года приносил из сада дохлую птицу. Том, конечно же, едва не воспламенился от этой новости, в какой-то момент даже разразился настоящими слезами. Ради всего святого! Это было пять месяцев назад. До того как начались настоящие хлопоты по планированию свадьбы.

– Мама с папой готовы?

Мы с Питером, отцом Люси, сидим бок о бок на мягких стульях эпохи Людовика XV, которые развернуты лицом к бархатному занавесу. Время от времени Люси выходит из-за занавеса и поднимается на небольшой подиум, а вокруг нее суетится продавщица по имени Ронда. Откровенно говоря, происходящее мучительно по многим причинам, и не в последнюю очередь потому, что Ронда продолжает называть нас мамой и папой, несмотря на то что я дважды указала, что я Люси не мать, а ей, Ронде, и подавно.

– Готовы, – хором отвечаем мы.

Я думаю о том, что сказала бы моя мать, если бы я пригласила ее в такое место. («Что за вздор! Я сама сошью тебе свадебное платье, а Ида и Норма из церкви мне помогут. Ида сделала поразительные розеточки на свадебное платье своей племянницы Мэри, видела бы ты их! Конечно, платье пришлось распустить, потому что к великому дню бедняжка раздалась в талии. Сколько по этому поводу было разговоров, знаешь ли...»)

Признаюсь, я была удивлена, когда Люси пригласила меня на сегодняшний просмотр. (По-видимому, дочка подружки невесты сломала руку, упав утром со шведской стенки, и в настоящее время будущая подружка невесты сидит в детской больнице, ожидая операции, а Люси хочется услышать женское мнение.) На самом деле, группка получилась

довольно необычная, учитывая присутствие отца Люси, но Люси настояла. «С тех пор как мне исполнилось тринадцать, он был мне не только отцом, но и матерью. Думаю, он более чем заслужил право присутствовать».

«Что ж, справедливо», – подумала я, хотя и не осмелилась высказать свое мнение. Главные в таких делах матери, а свекровям – то есть матерям лишь «на замену», постольку-поскольку – лучше бы заткнуться и сидеть тихо.

Как ни странно, Люси была очень застенчива, когда приглашала меня прийти. «Уверена, ты очень занята, но на случай, если ты свободна, я была бы рада, если бы ты смогла».

Так уж судьба распорядилась, что дел у меня не было, а я никогда не умела придумывать ложные оправдания. Нетти, по-видимому, тоже была приглашена, но, к ее огорчению, на это время ей было назначено к врачу, чтобы получить подтверждение или опровержение диагноза.

– Вот она! – восклицает Ронда, распахивая бархатный занавес, и, схватив Люси за локоть, буквально выволакивает ее на подиум в платье, которое выглядит точно так же, как и предыдущее: с открытыми плечами и пышной юбкой в пол, как у Барби, втиснутой в торт на детском дне рождения. Она заставляет Люси нелепо покрутиться, взмахивая юбкой.

– Вам нравится? – застенчиво спрашивает Люси.

У Питера предсказуемо на глаза наворачиваются слезы. Он поднимается на ноги – типичный бывший профессор, начиная от твидового пиджака и заканчивая мягкой белой бородой и кожаными ботинками на шнуровке. Он достает из кармана носовой платок и прижимает его к глазам.

– Думаю, это можно расценить как одобрение! – восторженно заявляет Ронда. – А вы что думаете, мамочка?

Все смотрят на меня.

А мне в голову приходит только, что все это чудовищное расточительство. Платье, розовый бархатный занавес, стулья в стиле Людовика XV. Но что я должна сказать?

– Разве она не прекрасна? – подстегивает Ронда.

Люси, конечно, хорошенькая, но я понемногу осознала, что самое интересное в ней – это ее необычный стиль: несочетаемые принты, всполохи цвета, пайетки и блески. Сегодня она пришла в свадебный магазин в огромной соломенной шляпе с широкими полями и в сабо. Сабо! Если хотите знать мое мнение, это немного чересчур, но нельзя отрицать, что девушка о себе заявила. Однако в этом платье она выглядит совершенно безликой. Классическая, типичная невеста.

– Ну, я думаю, это...

– А ты как думаешь, Люси? – говорит, выныривая из-за носового платка, Питер. – Тебе нравится?

На лице Люси появляется осторожная улыбка.

– Да.

После таких слов Ронда уходит в заднюю комнату и возвращается с вуалью, которую пристраивает Люси на голову, закрепляя букетом из пластмассовых розочек. Это так явно отдает стратегией продаж, что я невольно буравлю ее взглядом. Нет, в навязывании товара нет ничего дурного, и надо как-то зарабатывать на жизнь. Но все происходящее почему-то кажется неприличным, отдает принуждением.

Питер откашливается.

– Итак, Ронда. Каков будет урон?

Ронда идет к своему компьютеру и необоснованно долго стучит по клавишам. По-видимому, в свадебных магазинах выставить цену невероятно сложно. Я отворачиваюсь и делаю вид, что разглядываю атласные свадебные туфли. И платье, и свадьбу оплачивает Питер, который отклонил все наши предложения внести половину. Том, который, как и следовало ожидать, пришел в ужас, практически умолял его передумать, пока я не убедила его: Питер может счесть это оскорбительным. Кроме того, к большому моему облегчению Люси и Олли планируют очень скромную свадьбу, поэтому я уверена, что Питер ее потянет. То есть так я думаю, пока Ронда не произносит шепотом сумму, на которую можно купить новый автомобиль на целую семью.

С лица Питера сходят все краски.

– О боже, – говорит Люси. – Правда?

Ронда серьезно кивает:

– Это же настоящие стразы Сваровски. И это бальное платье, так что на него пошло много ткани.

– Я примерю что-нибудь другое, – тут же говорит Люси. – Что-нибудь попроще или витринный образец.

Схватив свадебный журнал, я делаю вид, будто сосредоточенно его читаю. Вот почему свекровей на подобные мероприятия не приглашают! Питер почувствует себя невероятно неловко от того, что я стала свидетельницей этой сцены, у него появится ощущение, что его загоняют в угол. Будь здесь Том, он уже вскочил бы на ноги, протягивал золотую кредитку, практически совал бы ее в руке Ронде. В моем стиле было бы сказать Люси, что есть, наверное, очень неплохое платье, которое стоит меньше первого взноса на дом.

Я думаю об Амине, которую навещала сегодня утром в ее квартирке. Она приехала из Судана три месяца назад, беременная близнецами, с еще тремя детьми, все младше пяти лет. Я привезла ей подержанную коляску для близняшек, а она разрыдалась и попросила Аллаха благословить меня и мою семью. Она сказала, что будет возить в ней двух своих младших до супермаркета, потому что обычно ее детям двух и трех лет приходится идти самим, а их маленькие ножки ужасно устают. По ее словам, иногда им требуется целый час, чтобы пройти километр.

– Это то, которое ты действительно хочешь? – спрашивает Питер.

– Папа... ты уверен? Это большие деньги.

– У меня только одна дочь, – говорит он. – И невестой она будет только один раз.

– Вам и вуаль тоже понадобится? – вставляет Ронда, эдакий стервятник. – Я спрашиваю просто потому, что это последняя, какая у нас есть в наличии. И я могу сделать вам скидку в десять процентов.

Она начинает снова стучать по клавишам. Через пару секунд она объявляет цену, от которой у меня на глаза наворачиваются слезы.

– Нет, мне не нужна вуаль, – качает головой Люси.

– Но ведь она очень даже завершает образ, правда, мамочка? – подстегивает Ронда, втягивая меня в свои отвратительные махинации. – И это небольшая цена за то, чтобы устроить вашей дочери идеальную свадьбу, верно я говорю?

На мой взгляд, Ронда сейчас поднялась на новый уровень зла. Заставляет несчастного отца покупать вуаль, которую он не может себе позволить. Подстегивает меня стать на ее сторону против несчастного. Намекает, мол, если он не купит кусок нелепо дорогого кружева, значит, он не любит свою дочь и не хочет, чтобы у нее была идеальная свадьба. Если бы это зависело от меня, женщину вывели бы на улицу и выпороли кнутом.

– Честно говоря, сомневаюсь, чтобы кто-то, помимо членов королевской семьи, посчитал бы такую сумму небольшой, – говорю я ей. – Это грабеж среди бела дня, и вам следовало бы постыдиться. Я не знаю, как вам спится по ночам.

Питер и Люси оборачиваются и смотрят на меня, а Ронда краснеет и делает угрюмое лицо подростка, который чувствует, что весь мир ополчился против нее и что ни в чем – вообще ни в чем – ее вины нет.

– И еще кое-что, – говорю я, раз уж привлекла к себе всеобщее внимание. – Как я уже несколько раз повторяла, я не мать Люси. – Я складываю руки на коленях. – Я ее свекровь.

ЛЮСИ НАСТОЯЩЕЕ...

– Кто-нибудь хочет чаю? – спрашиваю я.

Никто не отвечает, но я все равно иду на кухню, чтобы поставить чайник. Мысли у меня разбегаются. Диана мертва. Умом я это понимаю, но почему-то мне кажется, что это не так. Это странное, отупляющее или обезболивающее ощущение мне знакомо, оно напоминает мне первое время после смерти матери, когда я бродила как в тумане, не отдавая себе отчета, какой сейчас день недели или какое время суток. И только через несколько дней на меня обрушилась боль – стремительно и с силой, словно ее зарядили в рогатку и выстрелили в меня. Во время похорон я наконец сломалась под ее тяжестью и рыдала так истерично, что мой бедный отец не знал, что делать.

Я стягиваю с верхней полки и расставляю на стойке кружки. Небо за окном – черное. Патрик, Нетти и Олли остались в гостиной, расселись тут и там, но смотрят в разные стороны. У меня такое чувство, что Патрик и Нетти хотели бы уйти, но считают, что не должны, как будто это может быть сочтено пренебрежением к Диане. В конце концов, в такие времена члены семьи должны быть вместе.

Саймон и Стелла уехали больше часа назад, оставив после себя две блестящие визитные карточки и некое подобие спокойствия. Нетти с тех пор, похоже, переосмыслила свои первоначальные объятия с Олли и устроилась так, чтобы очутиться как можно дальше от него, не покидая при этом комнаты. Патрик сидит рядом с ней и гладит ее по ноге, искренне, но без эмоций. Из глаз Нетти текут слезы – наворачиваются и падают как будто без малейших усилий или вообще какого-либо участия с ее стороны.

У Олли глаза на удивление сухие. И вообще его реакция – невероятная комбинация замешательства и раздражения: он попеременно то качает головой, мол, «нет», потом кивает, мол, «да», – что бы это ни означало. Странно, но именно нечто подобное испытываю я сама. «Нет, Диана не может быть мертва», а за этой мыслью следует: «Да, она мертва, и это еще не самое худшее на свете». В конце концов, я никогда не скрывала свою неприязнь к Диане. Отношения у нас были бурные. В какой-то момент дошло даже до рукоприкладства. Интересно, узнает ли об этом полиция,

когда будет расследовать смерть Дианы?

Пока я достаю мой «чай для гостей» (у меня такое чувство, что Нетти не помешал бы ромашковый), я не могу не думать о том дне, когда умер Том. Нас всех вызвали из дома или с работы в середине утра, чтобы попрощаться, но к полуночи он все еще цеплялся за жизнь. Это был не первый раз, когда нам позвонили. Мы уже дважды слезно с ним прощались, а Том все сражался и сражался, но на сей раз врачи сказали, что это конец. По-видимому.

По прошествии двадцати четырех часов, пока Том продолжал цепляться за жизнь, Олли спросил у медсестры, нельзя ли дать что-нибудь Тому, чтобы «положить конец его страданиям».

Когда медсестра объяснила, что ничего такого сделать нельзя и что мучения Тома могут продолжаться несколько дней, Олли потянулся за подушкой и объявил, что хотел бы «несколько минут побыть наедине с папой».

Всех слегка залихорадило измученным хохотом – даже Диана, что удивительно, улыбнулась, когда объясняла медсестре, мол, конечно же, ее сын шутит. Но сегодня никаких шуток не будет. Сегодня все бесконечно серьезны и мрачны.

Собрав кружки, я отношу чай в гостиную и протягиваю Нетти кружку, но она как будто не замечает. Через пару секунд Патрик берет кружку и ставит ее на кофейный столик.

– Наверное, еще слишком рано думать о похоронах, – говорю я.

Я, наверное, действительно поспешила, но я больше не могу выносить тишину, а о чем еще мы должны говорить? Нетти пялится в пустой экран телевизора. Олли уперся взглядом в свои ботинки.

Только Патрик смотрит на меня и слегка пожимает плечами.

– Полагаю, это зависит от того, когда нам отдадут тело, – говорит он.

Нетти заметно напрягается.

Я сажусь на подлокотник дивана рядом с Олли.

– Когда это произойдет?

– Думаю, будет вскрытие, – говорит Патрик. – А на это требуется время.

– Но... почему они хотят сделать вскрытие? – спрашивает Нетти.

Она оглядывается по сторонам в полубессознательном состоянии, как будто только что проснулась.

– Полицейские сказали, что должны рассматривать ее смерть как убийство, – объясняет Олли.

Глаза у Нетти расширяются. Все как будто забыли, что мы решили не

встречаться взглядами, и пристально смотрят друг на друга.

– Они сказали, что должны изучить возможность убийства, – повторяет слова Олли Патрик. – Они не говорили, что считают это убийством. Мне все показалось довольно ясным. Письмо, те... вспомогательные средства.

– Как по-твоему, о каких средствах идет речь? – спрашивает Олли. В его лице читается недоумение. – О лекарствах? О наркотиках? Или это веревка или пистолет?

– Олли! – восклицаю я.

Нетти так побледнела, что, кажется, вот-вот упадет в обморок. Где-то в соседней комнате звонит телефон Олли. Так поздно позвонить может только Эймон, деловой партнер Олли. Я вздыхаю с облегчением, когда Олли даже не встает, чтобы взять трубку.

– Если они думают, что это может быть убийством, – говорит Нетти, всматриваясь по очереди в каждого из нас, – они что, будут с кем-то говорить? Проводить расследование?

Патрик опускает взгляд на колени.

– Думаю, им придется.

– Но кого они подозревают? – спрашивает Олли. – Кому понадобилось бы убивать маму?

Происходит это медленно, но один за другим Патрик, Олли и Нетти поворачиваются посмотреть на меня. Я упираюсь взглядом в свой чай.

6

ЛЮСИ ПРОШЛОЕ...

– У меня нет ничего взятого взаймы^[2], – говорю я Клэр, моей замужней подруге невесты.

Она сидит в кресле в папиной спальне со своей трехлетней дочкой Милли на коленях. Милли на свадьбе будет нести цветы, эта роль приводила ее в восхищение до тех пор, пока две минуты назад она не поняла, что ей расчешут волосы. Теперь Клэр сжимает Милли между колен, с трудом проводя расческой по кудряшкам, а Милли крутится и вертится так, словно ее щекочут тысячей перьев.

– Оставь ее, – говорю я, наблюдая за ними в зеркало. – У нее и так прекрасные волосы.

– Как получилось, что у тебя нет ничего взятого взаймы? – восклицает Клэр, отпуская Милли и откладывая щетку. – Сегодня же день твоей свадьбы. Кстати говоря, как насчет комплекса сбежавшей невесты? Мне придется выдирать гвозди из оконных рам и седлать лошадь, чтобы ты смогла убежать, как Джулия Робертс?

– Ни малейшего шанса, – говорю я.

– Ты уверена? Я могу попросить кобылу подождать на случай, если ты захочешь по-быстрому смыться. Может быть, от свекрови?

Я проверяю, нет ли на зубах следов помады. Оттенок красного, цвета пожарной машины – несколько рискованно для дня свадьбы, но я думаю, что это сойдет мне с рук.

– Может, на всякий случай оставить мотор включенным?

Мы с подругами по косточкам разобрали мои отношения с Дианой, начиная с того, как она назвала меня нормальной, до того, как раз за разом твердила, мол, она мне не мать, во время покупки свадебного платья, до намека на то, что свадебное платье, которое я выбрала, легкомысленное и слишком дорогое. Надо признать, насчет платья она была права. Я знала, что малость увлеклась, но с какой невестой такого не случалось? По крайней мере, я была достаточно взрослой, чтобы это признать! После вспышки со стороны Дианы в свадебном магазине я убедила папу – к ужасу продавщицы, – что мне нужно время, чтобы подумать. На это ушло несколько дней, но я поняла, что Диана права, цена была смехотворно

завышена – грабеж среди бела дня, как она и сказала. А несколько дней спустя, просматривая свадебный альбом родителей, я заметила, какое красивое было платье мамы. Не знаю, почему я о нем не подумала. Мне всегда нравилось носить мамину одежду. Не проходило и дня, чтобы я не надевала пальто, шарф или драгоценности из ее коллекции. Просто закутываясь во что-то, что ей принадлежало, я чувствовала себя ближе к ней. В те дни, когда я особенно по ней тосковала, я надевала несколько маминых вещей разом.

Сделав пару шагов назад, я смотрю на свое отражение. Мамино платье – это и есть мое «что-то старое». Шелковое платье цвета слоновой кости семидесятых годов с маленьким вырезом, длинными рукавами, завышенной талией и рядом пуговиц от левого плеча почти до самого подбородка. Когда я попросила папу, он достал его с чердака – платье было любовно завернуто в папиросную бумагу тридцать лет назад. На нем появилось несколько желтых пятен, но они находились на талии, и их легко будет спрятать под широким, мятно-зеленым поясом, который я к нему добавила. Шляпка-таблетка с вуалью-сеткой, которую я в самом деле купила в свадебном магазине, – мое «что-то новое». Сапфировые сережки, которые Олли подарил мне на день рождения, – мое «что-то голубое».

– Так, ладно, – говорит Клэр. – Что-то взятое взаймы. – Она показывает на бриллиантовые серьги в ушах. – Как насчет моих сережек?

– Но сапфиры в серьгах – это «что-то голубое».

– Мои туфли?

Нога у Клэр на полтора размера больше моей. Кроме того, туфли у нее – розовые, под цвет ее платья.

– Моя помада? Заколка?

Клэр старается, но сейчас просто хватается за соломинку. Я уже сделала макияж у визажиста. Волосы лежат свободными волнами и вскоре будут увенчаны шляпкой с вуалью. Милли, которая сейчас прыгает на папиной кровати, наденет веночек из цветов, как и сама Клэр.

В дверь тихонько стучат.

– Входи, папа, – откликаюсь я.

Несмотря на то что я неоднократно говорила папе, что он может смотреть на меня перед свадьбой, что никакой дурной приметы тут нет, он закрывал глаза всякий раз, когда мы сталкивались сегодня утром. Я жду, что в щели возникнет его милое бородатое лицо с зажмуренными глазами, но дверь остается закрытой.

– Папа? Ты можешь войти.

– Люси? Это Диана Гудвин.

Мы с Клэр переглядываемся. На нас накатывает волна безмолвного ужаса. Диана у двери! Что, скажите на милость, она тут делает?

– Привет, Диана, – произношу я дрожащим голосом. Интересно, почему нет правила, запрещающего свекрови видеться с невестой в день свадьбы? – Ты бы хотела... Ты бы хотела войти?

После короткой паузы дверная ручка поворачивается. В щели приотворенной двери появляется лицо Дианы.

– Мне жаль, что я вот так объявилась. Просто я хочу тебе кое-что дать.

– О?..

Я открываю дверь шире, и Диана энергично улыбается Клэр и чуть менее энергично – Милли, которая замирает в прыжке на папиной кровати. Малышка в упор смотрит на Диану. У меня возникает такое чувство, что она напугана не меньше меня.

– Дам вам поболтать пару минут, – говорит Клэр, подхватывает Милли и выбегает за дверь.

Диана выжидает, когда они уйдут, а затем переступает порог комнаты.

– Ты выглядишь очаровательно, – говорю я.

Это не пустые слова. Я никогда не видела Диану настолько красивой. На ней темно-синий льняной топ и мягкая голубая юбка до пола. А еще макияж: розовая помада и дымчатые тени, и пахнет от нее, как от букета свежесрезанных цветов. Я вдруг вижу Диану молодой женщиной, прекрасной молодой женщиной, и понимаю, почему рядом с ней Том всегда выглядит таким довольным собой.

– Спасибо, – отвечает Диана. – Ты тоже. Я позвонила сегодня утром твоему отцу, чтобы узнать, не могу ли я чем-нибудь помочь, и он сказал, что у тебя нет ничего взятого взаймы. – Диана достает из сумочки шкатулку из темно-синей кожи, отделанную золотом. – Я надевала его в день моей свадьбы. – Открыв шкатулку, она достает серебряное ожерелье с маленькой плоской витой подвеской. – Это кельтский узел. Он олицетворяет силу. Если он не подходит к твоему платью, можно спрятать его под лифом.

– Он замечательный, – тут же отвечаю я. – И я не стану его прятать. Я буду носить его на шее, чтобы все могли его видеть.

Диана выглядит настолько довольной, насколько это вообще возможно для нее. Она подходит ко мне сзади, и я поднимаю волосы, чтобы она застегнула ожерелье. Закончив, она указывает на мою шляпку и вуаль:

– Помочь тебе с ними?

– Это... было бы чудесно.

Диана высокая, почти на целую голову выше меня, и когда она

закалывает шляпку у меня на виске, я вижу ее глаза. Они суживаются от сосредоточенности, пока она возится с булавкой, поправляет вуаль вокруг моего лица, а затем расправляет складки платья сзади. Конечно, я думаю о матери. Если бы она была здесь, то застегнула бы на мне ожерелье, расправила бы складки платья. В горле у меня встает комок.

– Спасибо, – говорю я, поворачиваясь и обнимая Диану.

Она слегка напрягается, не отвечая на мои объятия и не отстраняясь, но я все равно притягиваю ее к себе. Она худая и угловатая, и мне кажется, что я обнимаю мешок с вешалками.

Через пару секунд я опускаю руки.

– Ладно, – говорит Диана, откашливаясь. – Мне лучше вернуться к Олли.

И на том как будто все. Я стараюсь не думать о том, что она на самом деле не обняла меня в ответ. Но ведь она пришла! Она принесла мне красивое, полное значимости украшение, которое она сама носила в день своей свадьбы. Мы добились прогресса. И я собиралась это отпраздновать.

Диана направляется к двери, но внезапно останавливается и оборачивается.

– И... да... Люси?

– Да?

– Это ожерелье – «взятое взаймы».

– Знаю, – говорю я.

Я снова смотрю на него в зеркало, поражаясь его совершенству. Трудно поверить, что самая малость – и мне не довелось бы его носить.

– Хорошо, – говорит она, – потому что одолженное полагается возвращать.

Долгая пауза.

– Я это понимаю, – медленно говорю я, и Диана, слегка кивнув, выходит из комнаты.

– Девушки захотят шампанского, – говорит Эймон официантке в черных брюках и накрахмаленной белой рубашке. – Если я что и знаю о девушках, так это то, что они всегда хотят шампанского.

Жена Эймона Джулия с энтузиазмом кивает. Она подзывает официантку и показывает на бутылку «Дом Периньон».

– Прекрасный выбор, – говорит официантка.

Кровь отливает от лица Олли. Еще до нашего приезда он начал нервничать из-за того, во что обойдется этот прием (кормежка Эймона всегда обходились недешево), но когда мы приехали в «Арабеллу»

и увидели белые скатерти и меню без цен... Я понимала, что он в панике. А теперь еще «Дом Периньон». И еще обиднее этот выбор от того, что я на восьмой неделе беременности... а значит, я не могу ни выпить его, ни сказать вслух, что не пью, иными словами, под конец вечера на столе останется невыпитый бокал жутко дорогого шампанского.

– Ну и как продвигаются поиски дома? – спрашивает нас Джулия, когда официантка удаляется. Ее лицо собирается морщинами от беспокойства, как будто она спрашивает о редком заболевании, которое у нас недавно обнаружили. – Знаешь, когда мы покупали наш дом в Южной Ярре, мы пользовались услугами адвоката. Хотите, дадим вам его контакты?

Тот факт, что мы с Олли снимаем дом, бесконечно озадачивает всех друзей и знакомых Олли. В какой-то момент, кажется, все пришли к выводу, что мы просто не можем найти подходящий, ведь все считают, что стоит нам выбрать, как родители Олли сразу выложат денежки. К сожалению, это не так. За год с тех пор, как мы поженились, мы с Олли старательно копили на первый взнос. Сейчас, когда мы оба работаем, то неплохо зарабатываем, но скоро, если все пойдет как надо, я буду сидеть дома с ребенком. И, к сожалению, ни один адвокат по сделкам с недвижимостью не поможет нам, если у нас не будет денег.

Будь дело только во мне, я бы просто указала на тот факт, что родители Олли не оплачивают его счета, но Олли бывает застенчивым в таких вопросах. Поэтому я ничего не говорю, а только подыгрываю.

– А почему бы и нет? – произносит тем временем Олли. – Не повредит, правда?

Джулия кивает, радуясь, что может помочь, а Эймон возится со своим телефоном, пересылая контакт Олли. Я действительно не способна понять, в какие игры иногда играют друзья Олли, выдавая каждую неудачу или провал за «прекрасную возможность двигаться в новом направлении». Как бы мне хотелось посмотреть на лица Эймона и Джулии, если бы мы сказали: «На самом деле мы сейчас едва-едва наскребаем на квартплату, и я могу гарантировать, что ваш адвокат по недвижимости и близко не подойдет к районам, которые мы сейчас присматриваем! Ха-ха-ха!»

– И вообще, – говорит Эймон, засовывая телефон обратно в карман пиджака, – вернемся к суперфудам!

С тех пор как мы пришли, Эймон тщетно пытается объяснить Олли свою новую бизнес-идею. Всякий раз, когда я вижу его, Эймон носится с новой бизнес-идеей, утверждая, что это самый писк, будущий тренд и хвататься за него надо как можно скорее. Какое-то время у него была франшиза по производству спреев для загара, потом делал детские наборы

для снятия отпечатков пальцев. По словам Олли, дела у него шли с переменным успехом, но в чем в чем, а в упорстве ему не откажешь. Мне просто очень хотелось, чтобы он перестал обсуждать это в малейших подробностях за ужином, когда всем понятно, что Олли полностью сосредоточен на том, чтобы выяснить, как мы можем уйти из ресторана, потратив меньше пяти сотен баксов.

– Смужи заменяет полноценный прием пищи и под завязку набит суперфудами. Свежий продукт доставляется к вашей двери в пакете с застежкой, достаточно вставить его в ваш «НутриБлок», и вуаля!

Я моргаю.

– Так, значит... фрукты и овощи? В пакетах? И это все?

– Не фрукты и овощи. – В голосе Эймона слышатся нотки триумфа. – Сбалансированное питание. Можно выпить не отходя от рабочего стола и назвать это ланчем.

– Вроде протеиновых коктейлей?

– Но не с какой-то там химией, а со свежими продуктами. Суперфуды.

С тех пор как мы пришли, Эймон по меньшей мере семнадцать раз произнес слово «суперфуд», и я ловлю себя на том, что мне отчаянно хочется спросить, что такое «суперфуд», потому что я подозреваю, что он сам этого не знает. Но опять же ради Олли, который дружит с Эймоном с детского сада и их родители знакомы, я заставляю себя сдержаться.

– Как интересно. Ну удачи! – произношу я вслух.

А удача ему понадобится.

Но Эймон меня не слушает, он слишком сосредоточен на Олли.

– А как у тебя дела, старина? Как дела в мире поиска персонала?

– На подъеме. Вообще-то на прошлой неделе сделали отличный подбор. Одному малому по имени Рон шестьдесят лет, и он уже полгода был без работы. А ему очень нужно было поработать еще пять лет, прежде чем он сможет выйти на пенсию, но все говорили ему, что у него нет надежды, потому что у него узкая специализация на системе, которая уже устарела. Я пообещал, что найду что-нибудь, а потом вдруг – ба-бах! – на прошлой неделе я нашел клиента, который свою систему управления кадрами переводит на новые рельсы. А работал он на той самой платформе, которую Рон практически написал в восьмидесятые. Рон теперь глава отдела преобразования. И Рон, и клиент едва поверили в свою удачу.

Олли сияет. Мне нравится видеть его таким. Его хлебом не корми – дай подобрать подходящего кандидата на подходящую работу, – особенно в таких трудных случаях. Он взаправду слушает, что говорят во время собеседования кандидаты, и к тому времени, когда они уходят, они

становятся друзьями. К сожалению, это качество, этот актив редко получает вознаграждение в отрасли, которая ценит целеполагание и выполнение задач, и по этой причине большинство коллег Олли давно опередили его и ушли в менеджмент, а он все так же остается на своем месте и мучается, подбирая работу таким, как Рон.

– Круто, круто, – говорит Эймон. – Но ты ведь там уже давно, верно? Ты не думал о том, чтобы немного расправить крылья? У тебя теперь довольно ценные связи. Мир у твоих ног. Не можешь же ты вечно работать на чужого дядю.

Эта маленькая речь явно отдает подвохом, этот человек чего-то хочет. Я вся внутри сжимаюсь.

– Ладно, выкладывай, – говорит Олли, явно истолковав речь Эймона так же, как и я. – Ты хочешь, чтобы я вошел в твой бизнес, в этом все дело? Или хочешь, чтобы я начал с тобой новый? Или инвестировал в какой-то еще бизнес?

Эймон пытается сделать оскорбленное лицо.

– Разве человек не может интересоваться карьерой закадычного друга? Но... раз уж ты об этом упомянул, я, возможно, ищу делового партнера. – Он ухмыляется.

– В бизнесе по производству смузи?

– Заменителей еды, – поправляет Эймон. – С суперфудами!

– И чем я тут могу тебе помочь? – спрашивает Олли.

«Ты мог бы дать денег, – произношу я про себя. – Вернее, твой отец мог бы». Вот что на уме у Эймона.

– Ты недооцениваешь себя, приятель, – говорит Эймон. – Ты мог бы стать ценным приобретением для любого бизнеса. Ты человек с характером, ты умеешь общаться с людьми. Такие в любом бизнесе нужны.

Олли не отвечает сразу, и на какой-то ужасный момент мне приходит в голову: а вдруг он обдумывает, не присоединиться ли к Эймону в этом его бизнесе по производству коктейлей. Я смотрю на мужа. Кажется, он глубоко задумался. Но предложение Эймона не требует даже минутного размышления. Так ли это? А что, если... что, если я что-то упускаю? Что, если Олли не доволен своей работой? Но он же только что говорил, как нашел место для шестидесятилетнего Рона? Уж конечно, человек, который доволен своей работой, не станет задумываться о том, чтобы сменить карьеру, только потому, что его друг предложил это за ужином?

– Вы все успели изучить в меню? – говорит официантка, появляясь у столика.

Но никто из нас этого не сделал. Я старательно избегала на него

смотреть, боясь увидеть цены. Но внезапно дороговизна в «Арабелле» показали мне наименьшей из наших забот.

– Позвольте, расскажу вам о фирменных блюдах? – предлагает официантка в ответ на наше молчание. – Сегодня у нас отличные трижды проваренные свиные желудки, а из рыбы – голубой тунец под корочкой из пармезана.

– Дайте нам несколько минут, – говорит Эймон официантке, не сводя глаз с Олли. У него практически слюнки текут, он готов наброситься как стервятник. Глаза Олли устремлены в потолок, губы сжаты, как будто он действительно всерьез задумался.

– Олли, – говорю я, отчаянно пытаюсь вмешаться, прежде чем он скажет что-нибудь непоправимое.

– Вот никак не могу решиться, – произносит мой муж. – Свинина или рыба?

– Свинина или рыба?! – взрывается Эймон. – Я думал, мы про суперфуды говорим!

– Что? – Олли хмурится. – А, твои смузи. Нет, послушай, я желаю тебе процветания, но правда же, приятель, мешать бизнес с удовольствием? Это же плохая идея? Это всем известно.

Я чувствую, как рука Олли сжимает под столом мою коленку, и выдыхаю. У моего мужа есть гордость, но он не глуп. Может быть, когда дело доходит до денег, Олли умнее, чем я думала.

ЛЮСИ НАСТОЯЩЕЕ...

На следующий день я сосредотачиваюсь на детях. Несмотря на то что вчера вечером появилась полиция, дети поглощены собой и, похоже, не подозревают, что случилось нечто дурное, хотя Эди разрешили слопать семь пакетиков мармеладок (обычно можно не больше двух в день), а Арчи и Харриет не повезли на карате и гимнастику, не отлучили силой от мобильных устройств в субботу в полдень. Но теперь мы должны им сообщить. Мы не можем сказать им, как Диана умерла, но, по крайней мере, мы можем сообщить, что она мертва. Мы можем сказать, что пока не знаем почему, что этим занимаются врачи. Это их удовлетворит. Честно говоря, они, вероятно, довольствовались бы объяснением «она была очень старой».

Я смотрю на Олли. Вчера он не хотел признавать, что это правда, а сегодня, кажется, перешел к следующей стадии горя, какой бы она ни была. За все утро он не проронил ни слова, если не считать странных эмоциональных всплесков. Как, например, когда несколько минут назад, когда Харриет – посреди спонтанного пируэта – поскользнулась на подушке и полетела буквально кувырком. Она упала на пол навзничь, лицом к потолку и тут же подняла вой. Олли смотрел на нее секунду или две, потом непонятно почему расхохотался. К тому времени как я подбежала к Харриет, он буквально сгибался пополам от смеха.

Горе.

Я ловлю взгляд сидящего на диване Олли и произношу одними губами: «Давай скажем им сейчас». Я почти уверена, что он продолжит смотреть в пространство, но он кивает, берет пульт и выключает телевизор.

– Эй! – кричит Арчи.

Харриет и Эди буравят нас взглядами. Я сажусь на подлокотник дивана, и дети снова переводят взгляд на телевизор – им комфортнее с экраном, чем с живыми человеческими лицами.

– Дети, мы должны вам кое-что сказать.

– Что? – стонет Арчи, бросая джойстик от приставки.

– У нас печальные новости.

Арчи и Харриет резко оборачиваются. «Печальные новости». Теперь

мы привлекли их внимание. Они достаточно смотрели детских фильмов (это только мне так везло или во всех детских фильмах, черт бы их побрал, родители умирают?), чтобы знать, что такое печальные новости.

Когда умер Том, дети были безутешны. Арчи снова начал мочиться в постель, а у Харриет случались приступы паники, если Олли хоть немного опаздывал с работы. («Он умер?» – спрашивала она, вытаращив на меня маленькие глазки, которые вдруг казались размером с блюдца.) Эди, конечно, тогда ничего не поняла, но на этот раз все по-другому. Она обожает Дидо (дурацкое имя, но Диана настаивала, чтобы ее так называли). Все они любят Дидо. Любили Дидо.

Я делаю глубокий вдох.

– Дидо вчера умерла.

Харриет реагирует первой, испуганно охает. Ее руки взмывают, образуют шатер вокруг рта, и она громко вдыхает и выдыхает. В этом есть что-то фальшивое, словно она воспроизводит то, что видела по телевизору.

Арчи еще не отреагировал, поэтому я сосредотачиваюсь на нем.

– Ты меня слышал, приятель?

Арчи кивает. Выражение лица у него мрачное, но более сосредоточенное, чем если бы, скажем, я сказала ему, что ему нельзя мороженое на десерт.

– Дидо умерла, – повторяет он, понурившись.

Отняв руки от лица, Харриет раздражается смехом.

– Дидо дала дуба! – распевает она. – Дидо дала дуба.

Она валится на пустой диван и хохочет так, что ей приходится схватиться за живот.

– Нет тут рифмы, дурочка, – говорит Арчи.

– А вот и есть.

– Нету.

– А вот и есть!!!

– Дети, – вмешиваюсь я, – вы понимаете, о чем я говорю? Помните, как умер Большой Па? Он тогда улетел на небеса, и мы его больше не видели. Ну... теперь умерла Дидо.

Харриет снова смеется.

– Ну прости! Просто смешно звучит.

Арчи издает смешок. Эди, конечно, присоединяется, хотя понятия не имеет, что происходит.

– Разве вам не грустно, что Дидо умерла? – спрашивает Олли с чуть заметной гнусавостью.

Я поворачиваюсь к нему, внезапно испугавшись, вдруг он сейчас

заплачет. Ничего дурного в этом нет, но момент не самый удачный. Дети тоже замечают интонацию, и один за другим перестают смеяться.

– Да, – говорит Арчи, но в его голосе нет грусти.

Похоже, он знает, что именно так полагается говорить. Арчи как раз такой исполнительный. Эди смотрит на свои ноги, разглядывая то место, где из дырки в носке выглядывает большой палец. Харриет закатывает глаза и изучает ногти, покрытые облупившимся леденцово-розовым с блестками лаком для ногтей.

– А мне не грустно, – бормочет она.

Я хмурюсь.

– Почему тебе не грустно, Харриет?

Она пожимает плечами:

– Дидо была с тобой подлой. Мне не нравятся люди, которые плохо обращаются с моей мамой.

Мы с Олли переглядываемся.

– Теперь, когда ее нет с нами, будет гораздо лучше, правда, мама? – продолжает Харриет.

Вскочив с дивана, она взмахивает руками, вероятно собираясь совершить еще одно па. Но оступается и на сей раз приземляется носом в пол. И воет от боли. Эди визжит. А Арчи – с задержкой реакции – внезапно раздражается слезами.

8

ДИАНА ПРОШЛОЕ...

Остановившись на светофоре, я смотрю на огромного плюшевого мишку на пассажирском сиденье. Вполне очевидно, что купил эту нелепую игрушку Том и, как будто этого недостаточно, настоял, чтобы я отвезла ее в больницу и отдала Люси.

– Зачем, скажи на милость? – спросила я по телефону. – Маловероятно, что Арчи будет с ним играть в ближайшие несколько дней!

– Это наш первый внук, – ответил муж. – Кроме того, Люси будет приятно.

Возможно, он был прав. То, как идеально он понимал психологию нашей невестки, производило почти такое же впечатление, как мое непонимание. Люси родила Арчи рано утром, после недолгих, несложных родов. Том хотел поехать в больницу, как только мы услышали новости, но мне удалось убедить его пойти на работу на пару часов, чтобы дать им немного времени побыть наедине с ребенком. Но теперь даже мне не терпится туда попасть. Том поедет прямо с работы, и я встречу с ним уже в больнице.

На светофоре загорается зеленый, и одновременно у меня звонит телефон. Я тычу на кнопку на руле, и наконец соединение установлено. (Обычно, отправляясь по делам, я беру свой маленький «Форд Фиеста», но сейчас он на техобслуживании, поэтому пришлось взять «Рэндж Ровер», а чтобы управиться с этой машиной, нужна степень по механике.)

– Алло?

Салон машины заполняет звук прерывистого дыхания.

– Миссис Диана?

Я сразу узнаю голос.

– Гезала?

Двадцатидвухлетняя беременная Гезала находится в Австралии вот уже пять месяцев с тех пор, как ей удалось выбраться из Афганистана. За последние недели я несколько раз ее навещала, чтобы привезти коляску, колыбельку и одежду для новорожденных, и каждый раз Гезала ставила чайник, и мы устраивались по старинке поболтать. Гезала плохо говорит по-английски, и разговоры часто сводятся к перечислению того, что она

ела на завтрак, какой будет погода на этой неделе, что она смотрела по телевизору... и тем не менее я всегда наслаждаюсь их простотой.

– Миссис Диана? – Снова тяжелые вздохи и пыхтение. – Маленький.

Съехав на обочину, я мысленно прикидываю даты. На несколько недель раньше срока, не опасно рано, но рано. И у Гезалы в Австралии нет ни семьи, ни друзей. Хотя ее муж Хакем в стране, но какой от него прок как от партнера при родах, пока неизвестно.

– Тебе нужно в больницу, Гезала. Помнишь, я дала тебе ваучер на такси? Вызови такси и заплати водителю ваучером. Гезала? Ты помнишь про ваучер?

Я слышу, что на том конце снова схватки, и переживаю. Меня беспокоит, что она не в силах говорить, и я думаю, не вызвать ли «Скорую».

– Гезала, – повторяю я, когда пыхтение замирает. – У тебя есть ваучер на такси?

– Я... Я не знаю.

Похоже, она на пределе. Не думая о том, что делаю, я разворачиваюсь и направляюсь к ее дому, но до него добрых двадцать минут езды.

– Где Хакем, Гезала?

– На улице.

Я подавляю желание закричать: «Что он делает на улице?» – и только спрашиваю:

– Насколько сильная боль? От одного до десяти.

– Боль... четыре.

Но у меня такое чувство, что четыре у Гезалы – это одиннадцать для большинства женщин. Ее следующий вдох переходит в сдавленное дыхание очередной схватки.

– Гезала, я сейчас вызову «Скорую помощь».

– Нет, – говорит она. – А вы мочь... вы приехать, миссис Диана?

– Я как раз еду к твоему дому. Гезала...

Но телефон отключается. И когда я звоню снова, слышатся только гудки.

На дорогу до ее дома уходит двадцать пять минут, а когда я добираюсь туда, Хакем стоит во дворе и курит сигарету. Он, наверное, полжизни проводит в их маленьком заросшем дворике, куря сигареты. Я выскакиваю из машины и бегу к дому.

– Хакем? Где Гезала?

Он мотает головой в сторону дома:

– Внутри.

– Внутри? Почему ты не с ней?

Он смотрит на меня так, будто я предложила ему заказать отпуск на Багамах. У меня возникает ощущение, что он намеренно делает вид, будто не понимает, что к чему.

– Ты вызвал «Скорую помощь»?

Он отворачивается, затягивается сигаретой.

– Вы, возможно, считаете себя нашей спасительницей, но вы ничего не знаете. Вы не такая, как мы. Не такая, как Гезала.

– Хакем. Вы. «Скорую». Вызвали? – отдельно спрашиваю я сквозь стиснутые зубы.

Он делает шаг ко мне. Белки глаз у него желтые, с красными прожилками.

– Нет. Я. Не. Вызвал!!!

Хакем коренастый и на добрых тридцать лет моложе меня, но в росте я не уступаю ему ни дюйма. Расправив плечи, я встаю прямо перед ним.

– Не пытайтесь запугать меня, молодой человек. Обещаю вам, вам же не поздоровится.

Конечно, это неправда. Это мне не поздоровится, сильно не поздоровится, но если я чему и научилась в жизни, так это тому, что войны выигрывают умом, а не мускулами. А поскольку я твердо решила, что Гезала произведет на свет здорового ребенка, то будь я проклята, если этого не добьюсь.

Я все еще стою нос к носу с Хакемом, когда он поднимает руки в знак поражения.

– Вызови «Скорую», – говорю я, когда между нами захлопывается дверь из сетки.

– Сейчас же!

Гезалу я нахожу на кафельном кухонном полу, под спиной – подушки. Я оскальзываюсь на луже и едва не падаю, охаю, увидев, что уже показалась голова ребенка. Когда Гезалу охватывает дрожь, до меня доходит, что нет времени на «Скорую», и я падаю на колени. Она издает громкий стон, и я едва успеваю схватить кухонное полотенце, как Гезала выталкивает мне на руки своего мальчика, розового, окровавленного и извивающегося. Я заворачиваю его в полотенце и энергично растираю, пока он не издает пронзительный, восхитительный крик.

Крик переносит меня в другое время. Односпальная кровать, лунный свет струится в окно без занавесок. Следом хлопком возникает ощущение, будто что-то лопнуло. Мое дыхание облачком клубится в комнате.

Хакем ошибается, я ничем не отличаюсь от Гезалы. Мы совершенно

одинаковые.

ЛЮСИ ПРОШЛОЕ...

– Куда она запропастилась?

Том перекладывает новорожденного Арчи на другое колено и смотрит на часы. Диана еще час назад должна приехать в больницу, и Том говорил, что у нее для меня сюрприз (но выдержал не больше тридцати секунд и разболтал, что это гигантский плюшевый мишка). Теперь он буквально ерзает на месте, так ему не терпится подарить игрушку внуку, которому всего шесть часов от роду. Благослови его Бог.

С тех самых пор, как я сообщила о своей беременности, Том стал для меня образом преданного дедушки: падал на колени каждый раз, когда я приезжала их навестить, чтобы «поговорить» с моим животом, или протягивал руку, чтобы почувствовать, как ребенок пинается. Диана отчитывала его, мол, «оставь девочку в покое, дай ей продохнуть», но я не возражала. На самом деле мне больше нравился тактильный подход Тома, чем манера Дианы, которая предпочитала практически не упоминать о ребенке. Конечно, я приготовилась к тому, что моя беременность вряд ли станет связующим звеном между мной и Дианой, и все равно была разочарована, обнаружив, что она не привнесла ни малейшего тепла в наши отношения.

Когда на моем телефоне звонит будильник, сигнализируя о том, что прошло три часа с момента последнего кормления Арчи, я поправляю подушку на коленях и жестом подзываю Тома. Он послушно приносит мне Арчи с такой осторожностью, точно ребенок стеклянный, потом снова пятится, театрально отводя глаза, пока я вожусь с лифчиком.

– Где же она может быть? – бормочет Том, снова глядя на телефон.

– Пробки? – подсказывает Олли.

Растянувшись рядом со мной на больничной койке, он смотрит футбол по телевизору, но каждую минуту или около того бросает взгляд на Арчи, словно проверяя, не исчез ли он.

– Я ей дважды написал, – откликается Том. – Надеюсь, она не попала в аварию.

Я подношу Арчи к груди и пытаюсь заставить его взять в рот сосок, но малыш все еще крепко спит. Я легонько дую ему в лицо, как показывала

медсестра, но без толку.

– Может, позвонишь ей? – говорю я. – Хотя бы ради собственного спокойствия.

Дело в том, что мне тоже не терпится увидеть Диану. У меня тянущие боли после родов, на глаза странно наворачиваются слезы, и в палате слишком уж много тестостерона. Перед приездом Тома меня навестил папа, и, хотя мне нравится, что вокруг столько мужчин, я тоскую по материнской фигуре, по кому-то, на кого можно опереться.

А еще в глубине души я с болью осознаю, что это наш последний шанс, наш с Дианой. Если она не станет теплее относиться ко мне после того, как я родила ее первого внука... Какая еще надежда у нас осталась?

– Да, – соглашается Том. – Да, ладно. Сейчас позвоню.

Том уже тянется к телефону, как вдруг в дверях появляется она сама. Мы все смотрим на нее, потом всматриваемся внимательней. Она выглядит взволнованной... Нет, она выглядит как жертва катастрофы. Колени ее льняных штанов мокрые и грязные, а льняная рубашка измята. Я никогда не видела Диану такой растрепанной.

– Ди! – восклицает, вставая, Том. – С тобой все в порядке?

– Я в порядке. Простите за опоздание, у меня был... Ну не важно, теперь я здесь. О! – Она останавливается в нескольких шагах от кровати и резко вдыхает. – Вот и он!

Арчи не выказывает никаких признаков пробуждения или желания есть, поэтому я поворачиваю его лицом к бабушке. Я улыбаюсь.

– Вот и он.

Несколько мгновений Диана стоит как вкопанная. Может, воображение играет со мной злую шутку, но мне кажется, что глаза у нее чуть затуманиваются. От этого и мне хочется заплакать.

– Хочешь его подержать? – спрашиваю я.

Диана несколько секунд молчит, потом все так же молча кивает. Потом моет руки – аккуратно и тщательно – и подходит к моей кровати. Я протягиваю ей Арчи, и она мягко забирает его у меня, пристраивает крошечную головку на сгибе локтя.

– Ну приятно познакомиться, молодой человек, – тихо говорит она. – Очень приятно.

Поднявшись со стула, Том встает рядом с Дианой, глядя на Арчи.

Царит полная тишина, которую нарушает только блаженный звук дыхания Арчи. На несколько мгновений я чувствую себя комфортно, всеми любимой.

– Где плюшевый мишка? – спрашивает у Дианы Том.

– О... – Диана поднимает глаза, внезапно ей снова не по себе. – На самом деле моя... подопечная... она... так уж вышло... сегодня родила. Вот что меня задержало. И...

Воцаряется долгая напряженная тишина. У Тома отвисает челюсть.

– У нее не было игрушек для ребенка, и, наверное... я просто...

Не знаю почему, ведь у меня нет особой привязанности к плюшевым мишкам, и, уж конечно, я не думаю, что Арчи нужен плюшевый мишка, когда ему всего один день от роду, но по какой-то причине то, что Диана отдала его плюшевого мишку... ощущается как нечто глубоко личное. Предательство.

– Мы купим Арчи другого, – наконец говорит Диана.

– Да, – соглашается, приходя в себя, Том. – Конечно, купим. Прямо сегодня. К вечеру уже привезем!

– Ребята, ребята! – вмешивается, поднимая руки, Олли. – Успокойтесь. Арчи не нужен огромный плюшевый мишка, и уж точно не прямо сегодня. – Он улыбается, наслаждаясь тем, какой он разумный, какой он миротворец. – Я бы сказал, что мишке гораздо лучше у твоей беженки и ее малыша. Нам все равно некуда положить гигантского плюшевого мишку, правда, Люси?

Все оборачиваются и смотрят на меня. Я опускаю глаза.

– Я лучше возьму Арчи, – говорю я, забирая моего спящего мальчика из рук Дианы. – Его пора покормить.

10

ДИАНА ПРОШЛОЕ...

Сделав глубокий вдох на пороге дома Олли и Люси, я энергично стучу. Энергичность и живость – попытка противостоять сомнениям, которые меня уже охватили. Арчи исполнилось две недели. Как отнесется Люси к тому, что я появилась без предупреждения? Ей будет неприятно? Кто знает? Том несколько раз заглядывал, конечно, ни разу не спросив, будут ли ему рады. Подобная уверенность в себе – уже залог успеха. А мои сомнения и неуверенность, похоже, залог неудачи.

По правде говоря, думаю, я держалась в стороне как раз из-за того проклятого медведя. Когда я отдавала его Гезале, это казалось абсолютно правильным. Этот мишка, вероятно, будет лучшей игрушкой, которую ребенок когда-либо получит. Возможно, даже единственной. И когда я отдавала его Гезале и смотрела, как она плачет, игрушка вдруг перестала казаться такой глупой.

Я должна была догадаться, что Том расскажет Люси и Олли про мишку. Когда я пришла в больницу с опозданием и с пустыми руками, признаюсь, я чувствовала себя виноватой. Ради моего первого внука мне следовало бы больше постараться. Ради Люси мне следовало бы больше постараться.

Значит, сегодня я постараюсь.

Я снова стучу в дверь, хотя в глубине души мне хочется вернуться в машину и уехать домой. Но что тогда делать с курицей? Я с сомнением смотрю на нее, сырую и тяжелую в синем пластиковом пакете. Люси, вероятно, дремлет или отдыхает, пока ребенок спит. Если ребенок спит. По словам Олли, Арчи с самого рождения не сомкнул глаз. Патронажная медсестра сказала, что у него колики. Меньше всего в такой ситуации Люси хотелось бы, чтобы неожиданно объявилась свекровь.

Следовало бы обратиться отсюда со своей курицей.

– Диана?

Я поднимаю глаза. В дверях стоит Люси, одетая в серый спортивный костюм и пушистые розовые тапочки. Несмотря на ее быструю улыбку, ясно, что она не рада меня видеть. Арчи лежит у нее на плече и плачет.

– Какой сюрприз, – говорит Люси, смахивая с лица несколько прядей.

– Да. Я... э... просто привезла тебе курицу.

Я сознаю, что это странный подарок, я же не идиотка. Но когда Олли был маленьким, кое-кто принес мне домой курицу, и это был один из самых разумных и полезных подарков, какие я когда-либо получала. Это было до эпохи «Убера» и прочих доставок на дом, в те времена от самой мысли о том, что надо одеваться и брать ребенка с собой в супермаркет, опускались руки. Сегодня я подумала, что, наверное, расскажу Люси эту историю. Ну не знаю... это могло бы стать семейной традицией Гудвинов или чем-то вроде того – приносить курицу женщине, которая недавно родила. Но в данный момент это представляется сущим идиотизмом.

– О... – откликается она. – Ну, может, войдешь?

Я следую за ней в дом, отмечая пятно отрыгнутого молока на плече у Люси и еще одно ниже по спине. Арчи тянет вверх маленькие ручки, и мне хорошо видно его рассерженное личико, а он заводит вой. Милый мальчик.

Гостиная великолепно грязная. На полу валяется пакет, из которого высыпался попкорн, на журнальном столике миска с хлопьями, молоко в которой свернулось. Повсюду разбросаны пакеты детских салфеток, мешки для пеленок и грязная посуда. Я замечаю, что в углу валяется грязный подгузник, свернутый в комок, но не убранный в мешок. От меня требуется все самообладание, чтобы не охнуть.

– Я вчера вечером убиралась, – оправдывается Люси, – но просто... Арчи был так несчастен... у него колики... и у меня просто не было времени...

– Я все сделаю, – говорю я, потому что, правду сказать, не могу больше оставаться в этой грязи ни минуты. Не говоря уже о том, что в отличие от светской беседы в уборке я кое-что смыслю. Кроме того, Арчи явно голоден, и его крик похож на скрежет гвоздей по классной доске. – Садись и покорми ребенка.

– Ну если ты уверена...

– Уверена.

Положив курицу на кухонный стол, я принимаюсь за работу. Сворачиваю и убираю в мешок подгузник и выношу мусор на улицу, затем собираю грязные кружки и тарелки и несу их на кухню. Понятия не имею, как они могут так жить. В последний раз, когда я приезжала (кажется, на день рождения Олли), тут все блестело и сверкало, как в доме из телепередачи, вплоть до цветов, диванных подушек и негромкой музыки. Бедняжка Люси весь день в поте лица трудилась на кухне, готовя самый нелепый вьетнамский банкет. Я предложила просто заказать еду на дом, но Люси настояла. Она сказала, что хочет попробовать какой-то новый рецепт.

Боже ты мой...

Я опустошаю и загружаю посудомоечную машину и уже собираюсь включить ее, когда замечаю кое-что в духовке – полдюжины старых куриных наггетсов. Наггетсы твердые как камень.

В этом вся Люси, думаю я про себя. Пир или голод.

Люси появляется позади меня, когда я вытаскиваю поднос с наггетсами из духовки.

– О! Наверное, это Олли... боже мой... он вечно ставит что-то в духовку, а потом забывает об этом. О нет, дай я.

Она выхватывает противень у меня из рук. Арчи кричит у нее на плече. Мне хочется сказать, мол, разбирайся с ребенком, а я разберусь на кухне, но я уже попробовала, и это явно не сработало. Так что же мне делать? Проблема в том, что свекрови так легко сделать неверный шаг. Такое впечатление, что существует бесконечный список неписанных правил. Будьте заинтересованы, но не давите. Поддерживайте, но не переступайте черту. Помогайте с внуками, но не присваивайте их себе. Поделитесь мудростью, но не досаждайте советами. Очевидно, я этот список не освоила. Сам груз требований настолько пугает, что страшно даже пытаться. А самое обидное – что свекор как будто всегда прав и все делает как надо. От него требуется только быть приветливым. И все. Люди к собакам предъявляют больше требований.

Арчи все еще воет, подтягивая свои маленькие ножки к животу, а Люси сражается с противнем. Оказавшись так близко к Люси, я вижу, насколько же она измучена. У нее прыщи на подбородке, и, надо сказать, от нее пахнет. На футболке у нее застарелое пятно... судя по виду, от соуса для спагетти.

– Люси, пожалуйста, позволь мне, – говорю я. В моем голосе слышится мольба, чем я совсем не горжусь. – Садись и покорми ребенка. Давай же!

Вероятно, я произнесла это правильно, потому что Люси кивает и исчезает в гостиной. Я делаю глубокий вдох. У меня так редко что-то получается с Люси, и не потому, что я не пытаюсь. Я пыталась, когда в день ее свадьбы одолжила ей мое самое дорогое сокровище, мое кельтское ожерелье. Моя свекровь Лилиан дала его мне взаймы, когда я выходила замуж. Узел служил символом силы, и Лилиан купила его, чтобы оставаться сильной и стойкой, пока ее муж, отец Тома, был на войне. По завещанию, она оставила его мне с припиской: «Ради силы». Теперь мне приходит в голову, что, возможно, мне следовало рассказать эту историю Люси, когда я одалживала ей ожерелье. Какая же я глупая...

– Он весь день беспокоится? – спрашиваю я Люси, закончив убираться

на кухне.

Я принесла ей чашку чая, которую поставила на журнальный столик. Арчи лежит у нее на коленях, красный и плачущий, несмотря на то что его накормили.

– Каждый день, – отвечает она. – И каждую ночь.

– А укропную воду пробовала? – Я сажусь рядом с ней. – Когда Олли был маленьким, она всегда ему помогала, когда у него были газы.

– Пробовала. Я все перепробовала.

– Можно?

Люси беспомощно пожимает плечами:

– Почему бы и нет?

Взяв Арчи, я кладу его вертикально ей на грудь, так, чтобы его голова оказалась под подбородком Люси. Затем я крепко похлопываю его по середине спины. Почти сразу же он рыгает – издает громкий и гулкий, как из бочки, звук, совершенно не соответствующий его крохотным размерам. Признаюсь, это невероятно приятно. С мгновение кажется, что Арчи сейчас снова заплачет, но потом он закрывает глаза и тут же засыпает.

– Ну вот, – радостно говорю я.

Люси смотрит на меня так, словно у меня открылся третий глаз.

– Как ты это сделала?

– Заставила срыгнуть? – Я во все глаза смотрю на невестку. – Боже, Люси. Скажи, что заставляла ребенка срыгивать!

Глаза Люси наполняются слезами. Мысленно я даю себе пинка.

– Так вот, – поспешно говорю я. – Он должен срыгивать после каждого кормления. Иногда даже во время кормления. Иначе газы не выходят, а от них у него болит животик.

– Ладно, – кивает она. Как будто никто раньше не давал ей материнских советов. – Хорошо, я буду так делать.

– Молодчина. А теперь положи его в кроватку и отправляйся спать. Я просто включу посудомоечную машину и сама за собой дверь закрою.

Вид у Люси делается удивленной.

– Но... разве ты не собираешься... остаться ненадолго?

На это я знаю правильный ответ. Никто не хочет, чтобы свекровь задерживалась надолго. Ребенок спит, в доме прибрано. Сейчас самое время уходить. Я во многом сомневаюсь, но в этом я абсолютно уверена.

– Нет-нет. У меня уйма дел. Мне надо бежать.

Я собираю свои вещи и включаю посудомоечную машину. И только когда я выскакиваю за дверь, до меня доходит, что я так и не объяснила значение курицы.

ЛЮСИ НАСТОЯЩЕЕ...

За три дня, прошедшие со смерти Дианы, я ни разу не готовила, не стирала и не ходила в супермаркет. Я не ругала детей, не помогала никому с домашним заданием и не прятала овощи под соусом для спагетти. Я вообще ничего нормального не делала. Мы словно бы застряли в пустоте без времени и движения, а остальной мир рассеянно и равнодушно продолжал жить своей жизнью.

Сегодня старшие дети вернулись в школу, но Олли так и не пошел на работу. Это сюрприз, даже в свете смерти его матери. За последние два года мой до того не слишком честолюбивый муж превратился в трудоголика, отправлялся на работу по выходным, по вечерам и в праздничные дни. Теперь он сидит на диване рядом с Эди, уставившись в пустоту, словно в каком-то трансе. Время от времени я подхожу к нему и говорю, как мне жаль и как бы мне хотелось что-то сделать. И каждый раз я задаюсь вопросом: «А действительно ли я хочу?»

Я иду на кухню, решив, что пришло время прибраться и восстановить некое подобие порядка. Это самое меньшее, что я могу сделать. На углу стола лежит груда нераспечатанной почты, поэтому я начинаю с нее, вскрываю каждый конверт ногтем большого пальца и, расправляя, складываю бумаги стопочкой.

Первый документ – банковское уведомление. Как правило, я не просматриваю банковские уведомления: поскольку на мне груз родительских обязанностей, я только рада, что могу взвалить на Олли возню с финансами (это не столько сексизм, сколько справедливое распределение ответственности). Но когда мой взгляд падает на цифру в конце страницы – в колонке задолженность, а не прибыль, – я невольно вздыхаю. Мой взгляд резко перепрыгивает к началу страницы, где в шапке значится «Кокрэм Гудвин». «Кокрэм» – это, разумеется, фамилия Эймона, делового партнера Олли. Как, скажите на милость, они могли столько задолжать? И, что еще важнее, почему Олли не сказал мне об этом?

Я открываю рот, чтобы спросить мужа, но не успеваю я заговорить, как раздается стук в дверь. Я смотрю на Олли, но он едва замечает, он слишком погружен в свою пустоту.

– Я открою, – говорю я без всякой надобности.

Когда я открываю дверь, то вижу на пороге двоих: не в форме, но явно полицейские. Это подсказывает мне интуиция, а еще об этом свидетельствует значок, который предьявляет женщина.

– Я старший детектив-констебль Джонс, – говорит она. – Это детектив-констебль Ахмед.

– Привет, – говорю я.

Это уже не Саймон и Стелла, молодые румяные полицейские, которые сообщили нам о смерти Дианы. Детективу Джонс за сорок, она худощавая, среднего роста. У нее привлекательное, хотя и немного мужское лицо и каштановые с золотистыми перышками волосы до подбородка. Одета она просто и практично: белая рубашка и темно-синие брюки, достаточно облегающие, чтобы предположить, что она гордится своей фигурой.

– А вы кто? – спрашивает она.

– О... Я... э-э-э... Люси Гудвин.

– Ага, невестка, – кивает Джонс. – Сочувствую вашей утрате.

Ахмед склоняет голову. На макушке волосы у него редеют, и сквозь копну черных волос виден круг светло-коричневой кожи.

– Можно войти? – спрашивает Джонс.

Я делаю шаг назад от двери, и Джонс с Ахмедом входят в холл.

– Симпатичное местечко, – говорит Джонс.

– Спасибо, – отвечаю я, хотя не такое уж оно симпатичное. С другой стороны, полицейские, вероятно, видели много домов, которые были гораздо хуже моего. – Чем могу помочь, детективы?

На глаза Джонс попала свадебная фотография, и она останавливается, чтобы ее рассмотреть.

– Милая фотография. Это ваша свекровь?

Она указывает на Диану, стоящую слева от Олли.

– Да. Это Диана.

– Думаю, это трудное время для всех вас. Вы были очень близки со своей свекровью?

Джонс продолжает рассматривать эту фотографию и остальные вокруг нее на стене, по-видимому, не интересуясь ответом.

– Все очень сложно.

– Всегда ведь так, верно? – Джонс улыбается. – Мать моего бывшего была та еще штучка. Я едва могла находиться в одной комнате с жалкой старой коровой. В конце концов это прикончило мой брак. А как насчет вас? Насколько для вас было сложно?

– Ну не знаю. Просто... сложно.

Джонс и Ахмед продвигаются по коридору, останавливаясь, чтобы посмотреть на развешанные по стенам фотографии. Джонс, насколько я могу судить, является в этом тандеме старшей по чину – невзирая на то что младше Ахмеда и вообще женщина. Невзирая на одолевающие меня более насыщенные мысли, я ловлю себя на том, что феминистка во мне ей рукоплещет.

– Вы много времени проводили вместе? Как семья? – продолжает Джонс. – Дни рождения, Рождество и тому подобное?

Я вспоминаю последнее совместное Рождество. Гадкие слова, кривящиеся лица, крики над индейкой. Из такого рекламу семейного телеканала «Холлмарк» не сварганить.

– Простите, вы не сказали, из какого вы подразделения? – спрашиваю я.

На мгновение я чувствую себя персонажем из «Закона и порядка», – разумеется, сериал – единственный мой источник сведений на случай, если на пороге появится полиция.

– Мы из отдела расследования убийств, – ровным голосом отвечает Джонс.

– Люси? – окликает из соседней комнаты Олли. – Кто там?

Я делаю глубокий вдох и иду в гостиную. Джонс и Ахмед следуют за мной по пятам. Задняя дверь распахнута настежь, и Эди, кажется, исчезла: наверное, к нам во двор залетел мяч. Эди больше всего на свете любит бросать мячи назад через забор.

Олли в замешательстве встает.

– Это полиция, – говорю я.

Ахмед подходит к Олли и протягивает руку:

– Вы, должно быть, Оливер Гудвин?

– Олли, – безжизненно поправляет Олли, пожимая руку Ахмеду.

Я вдруг вижу Олли глазами полицейских. Он выглядит ужасно. На нем темно-синие тренировочные штаны и темно-бордовая толстовка, волосы растрепаны, кожа странного серого оттенка. Это напоминает мне о том, как он выглядел, когда наши дети были новорожденными и не спали, когда он появлялся в дверях и умолял о возможности снова заснуть «всего на полчаса», – а ведь именно я не спала большую часть ночи.

– Я старший детектив-констебль Джонс, а это детектив-констебль Ахмед, – представляется Джонс, – и если вы не против, у нас есть несколько вопросов.

– О чем? – переспрашивает Олли.

Возникает пауза, потом Джонс негромко хмыкает.

– Э... о смерти вашей матери, например?

Взгляд Олли перескакивает на меня, и я пожимаю плечами. Наконец через секунду или две он жестом приглашает полицейских сесть. Они садятся на диван.

– Так что мы можем для вас сделать? – спрашиваю я, садясь на подлокотник кресла Олли. – У вас появилась новая информация о смерти Дианы?

– У нас еще нет отчета coronera, – отвечает Джонс, – но скоро будет. А пока мы собираем информацию. Констеблям Артуру и Перкинсу вы сообщили, что у вашей матери рак, верно?

– Да, – отвечаю я, поскольку Олли молчит. – У Дианы был рак груди.

Джонс открывает черный блокнот с золотым логотипом полицейского управления и держит ручку наготове.

– А вы можете сказать, кто был ее лечащим врачом?

– Ее лечащим врачом была доктор Пейсли, – говорю я. – В клинике Бэйсайда.

– А ее онколог?

Все смотрят на меня. Все, включая Олли.

– На самом деле... я точно не знаю. Она при мне имени своего онколога никогда не называла.

Джонс закрывает блокнот. У меня возникает такое ощущение, что для нее это не новость.

– Понятно.

Олли моргает.

– Что вам понятно?

– Мы не нашли никаких свидетельств того, что у вашей матери был рак. Нет никаких записей о том, что она посетила онколога. Ни маммограмм, ни УЗИ, ни данных о химиотерапии. Насколько мы можем судить, у нее вообще не было рака.

Это как будто раздражает Джонс, точно мы каким-то образом виноваты в их некомпетентности.

– Ну, очевидно, вы не там искали, – говорю я. – Не могли же вы справиться у каждого врача в городе...

– Доктор Пейсли не направляла ее к онкологу, – спокойно отвечает Джонс. Сцепив замком руки, она упирается локтями в колени. – Нет ни результатов сканирования, ни анализов крови, ничего, что указывало бы на рак.

Я чувствую, как у меня кривится лицо. Это же просто смешно! Люди не говорят, что у них рак, если это не так. Или, может быть, некоторые люди, страдающие ипохондрией или синдромом Мюнхгаузена, или те, кто

жаждет сочувствия, денег или заботы. Но Диана терпеть не могла сочувствия и уж точно не нуждалась в деньгах. Что касается заботы, то она ненавидела, когда вокруг нее суетились или предлагали хотя бы салфетку. Не будь она взаправду больна, Диана никогда бы не сказала, что у нее рак. Я уверена в этом так же, как в самом своем существовании.

И все же...

– Может, какой-то сбой в системе? – подает голос Олли. – Скорее всего. Зачем ей говорить, что у нее рак, если это не так?

– Это мы и пытаемся выяснить.

Олли трясет головой:

– Но она же покончила с собой. Так нам ваши ребята сказали.

– Мы не знаем этого наверняка.

Тут Олли как будто разом выходит из своего транса.

– Но... нам сказали, что было письмо?

– Письмо действительно было.

– Можно нам его прочесть?

– Со временем. Но сейчас оно – часть нашего расследования.

– Что это значит?

– Мы проверяем его на предмет отпечатков пальцев. Делаем анализ почерка.

– Вы думаете, это подделка?

– Мы стараемся не делать поспешных выводов, пока не узнаем больше.

– Это же смешно, – вторит моим мыслям Олли, вставая. Он начинает расхаживать по комнате. – Просто нелепость какая-то.

– Послушайте, есть основания полагать, что она покончила с собой. Есть некие вспомогательные средства. И письмо, которое мы нашли в ящике ее стола.

Я моргаю.

– В ящике ее письменного стола?

– Ма-а-ам! Есть хо-о-очу!

Все оборачиваются на голос. На пороге задней двери маячит Эди. Джонс и Ахмед встают.

– Кто эти люди? – спрашивает Эди, подходя к Джонс и не останавливаясь, пока не оказывается практически между ее бедер.

– Меня зовут детектив Джонс, – говорит Джонс. – Это мой напарник, детектив Ахмед. Мы из полиции.

Эди хмурится.

– Но на вас нет полицейской одежды.

– Не все полицейские носят форму. Но у меня есть значок. Вот,

посмотри.

Я подмечаю, что Джонс совершенно сменила роль, точно повернулась вокруг своей оси. Ни с того ни с сего в ней появилось что-то если не материнское, то определенно дружелюбное и теплое. Мне почему-то становится ясно, что у нее нет своих детей, но она вполне может оказаться чьей-то любимой тетей.

– Думаю, на сегодня все, – говорит Джонс, забирая у Эди значок и пряча его в карман. – Но если вы вспомните что-нибудь важное или имя онколога Дианы, пожалуйста, позвоните мне. – Судя по ее тону, она не ожидает такого звонка.

– Это просто не имеет смысла, – говорит Олли, провожая их к входной двери. – Мама не стала бы врать, что у нее рак.

Но мои мысли заняты кое-чем другим, – как зудящая пчела, как имя, которое вертится на языке, это не дает мне покоя. Сколько бы я об этом ни думаю, все равно не могу понять.

«Если ты покончила с собой, то почему оставила письмо в ящике письменного стола, Диана? Почему не положила его там, где его легко было бы найти?»

ЛЮСИ ПРОШЛОЕ...

За неделю или две до первого дня рождения Арчи мы с Олли приезжаем в дом Тома и Дианы. Нас немедленно затаскивают в гостиную в передней части дома, в «хорошую комнату», как ее называют Гудвины, что странно, потому что все комнаты тут кажутся мне очень даже хорошими. Тем не менее это нечто новенькое, поскольку обычно мы сидим на барных табуретах у стойки на кухне или устраиваемся на диванах в кабинете.

– Принести тебе еще минеральной воды, Люси? – спрашивает Диана.

– Нет, все в порядке, спасибо.

Диван Дианы и Тома с такой мягкой набивкой, что мне приходится цепляться за подлокотник, лишь бы не утонуть или не повалиться на бок. Не улучшает положения и то, что колено у меня нервно подергивается. Диана даже не пытается как-то меня успокоить. Сегодня она во всей своей холодной красе – глаза блестящие и настороженные. С прямой спиной она сидит на краешке дивана, скрестив ноги в лодыжках. Когда мы только приехали, тут были Нетти с Патриком, но они, быстро и извиняясь, нам помахали и куда-то улизнули. Мне и самой очень хочется улизнуть.

Мы с Дианой пытаемся вести светскую беседу – о работе (моей, никогда о ее), о том, как здоровье моего отца (ему недавно удалили предраковую родинку), о моем винтажном наряде из полосатого комбинезона и куртки в стиле 70-х годов (комбинезон Диана ошибочно приняла за пижаму), но я чувствую, что сердце Дианы не лежит к болтовне, да и у меня тоже. Нам обеим хочется перейти к тому, зачем мы с Олли приехали, а из того факта, что встретиться предложили мы с Олли, ясно, что мы чего-то хотим.

– Сыру? – предлагает Диана, поднимая блюдо с закусками.

– Нет, – бормочу я, и мы снова погружаемся в молчание.

Пусть мы с Дианой уже давно исчерпали все возможные темы для беседы, Олли, к сожалению, все еще занят разговором с Томом. Похоже, Том снова завел про наследство. Он обожает говорить о наследстве и как можно чаще поднимает эту тему. Этим он напоминает мне ребенка, которому отчаянно хочется рассказать другу, какой подарок его ждет на день рождения, еще прежде чем тот успеет сорвать обертку. Наследство,

постоянно твердит Том, обеспечит нам достойную старость. Конечно, приятно знать, что достойная старость нам обеспечена, и это служит мне некоторым утешением в то время, когда на ужин мы едим лапшу быстрого приготовления, потому что не можем позволить себе ничего другого... но в то же время кажется дурным вкусом говорить о том, что мы получим то или се, до того, как умрет тот, от кого мы это получим.

– Так или иначе, мы хотели кое о чем попросить, – говорит наконец Олли спустя, как мне кажется, целую вечность.

Мы с Дианой садимся чуть прямее. Том – единственный, кто, кажется, удивлен, что у нашего визита есть цель. Для настолько успешного человека он бывает иногда исключительным тугодумом.

– Мы нашли дом, – объявляет Олли.

– Давно пора! – нетерпеливо восклицает Том.

Как и большинство друзей Олли, он обеспокоен тем фактом, что мы снимаем жилье. Ему нравится надежность чего-то из кирпича и бетона в плане инвестиций.

– Это маленький коттедж с двумя спальнями в Южном Мельбурне, – продолжает Олли. – Дом довольно ветхий, но мы могли бы его отремонтировать. И первоначальный взнос просят хороший, чуть меньше двадцати процентов. – Он колеблется и украдкой бросает взгляд на мать. – Проблема в том, что без двадцатипроцентного первоначального взноса нам придется платить еще и страховку по ипотеке, то есть просто выбрасывать деньги на ветер. Нам очень неприятно просить, но...

– Южный Мельбурн, да? – вмешивается Том. – Хорошее место. Недалеко от центра. Рядом рынок, близко озеро в Альберт-парке. Вам, молодым, нелегко приходится, да? Все так дорого. Я читал на днях, что ребята в наши дни покупают собственный дом не раньше, чем им стукнет сорок, ну можно в такое поверить? Что скажешь, Ди?

Том – единственный, из чьих уст я слышала прозвище Ди. Однажды он даже назвал ее «леди Ди» – по аналогии с принцессой Дианой. Самое странное, что Диана на это улыбнулась. В присутствии Тома она всегда открывается с совершенно другой стороны. Мягкой. К сожалению, сейчас Диана не выглядит мягкой. Губы у нее плотно сжаты, точно она пытается сломать что-то зубами.

– Жизнь никогда не была легкой, – наконец говорит она, чопорно складывая руки на коленях. – У каждого поколения свои проблемы, и осмелюсь сказать, что большинству пришлось страдать от худшего, чем недоступное жилье. У вас с Люси – хорошие головы на плечах. Если вы так сильно хотите этот дом, не сомневаюсь, что у вас все получится. Или же вы

найдете что-нибудь другое... что-то, что действительно можете себе позволить.

Наступает тишина. Оглушительная тишина. Я смотрю на завитки ковра на полу, не в силах встретиться с ней взглядом. Через пару секунд я украдкой бросаю взгляд на Олли и Тома, которые выглядят разочарованными, хотя и не удивленными.

– Диана, – начинает Том, но Диана уже поднимает руку:

– Вы спросили, что я думаю, и вот что я думаю. Это все, что я могу сказать по данному поводу. – Диана поднимается с чересчур мягкого дивана. – Вы, ребята, на ужин останетесь?

Мы с Олли, моргая, смотрим на нее во все глаза.

– Буду считать, что нет, – говорит она и выплывает из комнаты.

– Я вас провожу, – говорит Том.

– Нет, нет, – поспешно вмешиваюсь я. – Не вставай, пожалуйста. Мы сами найдем дорогу.

Я ожидаю, что Том будет настаивать, но он только кивает:

– Тогда ладно. Дети, берегите себя.

Меня тошнит от унижения. О чем мы только думали, решив попросить денег у Дианы? Внезапно это кажется таким очевидным. Олли же столько рассказывал о своем детстве... Как Диана настояла на том, чтобы подростками они с Нетти подрабатывали после школы и чтобы у них были подержанные машины, чтобы они понимали, что не все так привилегированны, как они... Уж Диана точно не высказалась бы за то, чтобы дать им подачку. Да, конечно, ее дети ходили в частные школы и им устраивали изумительные каникулы (по настоянию Тома), но выходные им приходилось проводить, собирая пожертвования для ее благотворительных организаций и трудясь в столовых для бездомных. Хуже всего то, что, несмотря на мое унижение, Диана сделала несколько очень здравых замечаний, когда отказала нам. Другим поколениям действительно было труднее. У нас с Олли хватит ума и способностей получить дом, который нам по средствам. А это значит, что я даже не могу ненавидеть ее за то, что она сказала.

Когда мы добираемся до фойе, словно из ниоткуда материализуются Нетти и Патрик.

– Как все прошло? – шепчет Нетти. Вид у нее извиняющийся, словно она уже знает ответ. – Она произнесла вам речь про то, что у каждого поколения свои трудности и проблемы?

Олли кивает.

– Но если ты достаточно сильно захочешь...

– ...у тебя получится?

Нетти и Олли тихонько хмыкают.

– Сочувствую, – вставляет Патрик. Пока нас учили азам жизни, он, очевидно, пробовал кое-какие из дорогих напитков Тома, потому что от него пахнет виски.

– Слава богу, что есть папа, а? – говорит Нетти. – Если бы не он, мы все остались бы без гроша на улице.

– О чем ты говоришь? – недоумеваю я.

– Да не волнуйся так, Люси! – Нетти обнимает меня за плечи. – Папа не позволит, чтобы ты упустила свой замечательный дом. Он, наверное, уже выписал Олли чек. Верно, Олли?

Олли похлопывает себя по карману джинсов и улыбается.

– Что?! – восклицаю я.

– Мы все знали, что мама ни за что не согласится. Она никогда и ни на что не соглашается. – Олли смотрит на Нетти, которая кивает. – А еще мы знали, что папа поможет.

– Тогда вон там... – я жестом указываю на «хорошую комнату», – что... что, собственно, там произошло? Ты разыграл перед матерью спектакль?

Олли, Нетти и Патрик смотрят на меня с некоторым недоумением. Словно все поняли какую-то шутку, которая мне не доступна.

Олли слабо смущенно улыбается.

– Наверное, да. Ничего страшного, Люси. Это просто... так у нас, Гудвинов, делается.

Теперь приходит мой черед смотреть недоуменно. Искренне пораженная, я качаю головой:

– Что ж, мне очень жаль, но отныне Гудвины будут вести себя по-другому.

– Ты не мог бы остановиться? – спрашиваю я, как только мы отъезжаем от дома Тома и Дианы.

Олли смотрит на меня, вздыхает и глушит мотор.

– Пожалуйста, никогда больше не втягивай меня в свои игры с родителями.

Олли дергает вверх рычаг ручного тормоза и изворачивается на сиденье, так что его колени оказываются под прямым углом к моим. Я знаю, он пытается меня умиротворить, примириться.

– Я же сказал тебе, Люси. Просто так заведено в нашей семье. Ты слышала, Нетти. Это просто процесс.

– Процесс?! – Я часто моргаю. – Что это значит?

– Разве у тебя с отцом такого по части денег не бывает? Например, когда мы поженились, ты ведь попросила у него денег.

– Я никогда ничего у него не просила. Он сам предложил оплатить нашу свадьбу.

– Но ты знала, что он предложит. Это и есть процесс. Своего рода. – Олли чуть заметно улыбается, но улыбка сползает с его лица, когда я не улыбаюсь в ответ. – Послушай, мне очень жаль. Ты права, я не должен был тебя впутывать.

– Тебе самому не следовало впутываться. – Я смотрю на приборную панель. – Твоя мать была права. Мы взрослые, мы умные. Мы должны уже сейчас взять на себя ответственность за свою жизнь. Я не хочу снова просить у них денег. Ни на дом. Ни на машину. Ни на литр молока. Идет?

– Ладно, ладно, погоди минутку...

– Я серьезно, Олли. Больше никаких просьб о деньгах. Не то нашему браку конец.

– Нашему браку конец?

– Да.

С глубоким вздохом Олли откидывает голову на подголовник. В салоне маленькой машины повисает тишина, и я чувствую, как Олли борется с собой. Это трудно, я понимаю. Когда нам нужно, мы инстинктивно тянемся за помощью к родителям – все так поступают. Это так же привычно и удобно, как одеваться по утрам. Но в какой-то момент ты взрослеешь и нужно научиться жить иначе, завести новые привычки. Меня бесит, что именно Диана преподавала мне такой урок.

Наконец Олли кивает:

– Ладно, ладно. Я никогда больше не попрошу у них денег.

– Даже если мы будем бедны и голодны, ни гроша за душой и в холодильнике ни крошки?

– Даже тогда. – Он, явно смирившись, улыбается. – Если уж голодать, то только с тобой.

Мы смеемся, и я ловлю себя на том, что на меня большое впечатление произвело, как быстро Олли оправился. Интересно, может, это потому, что в глубине души он знает, что нам никогда не придется голодать? Он знает, что в какой-то момент на нас свалится огромная сумма денег, гораздо большая, чем мы способны потратить.

И чтобы получить доступ к этим деньгам, нам нужно лишь дождаться чьей-то смерти.

ИАНА
ПРОШЛОЕ...

Дети еще не успели выйти из дома, а Том уже начал дуться. Я знала, что так произойдет – с той же уверенностью, с какой он знал, что я отклоню просьбу Олли о деньгах. Когда вы женаты так долго, как мы, то, хотя и надеешься на иной результат, перестаешь его ожидать. И если хочешь счастливого брака, лучше думать о других вещах – о тех, на которые вы смотрите одинаково. К счастью для меня, когда дело доходит до Тома, таких немало.

Том тяжело опускается в кресло. Я поднимаю руку знаком «стоп».

– Я знаю, что ты хочешь сказать, Том, поэтому, пожалуйста, не надо.

– Разве я что-то сказал? – Он издает долгий, утомленный вздох.

– Мне не нравится быть «плохим парнем», Том. И ты это знаешь.

Он ерзает в кресле, выражение лица у него скорее смиренное, чем раздраженное.

– Я знаю. Честное слово, знаю.

Если брать наши с Томом споры, этот самый жаркий. Когда-то в Томе было больше огня, но теперь осталось совсем мало вещей, от которых он по-настоящему заводится. Пробки на дорогах. То, что люди не гасят свет, выходя из комнаты. Расизм. Ну знаете, важные вещи. Сегодня, несмотря на наши разные взгляды, мы с Томом уважаем позицию другого. Том вырос на окраине Мельбурна, где пригороды соприкасаются с сельской местностью. Это была слаборазвитая в экономическом и социальном плане местность, а потом он потерял родителей, и ему пришлось уехать еще дальше в глубинку жить с бабушкой и дедушкой. В той же глубинке он учился в школе и уехал оттуда в четырнадцать лет, чтобы пойти в ученики к местному сантехнику. Получив квалификацию, он нашел себе работу в проекте жилой застройки, подружился со старшими менеджерами и предложил им попробовать свои силы в строительстве комплексов для пенсионеров. Предложение оказалось настолько выгодным, что он стал деловым партнером в одной из крупнейших строительных компаний Австралии.

– Я-то думала, Том, что уж кому как не тебе понимать, что для успеха вовсе не обязательно получать подачки.

– Но теперь все по-другому, – говорит он. – Каждый идет в университет, работает бесплатно, чтобы набраться опыта, пускает в ход знакомства, приобретенные в частных школах. Это сложнее, чем в мое время.

Но, конечно, это только часть белиберды, которой, выплачивая непомерные суммы частным школам, потчуют себя родители. После того как Том годами изводил меня, я наконец смягчилась и позволила Олли и Нетти посещать школы, где за семестр приходилось выкладывать столько, что год можно было бы кормить целую афганскую деревню, но по прошествии лет я все еще сомневаюсь, были ли эти школы лучше местных. Зато я твердо уверена, что раздавать подачки детям – нет, не детям, а взрослым! – после того как они получили отличное образование и все блага в жизни, означает и дальше поддерживать их против тех, кто пытается пробиться без посторонней помощи, а это всем заинтересованным сторонам не на пользу.

– Трудно было всегда, Том. Просто ты голоден до успеха больше, чем наши дети, вот и все.

В отличие от Тома, я выросла в семье более-менее среднего класса. У нас не было такого богатства, как сейчас у нас с Томом, но мы жили в достатке. Суть в том, что и я тоже голода бы не испытала, если бы в моей юности не произошли некие события, резко изменившие мою жизнь к худшему.

– Думаю, Олли не помешало бы немного поголодать. Немного голода полезно для молодежи. Голод сделал из тебя мужчину.

Том пододвигается в сторону, и я сажусь к нему в кресло с высокой спинкой, достаточно просторное для двух задниц средних лет.

– На самом деле... – Том улыбается. – Это тебя он сделал.

1970 год

Мы с Синтией назвали это лето Летом Сокола, в основном потому, что остальные наши друзья уехали в Европу, и нам хотелось, чтобы наши каникулы выглядели поувлекательней, чем были на самом деле. «Сокол» взялся от названия «Фолкон XR GT» – автомобиля, который принадлежал парню Синтии по имени Майкл. Я, конечно, знала, что произошло на заднем сиденье «Сокола», что Майкл и Синтия делали на заднем сиденье «Сокола» множество раз. Не могу сказать, что я сама была отчаянно влюблена в Дэвида, хотя он мне в целом нравился. Он был высоким и изучал инженерное дело в университете, что тогда казалось достаточным. Рост и ум. Чего еще хотеть женщине?

Как выяснилось, ум Дэвида нам пригодился, когда я обнаружила, что беременна.

– В Бродмидоу есть одно местечко, – сказал он. – Дом для незамужних матерей. Ты едешь туда, рожашь ребенка, потом возвращаешься. А всем остальным можно просто сказать, что ездила в Европу.

Я была рада, что он не предложил другое «местечко», куда отправлялись незамужние матери. Абортарий. Особых материнских инстинктов у меня не было, но я всегда верила в то, что нужно отвечать за свои поступки. Бедный малыш не виноват, что я забралась на заднее сиденье «Сокола» вместе с Дэвидом, и я не понимала, почему именно он должен за это поплатиться. Моя мать согласилась, что план Дэвида был мудрым, а отец, как правило, соглашался с моей матерью, когда она заявляла, мол, что-то, на ее взгляд, «мудро». Мысль о том, что мне придется отдать ребенка, прежде чем покинуть дом, казалась настолько нереальной, что я даже не потрудилась об этом подумать. В конце концов, когда ты тонешь и кто-то предлагает тебе спасательный плот, ты не проверяешь, нет ли в нем щелей, перед тем как подняться на борт.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

Вечером накануне моего отъезда в Орчард-хаус Дэвид пригласил меня прогуляться. Сейчас он неопределенно махнул рукой перед моим животом, показывая, что спрашивает о симптомах, связанных с беременностью.

– Все в порядке.

Стоял теплый вечер, и я сидела на кирпичных ступеньках родительского бунгало с пакетом винограда на коленях. (Меня почти полгода тошнило по утрам, и виноград был единственным, что останавливало позывы.) Я отложила поступление на курсы секретарей и сказала подругам, что весь семестр проведу на Сицилии. Никто, кроме моих родителей и Дэвида, не знал правды. Даже Синтия. Оказалось, что католический позор гнетет сильнее, чем я думала.

С тех пор как меня приняли в Орчард-хаусе, я видела Дэвида всего пару раз. Пока я старалась никому не показываться на глаза, Дэвид, по-видимому, работал круглосуточно, чтобы помочь отцу оплатить мое там пребывание. На отца произвела впечатление готовность Дэвида помочь. Однажды я слышала, как он сказал маме, что рад, мол, «по крайней мере, я связалась с парнем, у которого есть чувство чести». Помню, как однажды, выглянув в щелку двери моей спальни, я увидела, как отец пожимает руку Дэвиду, а мать горячо его благодарит. На меня же отец, напротив, месяцами почти не смотрел.

– Может быть, мы еще увидимся, когда ты выйдешь, – сказал теперь

Дэвид.

– Возможно, – согласилась я.

Но мы оба знали, что это ложь.

В Орчард-хаус меня отвезла мать.

– Это не навсегда, – сказала она на крыльце, поцеловала меня и поспешила обратно к машине.

Я была поражена, что на этом ее прощание закончилось, но заставила себя не окликать ее. Я и так испытала достаточное унижение.

Через пару секунд в дверях появилась женщина в темно-синем переднике. Она открыла железную дверь и молча оглядела меня.

– Ты, наверное, Диана, – сказала она наконец. – Ну тебе лучше зайти внутрь.

Орчард-хаус походил на больницу. Это был трехэтажный дом, с широкими коридорами, линолеумом на полу и виниловой мебелью. Старшая сестра повела меня на второй этаж, где в центре располагалась общая комната, из которой бордовые двери вели, предположительно, в спальни. Сидевшие маленькими группками девушки на поздних сроках беременности подняли головы, когда я вошла, потом быстро опустили глаза.

– Ты в Орчард-хаусе самая старшая, – сказала мне сестра-хозяйка, ведя меня дальше по коридору. – Самую младшую зовут Памела, ты с ней будешь жить. Памеле всего четырнадцать. – Сестра неодобрительно фыркнула. – В Орчард-хаусе мы называем друг друга по именам, и мы не говорим о школах, в которых учились, о людях, которых мы знаем, или о чем-то, что может выделять нас во внешнем мире. Это все для защиты вашей анонимности, – сказала она, но я заподозрила, что это скорее чтобы защитить наших родителей. Женщина остановилась у двери, которая, как я предположила, вела в мою комнату. – Тебе следует знать, что Памела немного проблемная. Я подумала, что такая взрослая воспитанная девушка, как ты, поможет ей, научит вести себя как подобает.

Она жестом указала внутрь, где на одной из кроватей сидела совсем юная девочка. У нее было кислое выражение лица, а волосы заплетены в две сальные косы.

– Памела? – окликнула старшая сестра. – Это твоя новая соседка, Диана.

– Привет, – сказала я, но Памела решительно уставилась в пол.

– А ну, выше нос! – велела ей сестра-хозяйка. – Вам, девочки, повезло. Ваши семьи помогли вам. Если будете держаться тише воды ниже травы,

пока не родите ребенка, сможете вернуться к своей прежней жизни и забыть о том, что случилось. Не всем такая удача привалила.

На том она ушла, напутствовав меня, мол, «чувствуй себя как дома».

Сев на узкую койку напротив странной молчаливой девушки, я почувствовала, что на глаза мне наворачиваются слезы. Но я их смахнула. В конце концов, мне повезло.

В тот вечер после ужина я отправилась в общую комнату, где на коричневых виниловых диванах сидели беременные девушки, уставившись в телевизор или в книжку. За одним столиком какая-то девушка красила приятельнице ногти красивым бледно-розовым лаком, который напомнил мне ногти Синтии.

– Можно мне сесть здесь? – спросила я блондинку, сидящую на диване. Она была в пижаме и тапочках, волосы накручены на бигуди. Она болтала с девушками справа от себя и подвинулась, не поднимая глаз.

Диван был поразительно неудобным, но, поскольку я сомневалась, что вообще способна стоять, я не потрудилась пошевелиться. По всей комнате девушки были придавлены к диванам своими огромными животами-арбузами. Я насчитала семнадцать девушек, семнадцать арбузов. Памела была единственной, кто не сидел. Она стояла у книжных полок справа от телевизора, делая вид, что выбирает книгу, но в основном переминалась с ноги на ногу. Я заметила, что она из тех, кто не может усидеть на месте. Она нервничала, подергивалась, волновалась. Это выводило из себя.

Блондинка, которую, как оказалось, звали Лорел, тихонько разговаривала с двумя девушками справа от нее. Подслушивая, я узнала, что она второй раз в Орчард-хаусе. Она уже была здесь два года назад, когда ей было всего шестнадцать. Забавно, но остальные не удивлялись и не приходили в ужас (как я), а обращались с ней как со своего рода знаменитостью и считали источником всяческих сведений об Орчард-хаусе. Пока я слушала, разговор перешел от скверной кормежки к влюбленности старшей сестры в садовника Артура и к подозрениям Лорел, что одна из девочек беременна от собственного брата. Эта болтовня, какой бы пустой она ни была, напомнила мне разговоры с моими собственными подругами, что в равной степени утешало и усиливало одиночество.

Без десяти десять появилась старшая сестра.

– Десять минут до отбоя, девочки! – У старшей сестры был пронзительный голос, который отдавался от стен и лишал общую комнату любого подобия нормальности. – Быстренько по палатам. Не задерживайтесь.

Она исчезла, и девушки послушно сползли на край диванов и кресел, готовясь встать. Из их ворчания я заключила, что свет действительно гаснет ровно в десять часов вечера, и, если тебя нет в палате, дорогу туда придется искать в кромешной тьме.

– Десять минут до отбоя, – повторил голос старшей сестры. – Не возитесь попусту.

Мы все снова посмотрели на дверь.

– Если будете попусту возиться тут, я не смогу после отбоя повозиться с Артуром там, – раздался голос.

Самой ее нигде не было видно, зато из дальнего угла комнаты послышалось слабое хихиканье.

Мы все повернулись на звук, и я заметила, что Памела стоит к нам спиной.

– Памела? – с восторгом воскликнула Лорел. – Это была ты?

Памела наклонилась, теребя корешок книги и делая вид, что не слышит. Если это она изображала старшую сестру, то никто не стал бы отрицать, что получалось у нее идеально.

– Ах, Артур, прекрати! – снова послышался голос старшей сестры. – Ах так? Тогда продолжай. Не останавливайся.

Смешки перешли в лихорадочное кудахтанье.

– Просто отведи меня в свой сарай, и я... Я...

– Что вы, девочки, все еще здесь делаете?

Голос стал громче, пронзительнее. Наши головы повернулись к двери, где, уперев руки в бока, стояла старшая сестра – настоящая старшая сестра.

– Разве я не велела вам не возиться?

– Сию минуту, старшая сестра, – откликнулась Памела и первой вышла из комнаты.

Наши животы росли. Нам мало говорили о том, что будет дальше. О сроках, когда нам рожать, мы догадывались по размеру наших животов. На людях мы говорили о своих беременностях лишь настолько, насколько они затрагивали наше тело: «У меня мочевой пузырь размером с грецкий орех» или «Я едва могу подняться на лестничный пролет», но мы не говорили о «детях» как таковых. Никто нам не запрещал, мы просто этого не делали... возможно, это была естественная форма самозащиты. Я избегала заводить друзей, что было на удивление легко, когда тебе запрещают говорить о том, кто ты и откуда. В любом случае мне никогда не давалась светская болтовня.

Днем Памела вообще со мной не разговаривала. Я пыталась научить ее

всему, как просила старшая сестра. Как красиво говорить. Как шить. Но всякий раз, когда я пыталась, она просто смотрела на меня, или закатывала глаза, или бормотала что-то себе под нос. Однажды, когда я показывала ей, как правильно держать столовые приборы, она схватила вилку и швырнула ее через всю комнату. Понемногу я сообразила, что проблема заключалась в том, что Памела перенесла какую-то травму. Я не знала, как научить ее жить с этой травмой.

Подражание тем или иным людям превратилось у Памелы в вечерний ритуал. Она могла изобразить почти любого: доктора Гумберта, акушера с густыми усами, который приходил раз в неделю, чтобы измерить нам давление; садовника Артура, по которому вздыхала старшая сестра; любую девушку в нашем крыле. Она была мастером находить причуды людей, мельчайшие детали и черточки, которые привносили в ее сценки жизнь. Каждый вечер она стояла у книжных полок, а мы ждали. Эти несколько минут хихиканья в день служили мне величайшим утешением. Только позднее мне пришло в голову, что, возможно, они служили утешением и для нее самой. Шанс всего несколько минут побыть кем-то другим.

Однажды вечером, когда я провела в Орчард-хаусе почти месяц, она изобразила меня.

– О да! Я Диана, умею пользоваться столовыми приборами и говорить шикарно.

Все захихикали. Даже я. Возможно, как раз благодаря тону все воспринималось как смешное, а не злое или подлое. А может, благодаря тому, что тогда она вообще впервые признала факт моего существования. В глубине души я была рада, что хоть кто-то здесь признает факт моего существования.

Однажды вечером, когда мы собрались в общем зале, кто-то заметил, что Мэри там нет.

– Прошлой ночью у нее начались схватки, – тихонько сказала Лорел, ее соседка по палате.

Все сбились тесной кучкой. Мы знали, что женщины рожают детей, но нам отчаянно не хватало базовых знаний. Крайне редко удавалось урвать какие-то реальные факты.

– Довольно скверно было. Она терпела сколько могла, прежде чем позвать старшую сестру. Она не хотела ехать в больницу.

Это был сюрприз. Мэри была одной из самых храбрых девушек. Она неделями напролет твердила, мол, ждет не дождется, когда вытолкнет из себя ребенка, а потом, когда все закончится, купит себе джинсы-клеш, обтягивающие бедра, и бутылку виски.

– Почему она не хотела туда ехать? – задал кто-то вопрос, который вертелся у всех на языке.

Шестнадцать пар глаз уставились на Лорел.

– Потому что ты едешь в больницу с ребенком, – сказала она, – а приезжаешь без него.

Позже, когда старшая сестра пришла объявлять отбой, мы все оживились.

– Мэри родила младенца, сестра? – спросила Лорел.

Сестра-хозяйка посмотрела на нее настороженно. Никто не употреблял слово «младенец» в разговоре со старшей сестрой. Даже доктору Гумберту как-то удавалось его избегать, по крайней мере в нашем присутствии.

– Верно, – в конце концов снизошла сестра.

Мы все ждали. Я заметила Памелу у книжных полок, она стояла так неподвижно, что я сомневалась, дышит ли она.

– Кто это был? Мальчик или девочка?

– Младенец родился здоровым, – ответила старшая сестра, и это был первый и последний раз, когда я слышала, как она произносит это слово в Орчард-хаусе.

После известия о родах у Мэри сценки Памелы прекратились. На какое-то время мы как будто забыли, почему мы здесь, а теперь вспомнили. Днем Памела почти не разговаривала. Но ночью, когда мы лежали в постели, она иногда произносила несколько фраз. Что-то случалось по ночам с обитательницами Орчард-хауса: снимая одежду, ты словно бы снимала броню.

– Кажется, у меня будет девочка, – прошептала однажды ночью Памела, когда мы лежали в своих кроватях. – А как насчет тебя?

В темноте я едва различала очертания ее тела под грудой одеял. В комнате было холодно, и ее дыхание клубилось в воздухе.

– Это не имеет значения, – ответила я. – Это будет не мой ребенок.

– Но как бы ты его назвала? – не унималась Памела. – Если бы его оставила?

Я покачала головой:

– Понятия не имею, Памела.

– А я бы назвала свою девочку Джейн. Джейн Памела. Красиво звучит, правда?

Снаружи проехала машина, и полоска света скользнула по кроватям, выхватив ее лицо. Оно было радостным, полным надежды. Совсем не похоже на Памелу. В горле у меня встал ком.

– Диана? – окликнула, помолчав, Памела.

– Ммм?

– Друзья зовут меня Пэмми.

Я резко вдохнула и с трудом сглотнула. Внезапно я почувствовала, как на меня наваливается тяжесть того, что мне предстоит.

– Диана? Ты меня слышишь?

– Да, – сказала я, кашлянув чтобы прочистить горло. – Я слышу тебя, Пэмми.

По мере того как приближался наш срок, Пэмми стала делиться кое-какими подробностями своей жизни. Она сказала, что отцом ее ребенка был мужчина по имени Кристофер, врач. У Кристофера была жена, сказала Пэмми, но она любила не его самого, а только его деньги. Кристофер заплатил за то, чтобы Пэмми поехала в Орчард-хаус, потому что не хотел, чтобы она и пальцем пошевелила, пока носит ребенка. Вот как сильно он ее любит, – по крайней мере, так сказала Пэмми. У меня возникло множество сомнений относительно версии событий Пэмми, но я была рада выслушать. Уж лучше пусть говорит про это, чем снова заводит про ребенка. «Интересно, Джейн будет похожа на меня или на Кристофера?» «Держу пари, Джейн будет умной, как Кристофер». «Ой, надо же, Джейн пинает меня. Она дерзкая!»

Иногда, когда Пэмми говорила о Джейн, мне хотелось закричать. Пэмми не разрешат дать ребенку имя. Ей даже не позволят обнять девочку. Об этом было трудно думать. Дни шли за днями, и мое желание обнять ребенка становилось почти непреодолимым. По ночам, когда я чувствовала, как он пинается и шевелится, я обхватывала руками живот. Я полагала, что это мой единственный шанс подержать его.

– У меня есть имя, – сказала я Пэмми однажды вечером. – То есть имя для мальчика. Оливер.

– Оливер, – одобрительно повторила Пэмми. – Какое красивое, шикарное имя. Красивое и шикарное, как ты сама.

Несмотря на обиду, вопреки самой себе – я в темноте разразилась смехом.

Однажды вечером я вдруг поймала себя на том, что весь день не видела Пэмми.

– Сестра? – подала голос я, когда наша надзирательница пришла сказать, что до отбоя десять минут. – Я сегодня не видела Пэмми. Она поехала рожать ребенка?

Старшая сестра поджала губы.

– Памелу перевели.

– Куда перевели? Ей еще слишком рано рожать.

– Это тебя не касается. – Старшая сестра дважды хлопнула в ладоши: – Ладно, девочки, пора в постель, нечего возиться.

– Старшая сестра, – сказала я громче. – Куда перевели Пэмми?

Старшая сестра повернулась ко мне, пригвоздив меня острым взглядом прищуренных глаз.

– Ты собираешься начать создавать проблемы, Диана? Ты меня разочаровываешь. Я думала, ты одна из самых разумных девушек.

Я почувствовала, как Лорел дергает меня за руку. Прекратив пререкаться со старшей сестрой, я последовала за ней в коридор.

– Пэмми что-нибудь говорила о том, что хочет оставить ребенка? – спросила Лорел.

– Да нет... не взаправду. – Я задумалась. – Ну она дала ей имя.

– Ей?!

Я пожала плечами:

– Она думает, что это девочка.

Лорел печально кивнула.

– В чем дело? – спросила я.

– То же самое случилось и с Джозефиной, когда я впервые оказалась в Орчард-хаусе. Однажды она сказала всем, что решила оставить ребенка. На следующий день Джозефина исчезла.

– Она оставила ребенка? – Я не смогла скрыть благоговения в голосе.

– Мы так решили, – сказала Лорел. – Но примерно через год я столкнулась с Джозефиной в городе. После того как она сказала старшей сестре, что хочет оставить ребенка, старшая сестра отвела ее вниз, в другую комнату, и не разрешила ни с кем видаться. Они заставили ее работать днем и ночью – убирать, мыть посуду, готовить. Они сказали, мол, если она не отдаст ребенка, ей придется самой оплачивать все расходы на жизнь и больницу и начать надо прямо сейчас. Они заставляли ее работать так много, что у нее начались схватки на месяц раньше времени. И когда у нее родился ребенок, она еще не выплатила свой долг, поэтому ребенка у нее забрали в залог. В конце концов у нее не осталось выбора, ей пришлось отдать им ребенка насовсем. Думаю, Пэмми там, внизу.

– Хватит болтать, – раздался с другого конца коридора голос старшей сестры. – Все в постель.

Я надеялась, что Лорел ошибается, что Пэмми сбежала и сейчас где-то с Кристофером и своим ребенком. Я надеялась на это, мечтала об этом...

но никогда в это не верила.

Мама приехала меня навестить, когда мой живот стал таким круглым и так натянулся, что я не могла надеть туфли и неделями ходила в тапочках. Мама была в перчатках и шляпке, как будто собиралась в церковь.

– Я хочу оставить ребенка, – сказала я, когда она села на виниловый стул. – Но мне нужна твоя помощь.

– Диана, – откликнулась моя мама. – Ты сама не знаешь, что говоришь. Это сущая нелепость.

– Вовсе нет. На дворе конец двадцатого века. В наши дни одинокие женщины могут иметь детей.

Мать улыбнулась.

– Вот как? О каких именно женщинах ты говоришь?

Я, конечно, ни одной такой не знала. Но они существовали. В новостях говорили, что все меняется, что женщины получают все больше прав. По-видимому, одинокие женщины имеют доступ к социальному обеспечению, которое помогает им содержать себя и своих детей.

– Мередит разведена, – сказала я, потому что Мередит была ближе всего к матери-одиночке из всех, кого я знала.

К несчастью, это был не самый удачный пример. Двоюродная сестра моего отца Мередит ушла от мужа пару лет назад, когда узнала, что он ей изменяет, но развод лишил ее положения в обществе, не говоря уже о финансах. Мередит вышвырнули из дома, где она жила раньше, и, насколько мне было известно, она снимала какую-то хибару в промышленной зоне Западного Мельбурна. Она как будто нашла себе работу... кажется, в заводской столовой.

– Ты хочешь закончить, как Мередит? – спросила мать.

– Я могу просто уйти отсюда, – сказала я, защищаясь. – На двери нет замка.

На самом деле я понятия не имела, правда ли это. В любом случае я, конечно, не стану рассказывать старшей сестре о своих планах.

– Наверное, да, – задумчиво сказала мама. – Но что ты тогда будешь делать? Привезешь младенца в дом отца? Очень в этом сомневаюсь.

– Найду себе собственное жилье.

– На какие деньги? Кто сдаст дом беременной одинокой женщине, не имеющей ни образования, ни квалификации?

– Я поживу у друзей.

– У каких друзей?

Я промолчала, пытаясь придать своему лицу вызывающее выражение. Но у меня не было друзей, которые могли бы мне помочь. Единственные

мои друзья, которые не были за границей или не учились в другом городе в университете, жили с родителями, большинство из которых были друзьями моих родителей. Мне некуда было идти. Мой план был сплошным блефом, и мать вывела меня на чистую воду.

Она накрыла мою руку прохладной ладонью.

– Ну же, Диана, все уже почти позади. Роди ребенка, возвращайся домой и в следующий раз сделай лучший выбор.

Она поцеловала меня в лоб. По ее мнению, дело было закрыто.

В ту же ночь я сбежала.

**ЛЮСИ
НАСТОЯЩЕЕ...**

Сотрудницу похоронного бюро зовут Перл. Это добрая женщина лет пятидесяти пяти с копной крашенных каштановых волос и терпением воспитательницы детского сада. Хвала за нее богу, потому что, как выясняется, после чьей-то смерти сделать предстоит очень многое. Когда Том умер, все организовала Диана, и я до сих пор не понимала, что это за героический был подвиг. Как человек, у которого горе, способен встречаться с распорядителями похорон и выбирать гроб, разбираться с буклетами для поминальной службы, подбирать цветы и одновременно поддерживать других и разбираться с мелочами их жизни? Думаю, мне это предстоит выяснить.

Мы уже несколько часов выбираем то и се в похоронном бюро, но мои мысли витают где-то далеко. Совершенно очевидно, что Джонс и Ахмед вчера навестили Нетти и Патрика и рассказали им о раке... или о его отсутствии. Нетти и Патрик тоже считают, что тут какое-то недоразумение, но я никак не могу избавиться от ощущения, что что-то не так. Почему доктор Пейсли не направила Диану к онкологу? Почему не было записей маммограмм или УЗИ? Зачем Диане было лгать?

Все это не имеет смысла.

– А как же поминки? – спрашивает нас Перл. – Они будут в доме вашей матери?

Нетти вздрагивает.

– Нет. Давайте проведем их в другом месте.

– Согласен, – говорит Олли. – Зная, что мама там умерла... теперь все по-другому.

– Как насчет бара или ресторана неподалеку? – предлагает Перл, и мы все согласно бормочем.

– А теперь к поминальной службе. Некоторые люди, которые предпочитают экуменические службы, все же хотят включить кое-какие церковные гимны. Как по-вашему, Диана...

– Нет, – хором отвечают Олли и Нетти.

– Мама не слишком жаловала гимны, – объясняет Олли.

– Никаких гимнов, – говорит Перл, делая пометку в бумагах. – Ладно,

никаких гимнов.

Раньше я об этом не задумывалась, но теперь мне вдруг интересно, почему Диана так резко отвергала свое католическое воспитание. Я ловлю себя на том, что мне хочется спросить ее об этом... и меня охватывает мучительная грусть, что я уже не смогу.

– Ладно, – повторяет Перл. – Идем дальше.

По большей части выбор делаем мы с Нетти. Олли и Патрик сидят, как две замороженные свиные туши, кивают, кряхтят и смотрят на часы. Ближе к обеду Перл предлагает нам с Нетти сходить в кафе на углу за бутербродами.

– Я не голодна, – возражает Нетти.

– Важно, чтобы вы поели, – говорит Перл. Она совершенно тверда и совершенно спокойна. – И захватите что-нибудь для мужчин.

Выйдя на улицу, мы бредем словно через силу. Вдоль дороги проходят железнодорожные пути, и на полминуты в тишину врывается шум поезда. Потом он исчезает, и снова не слышно ничего, кроме нашего дыхания. Нетти поднимает руку, чтобы почесать нос, и рукав ее рубашки задирается, открывая широкое фиолетовое кольцо на левом запястье.

– Что у тебя с рукой? – спрашиваю я.

Она быстро скашивает на меня глаза, потом снова переводит их на дорогу.

– А тебе какое дело?

– Ну же, Нетти.

– Давай просто купим бутерброды, ладно? – тихо говорит она.

Мы делаем еще несколько шагов.

– Ненавижу все это! – взрываюсь я. Внезапно я не в силах больше сдерживаться. – Диане это тоже не понравилось бы. Ты сама знаешь, что не понравилось бы.

Нетти останавливается.

– И чтобы именно сейчас мы собрались все вместе как члены семьи.

– Семьи? – Нетти разворачивается ко мне всем телом. – Вот ты, Олли и дети – это семья. А мы с Патриком... мы... мы просто два человека. Два человека, которые даже не...

– Я знаю...

– Ничего ты не знаешь. Ты не можешь знать.

Я вздыхаю.

– Я так хочу, чтобы все это осталось в прошлом, Нетти. Я хочу помочь тебе пройти через это.

Надежд у меня особых нет, но думаю, что у меня есть шанс. Здесь,

когда рядом нет ни Патрика, ни Олли, я чувствую, что смогу достучаться до нее. И я хочу достучаться до нее. Эта семья и так уже понесла слишком большие потери. Сначала Том. Потом Диана. Я не могу потерять и Нетти тоже.

– Мне все равно, чего ты хочешь.

Она отворачивается и идет дальше. Только позднее я понимаю, что она так и не сказала, что случилось с ее запястьем.

ДИАНА
ПРОШЛОЕ...

Я слышала, что каждые родители восемьдесят процентов своей энергии тратят на одного ребенка, а прочие двадцать распределяют между всеми остальными детьми. Олли всегда был «восьмидесятипроцентным ребенком». Большую часть его детства я задавалась вопросом, достаточно хорошо ли он ест, достаточно ли много учится, достаточно ли много делает. Он не был самым популярным ребенком в школе, но и не был изгоем. То, что он в целом всем доволен, должно было бы меня утешать, но почему-то только озадачивало. Он хотел пригласить к нам своего друга поиграть или он хотел, чтобы я перестала приглашать к нам этого друга? Его как будто никогда не заботило, так будет или иначе.

А вот Нетти от рождения была такой способной и самостоятельной, так открыто говорила о своих желаниях, что я никогда о ней не беспокоилась. Быть ее матерью было все равно что иметь рядом маленькую равную, которая сопровождала меня повсюду. Если кто-то донимал ее в школе, она тихонько отводила их в сторонку и спокойно объясняла, мол, если они не перестанут подличать, у них не останется друзей, а ведь это будет глупо, правда? Когда я подавала на ужин овощи, а Олли, который на пять лет старше ее, отказывался их есть, она спрашивала: «Разве ты не хочешь быть сильным, как супермен, Олли?»

Однажды, когда Олли было одиннадцать, а Нетти – шесть, они уже несколько часов плавали в бассейне, когда мне понадобилось зайти в дом. Олли и Нетти были хорошими пловцами, так что не было ничего страшного в том, чтобы ненадолго их оставить.

– Приглядывай за сестрой, – наверное, сказала я.

Я пошла на кухню и принялась чистить картошку. День выдался теплый, и солнце било в окно. Когда я взяла последнюю картофелину, меня вдруг охватила странная тревога. Возможно, включился материнский инстинкт. Надо проверить детей!

Выйдя во двор, я увидела клубок тел прямо под поверхностью воды. Я даже не остановилась, чтобы снять туфли, прежде чем прыгнуть в воду.

Первой я схватила Нетти, но Олли держал ее и не отпускал. Я дергала и крутила ее, но он, как якорь, тянул ее вниз. Наконец я пнула Олли в живот,

и она высвободилась. Я подтолкнула дочь к бортику бассейна и мгновение спустя сделала то же самое с Олли. Он вцепился в бортик, кровь и вода стекали по его лицу, скатываясь в ямку ключицы.

– Что... скажите на милость... стряслось? – выдавила я, задыхаясь.

– Олли сделал сальто и ударился головой, – выдохнула Нетти. – Я увидела кровь, а он не двигался. Я пыталась спасти ему жизнь, а он пытался утопить меня!

Я посмотрела на Олли, тяжело дышащего у бортика бассейна.

– Ты запаниковал, Олли? Поэтому ты вцепился в Нетти?

Олли не ответил. Он выглядел таким же растерянным, как и Нетти.

И тут я поняла. Одни люди прыгают и пытаются спасти кого-то, кто попал в беду, другие делают все возможное, чтобы спасти себя. Олли не собирался топить Нетти, он просто следовал своим инстинктам, как и она своим.

Мои дети только что показали мне, кто они.

Когда я в тот день возвращаюсь домой, Нетти сидит на барном табурете у меня на кухне и листает газету. Ее пиджак висит на спинке стула, а волосы собраны в очень строгий пучок.

– Привет, дорогая, – говорю я, балансируя с сумками из супермаркета.

Ее взгляд отрывается от газеты. Нетти периодически заглядывает ко мне по дороге с работы, иногда под предлогом того, что хочет что-то завезти, а иногда просто так. Я действительно не понимаю зачем, но понемногу научилась радоваться ритуалу.

– Привет, мам, – говорит она.

– Я только что видела в супермаркете твою подругу Лизу. – Я водружаю пакеты на стойку. – Она упомянула, что вы, девочки, собрались устроить вылазку в Гонконг.

– Я не еду, – говорит Нетти.

– Вот как? Почему?

Она вздыхает.

– Деньги. Время.

Я киваю. Но мне кажется, что вылазка куда-то на девичник – как раз то, что нужно Нетти.

– Ты не видела Люси и Арчи? – спрашиваю я.

– После больницы – нет.

– Я только что была у них в гостях.

– О... – Нетти переворачивает страницу газеты, старательно не

проявляя интереса. – Как они?

– Думаю, у Люси случались и лучшие дни. Но так бывает, когда у тебя новорожденный. – Мое внимание привлекают часы на плите. Еще нет и пяти. – Разве ты не должна быть на работе, Нетти?

– Я рано ушла.

Я смотрю на нее в упор.

– А тебе можно?

– Я могу делать все, что захочу.

Странное какое-то настроение у моей дочери. Поза у нее – угрюмая, почти подростковая.

– Что-то случилось, Нетти?

Она, конечно, качает головой. Моя дочь, при всей ее мягкости и легкости, очень замкнута, по крайней мере со мной. На самом деле она – одна из немногих, кто способен заставить меня сомневаться в себе. Мне нравится в ней это сочетание. Но было время, когда Нетти мне открывалась. Когда она была подростком, мне практически пришлось сказать ей, чтобы она перестала мне рассказывать абсолютно все. «Кое-чем, – объяснила я, – стоит делиться только с подругами, Антуанетта». И в какой-то момент она перестала все мне рассказывать. Наверное, начала больше разговаривать с Патриком.

– Ты уверена? – спрашиваю я.

Она никогда не признается, что ужасно хочет ребенка, что страшно жалеет, что это у Люси новорожденный, а не у нее. Но я-то знаю правду. Бедная девочка так отчаянно нуждается в ребенке, что это практически у нее на лице написано. Из-за поликистоза яичников ей трудно зачать, но может же она что-то предпринять. Она, скорее всего, уже что-то делает. Но она мне не говорит, а я не спрашиваю, поэтому мы просто сидим вместе какое-то время и молчим.

– Останешься на ужин? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает она. – Мне нужно домой к Патрику.

– Патрик тоже мог бы к нам присоединиться, – говорю я как хорошая мать.

На заре своего брака Нетти и Патрик часто приходили к нам обедать или ужинать. После ужина они удалялись в «берлогу», и Патрик смешивал напитки и курил сигары с Томом. Патрику у нас всегда так нравилось, что какое-то время я боялась, что у нас с Томом больше не будет вечеров вдвоем. Но через год или два он вообще перестал приезжать – за исключением Рождества и семейных праздников.

– Нет, – говорит она. – Я пойду домой.

– Знаешь, если тебя что-то беспокоит, ты можешь поговорить об этом, – говорю я. – Я не лучший собеседник... но я умею слушать.

Нетти смотрит на меня, и мне кажется, что она вот-вот заплачет. Нетти – не плакса, она не плакала с самого детства. Но через несколько секунд Нетти берет себя в руки и садится прямее.

– Спасибо, мама, – говорит она. – Но все в порядке.

ЛЮСИ

ПРОШЛОЕ...

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спрашивает Олли.

Я мрачно киваю.

– Не тошнит в машине?

– Нет.

В машине меня укачивает, но меня беспокоит не это. Мы едем в загородный дом Гудвинов на пляже. Я понимаю, конечно, что должна радоваться, а не дуться. Бывают проблемы и похуже. Олли конечно рад-радехонек. Он любит Сорренто. Он весь год строит романтические планы, с восторгом разглагольствует, как здорово, что вся семья целую неделю проведет под одной крышей. Он совершенно не замечает никаких подводных течений, никакого напряжения. Если я ему что-то говорю, он всегда делает озадаченную мину. («Стресс? У мамы? Нет! Она просто такая! Она обожает стресс».)

Возможно, это Олли обожает стресс. Он насвистывал все утро, и все его тело словно бы становилось все более упругим и расслабленным, пока мы медленно ползли вдоль берега в потоке машин, временами лоя сквозь кустарник проблески сапфировой синевы.

Всякий раз, когда я говорю кому-нибудь, что у моих родственников есть дом на пляже в Сорренто, они одобрительно восклицают или стонут: «Сорренто! О-ла-ла!» И я могу понять почему. Пляжный дом Тома и Дианы, возможно, один из самых впечатляющих особняков на полуострове Морнингтон. Построенный из песчаника в начале двадцатого века, он опирается на скалу, вокруг ухоженные сады, дорожка из побеленных бревен спускается к пляжу. К услугам гостей – бассейн, теннисный корт и трехъярусное известняковое патио с панорамным видом на море.

Я его ненавижу.

– Как, скажи на милость, можно такое ненавидеть? – недавно вскинулась Клэр. – Я убить готова за дом на пляже, который могла бы посещать, когда захочу. В смысле, я буквально готова убить.

А я готова была убить, лишь бы не иметь такого места. Во-первых, дом Гудвинов совсем не подходит для детей. Произведения искусства, керамика и скульптуры украшают все до единой поверхности и стены.

Стоит мне спустить Арчи с рук, как Диана охает. Мне это так чуждо. Моей маме вообще не было дела до картин или скульптур. Если бы ей выпало стать бабушкой, все картины на ее стенах были бы написаны ее внуками, и она бы только охнула, когда я сказала бы детям, что пора спать. («Да не валяйте дурака, детки! Вы сегодня полуночничаете с бабулей!»)

Пока я росла, мы проводили лето в Портарлингтоне, в тихом курортном городке на менее гламурной стороне залива. На главной улице напротив пляжа были лавочка, где продавали рыбу с картошкой, паб и магазин, торговавший шезлонгами и палатками. Весь январь лысые старики сидели в шезлонгах на песке, выставив напоказ свои огромные животы, а женщины средних лет в солнечных шляпах стояли на мелководе в бирюзовых купальниках с оборками и предлагали детям куски арбуза из пластиковых контейнеров. Пока я не попала в особняк Тома и Дианы, всегда думала, что «пляжный домик» – это такое место, где песок на полу, пляжные полотенца на перилах веранды и куча детских пластмассовых шлепанцев сразу за порогом. Но Сорренто – совсем другое дело.

– На ужин придут Гринены, – сказала Диана Олли по телефону утром. – Ты ведь помнишь Амелию и Джеффри, правда?

Уж я-то помнила Амелию и Джеффри. Амелия вполне мила, но Джеффри, коллега Тома, – просто ужасен, прямо-таки ходячее сборище «истов»: сексист, расист да еще и сноб в придачу. Когда мы только познакомились (буквально через несколько минут после знакомства), он спросил, какой колледж я окончила, а когда я ответила, что Бэйсайдский, он внимательно на меня посмотрел и сказал с некоторым благоговением: «Ух ты! А по виду и не скажешь».

Когда мы подъезжаем, Нетти и Патрик все еще выгружают из машины сумки. Патрик похож на выючную лошадь, неуклюже ковыляющую под дюжиной небольших мешков, а Нетти несет только свою сумочку. Она выглядит малость зеленой.

– Добро пожаловать! – восклицает стоя на пороге огромных дверей (практически портика) Том, приветственно раскинув руки. – Диана, они все здесь! – Он сияет. Вся семья собралась в пляжном домике – вот что для него счастье. – Где мой внук? – обращается он ко мне.

Я опускаю Арчи на землю, и малыш ковыляет к Тому.

– Ну здравствуй, мой мальчик. Как же ты вырос!

Поцеловав Тома, я прохожу мимо него в дом. Сумочку я кладу на дубовый обеденный стол, рассчитанный на шестнадцать гостей («Почему шестнадцать?» – спросила я на первой экскурсии Тома, когда он указал на

эту деталь, но вопрос как будто сбил его с толку, и он перешел к следующей достопримечательности. Я заподозрила, что он и сам точно не знает.) Хотя дом не совсем в моем вкусе, нельзя отрицать, что он поражает. Высоченные сводчатые потолки, огромные открытые пространства, окна от пола до потолка с видом на море и скалы. Переступая порог, чувствуешь себя так, словно ступаешь на страницы журнала по дизайну интерьера (если верить Тому, несколько журналов умоляли разрешить опубликовать фотографии интерьеров и самого дома, но Диана отказалась, заявив, что это вульгарно). Тут мой взгляд привлекает Диана, хлопчущая в сверкающей белизной и мрамором кухне.

– Диана, – говорю я.

Она улыбается.

– Привет, Люси.

– Привет, мам, – говорит Олли, входя в дом следом за мной.

Он опускает на пол сумки и подходит поцеловать ее в щеку. Кроме Тома, Олли – один из немногих, кто всегда рад видеть Диану. Взаимно ли это, трудно сказать. Она всегда кажется застенчивой, почти смущенной вниманием.

– Привет, дорогой, – бормочет она.

Широким шагом входит Том, держа Арчи как трофей.

– Ди! – кричит он. – Иди посмотри на нашего великолепного внука.

За этим следует суматоха: появляется Патрик, просит парацетамол для Нетти, у которой болит голова; Арчи замечает на кухонном столе миску с орехами и переворачивает их, рассыпая по полу; а Том пытается выяснить, какой пульт (их шесть) открывает дверь гаража. Тем временем Олли снова берет сумки и идет в нашу обычную комнату.

– Олли, подожди! – окликает Диана.

Олли застывает на полушаге.

– Я приготовила комнаты для тебя, Люси и Арчи внизу, – говорит она уже не так уверенно.

Словно по волшебству все замирают, и воцаряется тишина. Даже Арчи поднимает глаза от рассыпанных орехов, чувствуя, что что-то не так.

– Я... я подумала, что вы предпочтете иметь собственные апартаменты, – говорит она.

Это хорошая мысль и практичное решение. Помещение внизу просто огромное, и у нас будет отдельная спальня для Арчи. Если он заплачет ночью, это никого не потревожит. Если понадобится, я могу всю ночь ходить с ним по коридорам.

Так почему же это так похоже на пощечину?

Гринены прибывают вечером, пока мы купаем Арчи. Вообще-то его купает Нетти, а я сижу на туалетном столике с бокалом розового вина. В коридоре Олли и Патрик сидят на полу спиной к стене и пьют коктейли, которые приготовил Патрик. К своему удивлению, я обнаруживаю, что мне не так уж плохо, я даже начинаю развлекаться.

Нетти оказалась просто даром божьим. Когда она услышала, что нас сослали на нижний этаж (да, следует признать, «сослали» – малость резкое выражение, наши комнаты гораздо больше и просторнее, чем большинство гостиничных апартаментов), то тут же сказала Диане, что они тоже отнесут свои вещи вниз. («Превратим это в вечеринку», – сказала она, подмигнув Арчи.) Патрик и Нетти прекрасно ладят с Арчи. Весь день они по очереди играли с ним, гуляли по саду или плавали в бассейне, пока мы с Олли обедали и распаковывали вещи. На самом деле мне даже подержать его за весь день не довелось.

– Во сколько он ложится спать? – спрашивает Нетти.

– В семь, – отвечаю я.

– И что теперь?

– Как только он переоденется в пижаму, то немного поиграет. Потом я прочитаю ему сказку, дам попить смесь и уложу в постель.

– Он проснется ночью, чтобы поесть?

Нетти хочет знать каждую мелочь. Это смешно, а еще излишне, ведь я почти не видела людей, которым так легко давалось бы общение с детьми. У меня почему-то сложилось впечатление, что они с Патриком выжидают, прежде чем самим завести детей, возможно, пока карьера Нетти не возьмет надежный старт, но теперь я задаюсь вопросом, так ли это. Я вспоминаю зеленый цвет лица Нетти и думаю, не было ли это чем-то большим, чем последствием укачивания. Может, она беременна?

– Гринены приехали, – объявляет Диана с верхней площадки лестницы, пока Нетти моет Арчи голову. – Дети, вы можете подняться?

– Мы купаем Арчи, – отвечает Нетти, улыбаясь моему сыну.

Он улыбается в ответ. Повисает пауза.

– Все разом? – многозначительно спрашивает Диана.

Я открываю рот, собираюсь сказать, что я закончу, а остальные пусть идут наверх. В конце концов, я лучше побуду здесь, чем стану сидеть там, наверху. Но Нетти, к моему удивлению, подает голос первой.

– Да, – кричит она. – Все разом.

Тишина тянется и тянется. Мне отчаянно хочется ее прервать, но Нетти смотрит на меня и качает головой. По этому крошечному жесту я понимаю,

что недооценила Нетти. Она лучший союзник, чем я думала.

– Я пойду, – говорит Олли, поднимаясь на ноги.

Патрик тоже встает, хотя, думаю, ему больше хочется выпить вина Тома, чем умиротворить Диану. Нетти остается на полу, ополаскивая волосы Арчи и что-то бормоча ему тихим, успокаивающим голосом.

К тому времени, когда мы с Нетти поднимаемся наверх, все уже сидят за столиком на улице, и еще с середины лестницы доносится приятный гул музыки и болтовни. Я наблюдаю за этой сценой через огромные стеклянные двери, впитываю увиденное: океан, насколько хватает глаз, мерцающие фонарики на деревьях, персиковое свечение заката, окрашивающее своими тонами всех и вся. Посуда и украшения на столе выдержаны в сочетании белого и неокрашенного льна, серебряные фонари, цветы и свечи... от красоты захватывает дух.

– Вот и они, – говорит, заметив нас, Том.

Все оборачиваются. Зубы Джеффри Гринена уже в красных пятнах от вина. Он подчеркнуто встает при нашем появлении, хотя мы и машем ему, чтобы он остался сидеть.

– Дамы! – говорит он, подходя с важным видом. Его белая рубашка расстегнута чуть больше, чем нужно, а серо-черные волосы поднимаются завитками почти к адамову яблоку. – Ну и ну, Люси, материнство тебе идет. Нетти, кажется, ты снова выросла?

Он подмигивает, и улыбка Нетти застывает.

Вечер еще только начался, а Джеффри ужаснее, чем я помнила.

Найдя розетку, я включаю радионяню. Я щелкаю выключателем, и загорается зеленый огонек, показывая, что она работает.

– Что это за шум? – восклицает Диана, и внутри у меня все сжимается. – Что за... потрескивание?

Да, признаю, аудиомонитор, мое устройство слежения за ребенком, видал и лучшие дни, он ведь подержанный, и нашла я его в благотворительном магазине. Работает он нормально, но, когда включен, выдает слабое статическое гудение. Я так к нему привыкла, что перестала замечать.

– Ну... Арчи ворочался, не хотел засыпать, поэтому я принесла с собой радионяню.

Диана выглядит озадаченной.

– Прибор всегда издает такие звуки?

Все замолкают и слушают, а я стою, чувствуя себя полной дурой. А в глубине души меня сверлит мысль: «Если бы ты не сослала нас в

подземелье, нам бы не понадобился этот чертов монитор».

– Надо же, сколько чудесных устройств теперь появилось! – говорит, касаясь руки Дианы, Амелия, жена Джеффри.

Амелия – миниатюрная и веснушчатая, в белом льняном платье и золотистых сандалиях. Она хорошенькая и в то же время некрасивая, с маленькими голубыми глазками, седыми волосами и склонностью касаться людей, что делает ее милой, – в противоположность мужу. Я ловлю себя на фантазии, каково было бы иметь в качестве свекрови Амелию. Даже с Джеффри в качестве тестя это, возможно, стоило бы того.

Возможно, стоило бы.

– Разве мы не мечтали о радионянках, когда у нас были маленькие дети, Диана? – продолжает Амелия.

Диана явно ни о чем подобном не мечтала. Она из тех строгих матерей и бабушек, которые считают грудное вскармливание, устройства для убаюкивания и ремни безопасности вещей чепухой, потому что у их детей такого не было и хуже им от этого не стало. По крайней мере, я думаю, что она такая мать, но я не знаю, потому что она редко дает мне какие-либо советы или высказывает свое мнение. Я бы должна радоваться, но вместо этого у меня лишь ощущение, что я делаю что-то не так и притом понятия не имею, как исправиться.

– Просто убедись, что звук приглушен, – наконец под чужим давлением говорит Диана и начинает раздавать тарелки.

– Иди сядь рядом со мной, – говорит мне Джеффри. Нетти уже заняла другой пустой стул, так что у меня нет выбора. – Скажи, как тебе нравится материнство?

– Гораздо больше с тех пор, как первые месяцы позади.

– Да уж. – Он кивает, как будто в точности знает, как даются первые месяцы, а потом многозначительно смотрит на Олли: – Сплошь сиськи да дерьмо в первые месяцы, верно, Олли?

Лицо Олли остается старательно бесстрастным, и Джеффри раздражается смехом, более подходящим пятилетнему ребенку.

– Но дамочки-то рады-радехоньки, верно, дамы? Это нормально. Мать просто хочет быть со своим ребенком. Так и должно быть.

Арчи издает короткий всхлип. Диана встает и идет на кухню. А мы накладываем себе курицу и разнообразные интересные салаты: кускус, капуста и миндаль. Я решаю, что их, вероятно, привезла Амелия, так как Диана не подает интересных салатов.

– Ну а ты, Нетти? – спрашивает с набитым ртом Джеффри. – Когда вы с Патриком собираетесь совершить прыжок? Ты же не хочешь, чтобы все

твои яйцеклетки усохли? Карьера – это хорошо, но работа никогда не полюбит тебя в ответ, ты же знаешь!

Амелия по другую сторону от Джеффри кладет руку на локоть мужа.

– Хватит, Джеффри.

Но Джеффри неостановим.

– Что? Все в наши дни удивляются, откуда у нас кризис рождаемости. Тебе, Нетти, сколько? Тридцать пять? Родись ты в Африке, уже была бы бабушкой. Вы, девочки, слишком поздно уходите с беговой дорожки, вот в чем дело. Вам надо вскочить в это седло, так сказать. Я прав?

Он смотрит на Тома, потом на Олли в поисках поддержки. Оба старательно отводят глаза.

Я воображаю, как заталкиваю куриную грудку прямо в глотку Джеффри.

Нетти смотрит перед собой на стол. Джеффри снова открывает рот, и я собираюсь что-то сказать... что угодно, но тут встает Патрик.

– Довольно.

Голос у него холодный, спокойный. Я никогда раньше не видела Патрика таким, не видела в нем защитника. Он такой высокий, что практически нависает над нами и выглядит довольно зловеще. Как ни странно, я чувствую именно это... что на меня произвели впечатление.

Джеффри, к счастью, подрастерял уверенность.

– Ладно, ладно, незачем расстраиваться. Я просто говорю...

– Довольно.

Нетти касается руки Патрика, а Том тем временем ловко подхватывает разговор, сводя его на футбол. Они с Джеффри безумные фанаты клуба «Хоторн Хокс», так что это, вероятно, удачный ход. Патрик еще несколько мгновений смотрит на Джеффри, прежде чем опуститься на свой стул.

– Ну, – говорит Амелия некоторое время спустя, когда напряжение, кажется, спадает. – С Арчи ведь нет больших проблем, правда? Он спит всю ночь, Люси?

– Не совсем. В первой половине ночи ему обычно не по себе, но после полуночи ему удается хорошо отдохнуть. На самом деле просто чудо, что до сих пор мы его не слышали. – Я бросаю взгляд на радионяню. – О... ох.

Я подхожу к монитору. Питание отключено. Я смотрю на Диану:

– Ты его выключила?

В моем голосе нет обвинений, потому что я в это не верю. Какая бабушка выключит радионяню? Но по тому, как она стискивает зубы, я начинаю сомневаться. А вдруг это так?

– Я его приглушила, – говорит она.

– До конца? – Я кручу диск, увеличивая громкость, пока сам воздух не начинает сотрясаться от истерических рыданий Арчи. Я могу сказать, что он уже какое-то время плачет.

– Мама! – восклицает Олли. – Скажи, что ты не...

Но конца фразы я не слышу, потому что бегу вниз к моему ребенку.

У меня уходит двадцать минут на то, чтобы успокоить Арчи. Когда он наконец перестанет плакать, то соглашается спать только у меня на руках. Я поглаживаю и успокаиваю его, яростно шепча Олли в темноте:

– Завтра мы уезжаем. На рассвете.

Олли смотрит на меня во все глаза. Я знаю, о чем он думает. Для него ничего страшного не стряслось. Завтра будет немного неловко, но потом все вернется на круги своя. В конце концов, с Арчи ничего не случилось. Незачем прерывать отпуск.

И, разумеется, он говорит:

– Давай не будем делать из мухи слона, Люси.

– Речь не о мухах или слонах. Диана не уважает меня как мать, поэтому я не могу здесь оставаться. Как она посмела выключить мою радионяню? Как она посмела?!

Олли беспомощно пожимает плечами:

– Может быть, она решила, что так будет правильно? Может, она хотела дать тебе передышку?

– Она не имела права. Никакого права.

– Но...

– Если хочешь остаться, Олли, валяй. Но я завтра уезжаю, и Арчи тоже.

Мы еще несколько минут пререкаемся, прежде чем Олли соглашается – в основном от усталости. Почти сразу после этого он забирается под одеяло, его дыхание становится ровным и ритмичным. Я бодрствую еще несколько минут, поглаживая и укачивая Арчи, который глубоко спит. Только я укладываю его в раскладную детскую кроватку, как слышу тихий всхлип, приглушенное рыдание. Но исходит оно не от Арчи.

Оно доносится откуда-то поблизости. Из комнаты по ту сторону коридора.

Из комнаты Нетти.

**ЛЮСИ
НАСТОЯЩЕЕ...**

Что-то не дает мне покоя.

Я лежу на диване, закинув ноги на колени Олли. Дети уже спят, а я потягиваю пино-нуар. Олли прихлебывает из своего бокала – обычно это мое любимое время суток. Но сегодня что-то не дает мне покоя. И у меня такое чувство, что я знаю, что именно.

Чувство вины.

Мобильник Олли начинает вибрировать, и мы оба вскакиваем, как будто ожидали этого.

– Кто там? – спрашиваю я.

– Не узнаю номер... – задумчиво тянет он.

– Почему не берешь трубку? Возможно, это из похоронного бюро или... Ну, не знаю... А вдруг это полиция?

Он качает головой.

– Сейчас узнаем, – говорит он, прижимая трубку к уху. – Оливер Гудвин слушает.

Он хмурится, поднимает голову. Затем он встречается со мной взглядом.

– Это Джонс, – произносит он через пару секунд одними губами.

– Включи громкую связь, – так же беззвучно говорю я, и он включает.

Холодный, деловитый голос Джонс наполняет комнату.

– Мы получили отчет о вскрытии вашей матери. Мы хотели бы поговорить об этом в участке.

– В участке? – Олли моргает. – Вы не можете сказать по телефону?

– Будет проще, если вы приедете сюда. Ваша сестра и ее муж уже едут.

Олли смотрит на меня. Я недоуменно пожимаю плечами.

– Ну... то есть... если так нужно... Я сейчас же приеду.

– На самом деле мы были бы очень признательны, если бы вы приехали с Люси. Мы бы хотели побеседовать с вами обоими.

– С нами обоими?

– Да.

– Сейчас половина девятого вечера. Дети уже в постели.

– Тогда вам нужно найти няню, – говорит Джонс. – Потому что это

важно. Мы хотели бы видеть вас обоих сегодня вечером.

ИАНА
ПРОШЛОЕ...

– Слышали новости? – спрашивает Том, его лицо сияет от радости.

Я удивленно оглядываюсь. Вся семья собралась в «хорошей комнате»: Том, Нетти, Патрик, Олли, Люси, даже Арчи. Хотя за последний год я видела каждого в отдельности, вместе мы не собирались почти год, с самого фиаско с радионяней в Сорренто, когда Люси, Олли и Арчи поспешно вернулись в Мельбурн на следующий же день после приезда (ужасная гиперреакция, на мой взгляд, даже если яхватила лишку с монитором). В любом случае я рада снова видеть всех вместе.

– В чем дело? – спрашиваю я, украдкой поглядывая на Нетти.

Ничего не могу с собой поделать. Люси на восьмом месяце беременности. Теперь очередь Нетти. Но она только пожимает плечами, как бы говоря: «Не смотри на меня».

– Олли собирается открыть собственное дело! – Том едва сдерживает радость. – Агентство по подбору персонала!

– О!

В моем голосе слышится удивление. Олли никогда не проявлял никакого интереса к открытию собственного бизнеса, на самом деле он всегда сопротивлялся этой идее. Я его мать, но не видела в нем ни тени честолюбия, несмотря на отчаянное желание Тома увидеть, как его сын сделает себе имя. Я думала, он счастлив, работая на кого-то другого, в обстановке меньшего стресса, даже если это означало меньше денег.

– Ну... поздравляю, милый.

– Ты папу должна поздравлять, – откликается Олли, но выглядит порозовевшим и довольным собой. – Он уже много лет меня понукает. И я не собираюсь делать это один. У меня есть деловой партнер.

– И кто он? – спрашиваю я.

– Эймон.

По моей спине ползут мурашки ужаса.

– Эймон Кокрэм?

– Да.

Я пытаюсь выдавить улыбку, но получается похоже на гримасу. Эймон Кокрэм. Мне никогда не нравился этот льстивый пронира. Он из тех

невыносимых типов, которые считают, что очаровывают матерей, говоря, что годы были добры к нам (к сожалению, годы не были так добры к нему, – в последний раз, когда я его видела, он оказался толстым и совершенно лысым). Недавно до меня дошли слухи, что его жена Джулия ушла от него, и не могу сказать, что ее стоит винить.

Том улыбается от уха до уха.

– Мы должны пригласить Фрэнка и Лидию выпить, не так ли, Ди?

Я издаю неопределенный звук. Фрэнк и Лидия – родители Эймона, и я сделаю все возможное, чтобы избежать этого визита. Тем не менее нет смысла говорить об этом Тому, который парит в гостиной на волнах близости своей семьи и делового предприятия его сына.

А вот Нетти выглядит на редкость несчастной. Она немного прибавила в весе, и ее лицо блестит от пота. Когда она поднимает руки, чтобы стянуть через голову свитер, ее рубашка задирается, и, хотя она сказала, что не беременна, я с надеждой высматриваю животик. Ни следа. Вместо этого слева от ее пупка я вижу поблекший овальный синяк. Она комкает свитер и кладет его на колени.

– Так расскажи мне об этой рекрутинговой фирме, – обращается она к Олли. – Вы будете специализироваться в определенной отрасли?

– Для начала мы сосредоточимся на айти, потому что сами оттуда.

– Ну... ты-то оттуда. А что насчет Эймона?

Если судить по тону Нетти, она разделяет мое мнение об Эймоне. Я чувствую прилив солидарности с дочерью.

– Эймон много чем занимался, – признает Олли.

– Хоть какое-то отношение к рекрутингу это имеет?

Олли поднимает бровь:

– При всем моем уважении, Нетти, неужели ты думаешь, что я стал бы вести с ним дела, если бы не считал, что он не может внести никакого вклада?

– Я думаю, Эймон и песок в пустыне способен продать, – говорит Нетти.

Нетти права. В то же время Олли не глуп и не безответственен. Он не рискнул бы войти в дело с Эймоном, если бы не продумал все до конца. По крайней мере, я на это надеюсь.

– Время для сигары, сынок? – предлагает Том. – Ты как, Патрик?

Патрик, конечно, заинтересован. Они втроем удаляются в «берлогу». Том на ходу обнимает обоих. Я знаю, что он хочет для своей семьи самого лучшего, но в этом он способен проявлять упорную однобокость.

Я смотрю на Люси, тихонько сидящую на другом конце дивана. Я

забыла, что она здесь. Она на большом сроке беременности. Должно быть, это ее беспокоит. Начало нового бизнеса – это тревожное и полное стресса время для всех. Я в который раз спрашиваю себя, почему она сама не вернулась к работе? Даже работа на неполный день, даже несколько часов в неделю дали бы им дополнительную стабильность при открытии нового бизнеса.

– А что ты думаешь об открытии нового бизнеса, Люси? – спрашиваю я.

– Это просто чудесно. Олли очень взволнован.

Она улыбается как любящая жена, но я вижу в ее глазах беспокойство. И хотя я знаю, что должна быть ей благодарна, что она поддерживает моего сына, мне больше всего на свете хочется схватить ее за плечи и хорошенько встряхнуть.

На следующее утро я встаю рано. Признаюсь, у меня странные отношения с беженками, с которыми я работаю. Как правило, это очень напряженные, тесные отношения в преддверии рождения ребенка, которые понемногу выдыхаются и сходят на нет, когда детям исполняется несколько месяцев. По мере возможности я поддерживаю связь с девушками: время от времени звоню или посылаю рождественские открытки, но я быстро переключаюсь на новых беременных, а прежние слишком поглощены собственной жизнью. Тем не менее я всегда рада, когда появляется причина снова что-то о них услышать. Например, когда Гезала сообщила, что у нее будет еще один ребенок.

Я сворачиваю на подъездную дорожку к ее дому – уже другому, всего в нескольких кварталах от прежнего, но такому же запущенному. Лужайка заросла, ворота висят на одной петле. Я знаю, что Гезала по ночам убирает в супермаркете, чтобы свести концы с концами, но, насколько мне известно, Хакем не работал с тех пор, как они приехали в страну два с половиной года назад. Когда я подъезжаю, он сидит на веранде в линялом шезлонге и курит сигарету.

– Привет, Хакем, – говорю я, захлопывая дверцу машины.

Он постарел с тех пор, как мы виделись в последний раз. Он все еще молод, на вид ему едва за тридцать, но его черные волосы подернуты сединой, и у него появился животик. Его веки полуопущены, как будто он пьян или наполовину дремлет. Обойдя машину, я достаю из багажника корзину с вещами для беременных, которые привезла для Гезалы.

– Как поживаете?

Он не отвечает. Я вхожу в шаткие ворота.

– Все в порядке?

– Хорошо, – бормочет он. На нем фланелевая рубашка, грязные бежевые брюки и подтяжки. – Гезала с мальчиком внутри.

Я останавливаюсь, уперев корзину в бедро.

– Как продвигается поиск работы?

– Отлично. Отлично.

– На какое место вы подаете заявку?

Качая головой, он гасит сигарету.

– Так. То-се.

– Помощь нужна? У меня есть кое-какие связи, я могла бы...

Встав, он распахивает дверь из сетки.

– Гезала!

– Вы уже подали заявление на какую-нибудь работу, Хакем? Гезала довольно быстро нашла работу уборщицы. Наверняка вы тоже сможете что-нибудь найти.

Он поднимает голову:

– А на какую работу я, по-вашему, должен подать заявление? Водитель такси? Грузчик в супермаркете? – Он смеется, открывая рот, полный зубов цвета яичной скорлупы. – В Кабуле я был инженером. Я строил небоскребы для больших западных корпораций. Это одна из причин, почему нас оттуда выгнали. Теперь, когда я здесь, никто не позволит мне построить для него собачью конуру.

– Значит, вы довольны, что ваша беременная жена убирает в супермаркетах, но не готовы делать то же самое?

Он тычет пальцем в мой «Лендрровер»:

– Вы приезжаете ко мне вот на такой машине, а потом спрашиваете, чем я готов заниматься?

– Я езжу на такой машине, потому что в другую не влезет сдвоенная коляска, которую я везу беременной женщине в Данденонг, Хакем.

– Скажите мне вот что, – продолжает он, тыча в меня пальцем. – А вы бы что готовы были сделать?

– Для своей семьи я готова сделать все что угодно. Меня это, возможно, не порадует. Это может быть несправедливо. Но ведь и жизнь несправедлива, не так ли?

Он качает головой и фыркает. Мгновение спустя он снова тычет пальцем куда-то мне за плечо.

– Видите тот дом? – говорит он, указывая на обшарпанный трехэтажный многоквартирник через дорогу. – Парень, который там живет, был хирургом, делал операции на легких. Он жил в доме с пятью

спальнями! Сейчас он живет в однокомнатной квартире с женой и тремя детьми. – Он делает шаг ко мне, и я чувствую его дыхание, запах сигарет и специй. Неясно, делает ли он это, чтобы запугать меня или чтобы отстоять свою точку зрения. – Вы когда-нибудь задумывались, каково это – сначала иметь все, а потом вдруг совсем ничего?

Я-то задумывалась. Более того, я это пережила. Но тут мне приходит в голову, что я уже давно об этом не думала, не думала по-настоящему.

– Что происходит?

Дверь со скрипом открывается, и я вижу Гезалу, к нее ногам жметесь маленький мальчик. Хакем отстраняется от меня, и я чувствую приятное дуновение свежего воздуха на лице.

– Хакем?

– Араш, – говорит Хакем, поглаживая мальчика по голове. – Пойдем. Пусть мама поговорит со своей подругой.

Гезала смотрит, как они выходят на улицу, потом поворачивается ко мне. С улыбкой я поднимаю повыше корзину.

– Я привезла тебе одежду для беременных. И немного информации о службе акушерок на случай, если ты решишь опять рожать дома, но на сей раз с толикой медицинской помощи. Поговорим внутри?

Гезала кивает, и я придерживаю дверь, пока она возвращается в дом.

Прежде чем войти, я оглядываюсь через плечо на Хакема. Я поняла, что ошибалась, когда думала, что он зол. Он не просто зол, он полон горечи. Это меня беспокоит. Потому что, предоставленные самим себе, озлобленные люди способны на дурные поступки.

ЛЮСИ
ПРОШЛОЕ...

– Ты не рада, что я затеваю совместный бизнес с Эймоном, да?

Олли в данный момент – всего лишь бестелесный голос, поскольку он вынимает белье из стиральной машины в соседней комнате и бросает его в сушилку. Сколько бы ни было у Дианы странностей и фобий, я никогда не буду обижаться на нее за то, что она заставила моего мужа научиться стирать. Я опускаю свое беременное тело на диван и, после безуспешных попыток снять ботинки, поднимаю ноги и позволяю им стукнуться о журнальный столик.

– Почему ты так говоришь?

Мы только что вернулись с ужина в «Пабе Сандринхэм». Это истинный рай для родителей – там есть игровая комната, и можно пить пиво и есть курицу под пармезаном в относительном покое, пока дети бесятся за стеклом. Обычно мне нравится паб благодаря тому, что он дает: смена обстановки, возможность выпить вина и поболтать с Олли, не будучи окруженной детьми, но сегодня я слишком измучена беременностью, чтобы наслаждаться чем-либо. Вечер спасло то, что по дороге домой Арчи заснул и не проснулся, пока Олли нес его в постель.

– Потому что, – говорит Олли, появляясь передо мной, – ты молчишь с тех пор, как я заговорил об этом.

Проблема, конечно, в том, что в отличие от моей матери, которая была счастлива молчаливо поддерживать отца во всем, что он делал, мне трудно держать свое мнение при себе. Или, может быть, папа просто не принимал решений настолько глупых, как войти в дело с Эймоном Кокрэмом.

– Я знаю, что тебе не нравится Эймон. – Олли присаживается на журнальный столик. – И я знаю, что в прошлом шутил над его деловым чутьем. Очевидно, я никогда не соглашусь на одно из его нелепых предприятий. Помнишь его коктейли?! Ну же! – Он смеется. – Но в рекрутинге я разбираюсь. Это неплохая бизнес-идея, Люси. На самом деле я думаю, что Эймон и я хорошо подходим для этого предприятия. У меня есть опыт, и у Эймона есть... умение навязывать.

С этим не поспоришь. Единственное, в чем Эймон хорош, так это в умении навязывать. И хотя ни один уважающий себя рекрутер никогда бы

не назвал себя таковым, мы, по сути, жулики. Или, по меньшей мере, продавцы. Кандидаты – это продукт, клиент – потребитель. Олли всегда был до крайности предан кандидатам, а Эймон, с другой стороны, чрезмерно привержен клиентам. Может быть, Олли прав? Может быть, они идеально друг другу подходят?

Олли кладет мои ноги к себе на колени и начинает расстегивать пряжку моего левого ботинка.

– Послушай, мне следовало поговорить с тобой об этом раньше. Мне жаль, что я этого не сделал. Но если ты действительно не хочешь, чтобы я это делал, я не буду.

Он снимает туфлю с моей ноги и бросает ее на ковер. Я ему верю. Я верю, что, если я скажу ему, что чего-то не хочу, он этого не сделает. В то же время я думаю, что это не совпадение, что Олли сначала объявил о новом партнерстве семье, а только потом задал такой вопрос мне.

Может, он не такой уж плохой делец?

«Папина работа – содержать нас, наша работа – его поддерживать».

– Конечно, ты должен это сделать, – говорю я со вздохом. – Может, он мне и не нравится, но Эймон не преступник! Кроме того, что плохого может случиться в рекрутинге?

ЛЮСИ

НАСТОЯЩЕЕ...

– Все в порядке? – спрашиваю я.

Мы с Олли сидим в приемной полицейского участка, держа в руках белые пластиковые стаканчики с водой. С Арчи остался папа, хотя бедняга был вне себя от беспокойства, когда я объяснила ему, что мы должны встретиться с детективами из отдела убийств. Но папа – наименьшая из моих забот, и, судя по всему, наименьшая из забот Олли. Его глаза бегают по сторонам, а нога нервно подергивается. Я разрываюсь между чувством страха и ощущением, что я нахожусь в телевизоре, в фильме «Шоу Трумана», например, и скоро кто-то с планшетом крикнет «Стоп!».

– Люси и Оливер Гудвин?

Не Ахмед или Джонс, а незнакомая женщина стоит у раздвижной двери и оглядывается по сторонам. Мы с Олли отставляем воду и одновременно поднимаемся.

– Сюда, – командует она.

Женщина улыбается – скорее вежливо, чем дружелюбно. Она молода, но лицо у нее суровое, как будто она многое повидала.

Мы поднимаемся на лифте на третий этаж, затем выходим в узкий коридор с дверями слева, достаточно узкий, чтобы приходилось идти гуськом. Когда мы проходим комнату за комнатой, я не могу не думать о людях, которые прошли этот путь до нас. Виновные и невинные, надо полагать. В одной из комнат я замечаю Патрика и на мгновение удивляюсь, но потом вспоминаю... Джонс упомянула по телефону, что их с Нетти тоже вызвали.

На полпути по коридору женщина останавливается.

– Мистер Гудвин, вам сюда.

Олли хмурится:

– Мы с Люси не вместе?

– Это стандартная процедура.

– Что за стандартная процедура? – Голос Олли звучит по-другому, резче, чем обычно. – Мы ведь не арестованы? Мы здесь, чтобы получить результаты вскрытия тела моей матери.

Женщина остается бесстрастной. Она снова улыбается.

– Просто у нас так принято.

Олли смотрит на меня, и я пожимаю плечами, как будто это пустяк. Я знаю такой тип женщин. Она из тех, кто никогда не отступает от стандартной практики. Из таких получаются отличные коллекторы, потому что они будут гнуть свое даже перед лицом ужасных смягчающих обстоятельств. («Мне жаль, что ваша жена только что умерла и ваш дом был изъят, сэр... Вы должны восемьсот пятьдесят восемь долларов, мы принимаем чеки».) Поэтому я сразу же признаю, что любое сопротивление будет бесполезным.

– Мы можем пойти отдельно, – говорю я. – Все в порядке, правда, Олли?

– Что в порядке?

Я оборачиваюсь. По узкому коридору к нам неторопливо идут детективы Джонс и Ахмед. Говорит, как обычно, Джонс. В руке у нее ярко-зеленая пластиковая кружка с надписью «Не сдавайся», и она делает глоток.

– Я как раз объясняла, что им положено разойтись в разные комнаты, – отвечает наша провожатая.

– Да, извините, я должна была об этом упомянуть, – говорит Джонс, хотя в ее голосе нет ни тени сожаления. – Это стандартная практика. Какие-то проблемы?

Она бросает взгляд на Ахмеда. Он сегодня в костюме, при галстукке и прочем. Костюм хорошо на нем смотрится. Что-то слабо уловимое в языке тела между ним и Джонс наводит меня на мысль, что Джонс тоже это заметила.

– Нет, – отвечаю я, хотя теперь Джонс смотрит на Олли, лицо которого говорит об обратном. Интересно, что с ним? Обычно Олли спокойный и невозмутимый. Обычно это он меня успокаивает.

– Тогда ладно, – говорит Джонс. – Олли, вы со мной. Люси, вы с Ахмедом.

Поначалу я испытываю облегчение от того, что мне достался Ахмед. В этой паре он явно «добрый» полицейский, так сказать. Но я беспокоюсь, что Олли, учитывая его странное настроение, уйдет с Джонс. У него могут быть неприятности из-за того, чего он не совершал.

Ахмед ведет меня в комнату, где еще какой-то человек возится с видеокамерой. Ахмед снимает пиджак и вешает его на спинку стула.

– Извини за дурацкий костюм, – говорит Ахмед. – Сегодня утром был в суде.

Я улыбаюсь, хотя мысль о том, что Ахмед дает показания в суде,

заставляет меня нервничать. Несмотря на то что я, очевидно, здесь только для дружеской беседы, мне приходит в голову, что «дружеская» она только до тех пор, пока меня не признают в чем-то виновной. Затем видеозапись будет передана в суд. И тогда она будет использована в качестве доказательства.

– Итак... отчет о вскрытии? – начинаю я, но Ахмед перебивает меня, объясняя, что наш разговор будет записываться.

Затем мы переходим к моим данным: мое имя, адрес, степень моего родства с Дианой. Ахмед стоит в небрежной позе: один локоть на столе, тело наклонено в сторону, нога на ногу. При каждом моем ответе на очередной вопрос, он ободряюще кивает. Я замечаю, что глаза у него цвета кленового сиропа.

– Не могли бы вы сказать, где вы были между часом и пятью вечера в прошлый четверг? – говорит он.

Я смотрю в камеру.

– Гм... ну... я была дома со своей дочерью, которой два с половиной года, до трех сорока пополудни, когда вернулись двое других детей.

– Кто-нибудь может это подтвердить? Кроме вашей дочери?

Я задумываюсь.

– Олли вернулся с работы рано, около двух или половины третьего, а потом снова вышел, ему надо было забрать нашего сына Арчи. Так он может подтвердить часть времени.

– Почему он вернулся так рано?

– Он плохо себя чувствовал, – говорю я, хотя мне вдруг приходит в голову, что он не выглядел особенно больным. На самом деле я вспомнила, что подумала, что он был в хорошем настроении в тот день.

– Вы сказали, он забрал вашего сына? – говорит тем временем Ахмед. – И одна из ваших дочерей была дома с вами. Где была ваша вторая дочь?

– Харриет была на занятии по гимнастике после школы. Ее подбросила домой другая мама, Кэрри Мэтис. Около четырех часов дня я вышла и помахала ей с порога.

– И миссис Мэтис это подтвердит?

– Не сомневаюсь, – отвечаю я, хотя меня передергивает при мысли о том, что полиция свяжется с мамой из школы, чтобы проверить мое местонахождение.

– Хорошо. – Отложив ручку, Ахмед откидывается на спинку стула. Он медленно выдыхает. – Насколько я понимаю, между вами и вашей свекровью несколько лет назад произошел некий инцидент. Не хотите рассказать мне об этом?

– Инцидент? – переспрашиваю я. Я просто тяну время, так как очевидно, что он об этом знает. Я не собираюсь ничего отрицать.

– Нападение.

– О... – тяну я. – Это было не совсем нападение.

– Насколько я понимаю, вы ударили свекровь о стену? – Ахмед наблюдает за мной. – И какое-то время она была без сознания?

– Меня ни в чем не обвиняли, – говорю я.

Но, конечно, Ахмед уже знает об этом. Он прощупывает меня, пытается оценить мою реакцию.

– Как по-вашему, Люси, что случилось с вашей свекровью?

– Ну... очевидно... Я не знаю. Я думала, мы здесь для того, чтобы это выяснить.

– Так и есть. – Он смотрит на меня слишком пристально. – Но мне интересно ваше мнение.

– Ладно, я думаю, что она покончила с собой... – Мне хочется думать, что я придала моему тону достаточно убежденности. – То есть вы же нашли письмо.

– Мы нашли письмо. В ящике стола в ее кабинете. Странное место, чтобы оставлять предсмертную записку, вам не кажется?

– Я... да, я так думаю.

– Как по-вашему, это в характере миссис Гудвин? – продолжает он. – Покончить с собой?

– Упрямство было в ее характере, – говорю я. – Если она что-то решила, ее трудно было переубедить.

Ахмед смотрит на папку, лежащую перед ним на столе, достает из кармана очки в проволочной оправе и надевает их.

– Коронер сообщил о высоком уровне углекислого газа в крови покойной. – Ахмед смотрит на меня поверх очков.

– Я должна знать, что это значит?

– А еще у нее были налитые кровью глаза, синяки вокруг губ, десен и языка.

Вот это, надо признать, действительно звучит странно. Откуда могли взяться синяки?

Ахмед снова смотрит в бумаги.

– Эксперт также обнаружил волокна в руках вашей свекрови. Нитку, судя по всему. Золотую нитку. – Он перелистывает несколько страниц в папке, вытаскивает одну. – Все в доме вашей свекрови свидетельствует о том, что она гордилась своим домом. Все очень аккуратно. Все на своих местах. Полная гармония.

Внезапная смена темы сбивает меня с толку.

– При чем тут ее дом?

Ахмед поворачивает лист бумаги так, чтобы я могла его видеть. Это фотография. Я отшатываюсь, ожидая увидеть тело Дианы. Но это всего лишь фотография дома Дианы, «хорошей комнаты».

– Что-нибудь не так на этой фотографии? – спрашивает Ахмед.

Я бросаю на нее беглый взгляд.

– Нет, ничего.

– Вы уверены?

Я приглядываюсь. У книжного шкафа журнальный столик, глубокий кремовый диван с кремовыми подушками из той же ткани... с золотой нитью.

– Похоже, у нее должна быть пара подушек с золотой нитью, вам не кажется? – спрашивает Ахмед.

Я чувствую обвинение в его взгляде и на мгновение задаюсь вопросом, действительно ли он «добрый» полицейский.

– Но мы искали, очень дотошно искали, но нашли только одну.

Я снова смотрю на фотографию. Он прав, там определенно было две подушки. Я помню, что видела их недавно. Я была у Дианы с детьми, и Харриет ковыряла одну, пытаясь вытащить нитку, чтобы привязать ее к волосам и получились длинные золотистые волосы, как у Рапунцель. Мне пришлось выхватить у нее подушку и положить обратно. Диана тут же уложила подушку как следует. Ахмед был прав, Диана гордилась домом.

– Ну... я не знаю. Может, она что-то пролила на одну из них? – решаюсь я. – И сдала ее в химчистку?

– Мы этим занимаемся. Мы много чего изучаем.

– О'кей. Но... погодите. Я думала, вы сказали, что нашли в доме Дианы какие-то вспомогательные средства, связанные с самоубийством.

– Так и есть. – Ахмед пристально смотрит на меня блестящими, цвета кленового сиропа глазами. – Возле тела вашей свекрови был найден пустой пузырек из-под «Латубена». «Латубен» – популярный препарат, который люди принимают, чтобы вызвать быструю и безболезненную смерть. Обычно принимают два пузырька «Латубена», если пытаются покончить с собой, но даже один может оказаться смертельной дозой для человека такого роста и телосложения, как у Дианы.

– Значит... – Я прочищаю горло. – Возле ее тела был найден только один пузырек?

– Только один, – кивает Ахмед. – И, так или иначе, в ее крови следов препарата не обнаружено. Поэтому мы рассматриваем альтернативные

причины смерти.

– Альтернативные причины смерти?

– Да. В свете всего, что я вам рассказал, я хотел бы повторить вопрос, который уже задавал. – Он наблюдает за мной поверх очков. – Как по-вашему, что случилось с вашей свекровью?

Я открываю рот и повторяю ответ, который дала Ахмеду в первый раз, мол, я думаю, что Диана покончила с собой. Но на этот раз это не звучит так убедительно.

Олли выходит из своей комнаты одновременно со мной, и Джонс с Ахмедом ведут нас обратно по коридору. Комната, в которой был Патрик, теперь пуста, и если Нетти была здесь, она тоже ушла. Проводив нас до лифта, Ахмед и Джонс благодарят нас за то, что мы пришли, и снова дают нам свои визитные карточки. Затем Джонс дважды повторяет, что свяжется с нами. Возможно, она просто потеряла нить разговора, но, с другой стороны, полицейские телепередачи, которые я смотрю, наводят на мысль, что копы ничего не делают случайно.

– Все прошло отлично, – говорит Олли, когда дверь лифта закрывается и кабина уходит вниз. Но его лицо говорит об обратном. Лицо у него пошло пятнами, которые появляются, когда он чем-то болеет. Двери лифта открываются.

– С тобой все в порядке? – спрашиваю я.

Мы выходим в фойе.

– Ахмед рассказал тебе о вскрытии? – шепчет он на ходу. – Про синяки на губах?

Мы пересекаем фойе, проходим через автоматические двери на парковку.

– Да. И про пропавшую подушку. И это не единственное, что кажется неправильным.

Олли останавливается.

– Что еще не так?

– Рак. Почему нет никаких признаков рака?

Олли открывает рот, но я успеваю первой:

– И письмо, почему оно было в ящике стола? Разве она не оставила бы его где-нибудь на виду, чтобы его легко было найти?

Судя по выражению лица, Олли озадачен не меньше моего.

– Хотел бы я знать, – медленно говорит он наконец. – Она была моей матерью, но, как оказалось... Я совсем ее не знал.

21

ДИАНА ПРОШЛОЕ...

Я поворачиваюсь в постели и смотрю на красные цифры, мигающие в темноте.

– Ребенок вот-вот родится, – слышу я голос Олли, когда беру трубку. – У Люси схватки с интервалом в десять минут. Можешь сейчас приехать?

Я встаю с постели и варю крепкий кофе. Я не доверяю себе на дорогах, пока не выпью утренний кофе, глаза у меня уже не те, что прежде. Я быстро принимаю душ и одеваюсь, перепроверяя вещи в сумке, которую заранее собрала. Схватки могут продолжаться долго, поэтому кто знает, сколько времени я пробуду в доме Олли и Люси. Я уложила салфетки, зубную щетку, роман. Я даже прихватила для Арчи завернутый в подарочную бумагу Паровозик Томас. Я собираюсь подарить поезд Арчи от имени новорожденного, потому что, по-видимому, так все сейчас поступают, по крайней мере так говорит Джен, а Джен, похоже, разбирается в таких вещах. Убедившись, что у меня есть все необходимое, я сажусь в машину и за двадцать минут добираюсь до их дома, прибыв без пяти шесть утра.

Олли стоит на пороге, а Люси, согнувшись над забором, переживает схватку.

– Где ты была?! – восклицает Олли.

Признаюсь, я злюсь. Не дай бог я задержусь дольше, чем они рассчитывают. Никто не спрашивает, где Том. Он проснется где-то около восьми утра, сыграет в гольф на восемнадцать лунок, а когда малышу исполнится несколько минут, зайвится в больницу с экстравагантным подарком и обещаниями трастового фонда и станет всеобщим героем.

– Вон такси, – говорит Люси, совершенно меня игнорируя.

У нее роды, и я знаю, что разумно простить ее за невнимание. И все равно мне кажется, что «спасибо» не помешало бы. Или хотя бы «привет».

Такое чувство, что вчера я была в ее положении, согнувшись от боли, ожидая, когда родится мой ребенок. Но в моем случае никто не спешил на помощь, не было мужа, чтобы вызвать такси в больницу. Меня бросили на ступеньках больницы с сумкой в руке. И после этого я осталась одна. Я знаю, что должна видеть сходство между мной и Люси. Мы – обе матери,

мы обе питаем любовь к моему сыну. Мы обе остались без матери, хотя моя мать по собственному выбору отошла в сторону, а ее мать у нее забрали. Все это я знаю. Но почему-то, несмотря на наше сходство, когда я смотрю на нее, то вижу только наши различия.

Когда в тот же день к Олли и Люси приезжает Том, я сообщаю ему, что у него теперь есть внучка.

– Внучка? – Глаза у него, разумеется, тут же затуманиваются. – Похоже, история повторяется, правда? Сын, потом дочь?

– Хотя наша история немного отличается, – возражаю я.

– Немного, – соглашается он.

Я смеюсь, заметив блестящую каплю жидкости у него в углу рта.

– У тебя слюни текут. – Я вытираю его большим пальцем, как иногда делаю с Арчи. – Олли хочет, чтобы мы познакомили Арчи с его сестрой.

Глаза Тома обшаривают гостиную.

– Где Арчи?

– Спит. Он только задремал, поэтому дам ему еще час или около того.

Положив себе на колени ногу Тома, я начинаю массировать ему икру. Он закрывает глаза и благодарно стонет.

– Том, вот скажи... Вам в данный момент на стройке не нужны случаи инженеры?

Он хмурится, но не открывает глаз.

– Инженеры?

– Возможно, я кое-кого знаю, вот и все.

– Инженера?

– Да. Весьма квалифицированного. Раньше в Кабуле строил небоскребы. – Надавливая, я провожу большими пальцами от подколенной ямки до ахиллесовой пяты.

– У меня такое чувство, что ты пытаешься воздействовать на меня массажем ноги, Диана.

Том улыбается, и я чувствую знакомый прилив радости от того, что Том Гудвин меня любит. Это, без сомнения, величайшее благословение в моей жизни.

– Если ты можешь за него поручиться, – говорит он, – считай, что он нанят.

ЛЮСИ ПРОШЛОЕ...

Говорят, молния не ударяет в одно место дважды. Ну на самом деле был некий Рой Салливан, в которого семь раз за его жизнь попала молния. Семь! Что, интересно, думал Рой каждый раз, когда слышал, как кто-то говорит, мол, молния не ударяет дважды? Конечно, я понимаю, что суть поговорки в том, чтобы сказать, что катастрофы случаются редко. Но старине Рою от нее, наверное, делалось только хуже. Рой пережил все семь ударов, что более вдохновляет, если хотите знать мое мнение. Его нашли мертвым в его собственной постели в возрасте семидесяти одного года после того, как он выстрелил себе в голову, – и рискну сказать, за это в ответе в том числе и все те, кто твердил ему про молнию и «не ударяет дважды». Дело в том, что иногда молния ударяет дважды. Так случилось с Роем, и так вышло со мной.

Потому что у меня второй ребенок с коликами.

Я сижу в кресле, прижимая сосок ко рту кричащего младенца, только на сей раз у меня под ногами путается второй малыш. Мое кресло стоит в гостиной, которая теперь стала игровой комнатой, комнатой с телевизором и спальней Харриет. По телевизору показывают эпизод «Игры престолов», и я смотрю его вполглаза. Я смотрела эту серию уже три раза и все еще не совсем понимаю, что происходит. Слишком много персонажей в этом чертовом сериале. Но в нем есть Джон Сноу, что стоит усилий.

– Просто поешь! – то ли шепчу, то ли шиплю я Харриет.

Я благодарю судьбу за то, что хотя бы Арчи меня пока не донимает. Диана теперь приходит по вторникам и берет его на полтора часа в парк. За это я от всего сердца благодарна. Арчи обожает Диану – по многим причинам, и не в последнюю очередь потому, что она позволяет ему объедаться мармеладом и зефиром, а потом буянить. И меня это устраивает, потому что, имея на руках новорожденную с коликами, я готова согласиться даже на предложение гангстера-убийцы забрать ребенка.

Харриет – та еще заноза, это уже в ее три месяца очевидно. Она не хочет идти на руки ни к кому, кроме меня, даже к Олли, и когда я пытаюсь передать ее, она делает глубокий вдох и смотрит на меня знающими

глазками. «Зачем ты вообще пытаешься, мама? Я собираюсь заорать так громко, что соседи подумают, что ты пытаешься меня убить. Они могут даже вызвать полицию. Лучше бы тебе... О, вот и приехали, папа уже отдает меня обратно. Не совершай больше этой глупой ошибки».

Неделю за неделей Диана упорно пытается подержать Харриет, как будто ожидая, что она чудесным образом прониклась вдруг любовью к людям. Каждую неделю, когда мы проходим через этот маленький ритуал, мне хочется сказать, чтобы она не беспокоилась, но это было бы лишением Дианы ее бабушкиных прав, не говоря уже о том, что сделает меня одной из тех сумасшедших невесток, которые заставляют всех сделать прививку от коклюша, прежде чем дать подержать ребенка. И я позволяю ей покачать Харриет. Я научилась играть в эту игру.

Я едва успеваю заставить Харриет взять в рот сосок, как слышу хохот Арчи. Сердце у меня замирает. Уже? У меня были грандиозные планы на этот день! Но за полтора часа мне удалось только сложить крошечную стопку белья (даже не убрать ее!) и посмотреть, как белые ходики вытаскивают из-под льда мертвого дракона. Арчи врывается в комнату, сжимая в кулаке леденцы. Взяв пульт от телевизора, я останавливаю «Игру престолов». Мой сын маниакально носится по комнате, накачанный сахаром.

– Арчи! – кричу я, когда он оставляет грязный след ботинка прямо на стопке сложенного белья. Моя грудь вырывается изо рта Харриет с болезненным щипком. – Вот черт!

– Че-е-ерт! – вопит Арчи.

За спиной Арчи появляется Диана, вид у нее потрясенный. Она оглядывает комнату и тут же протягивает руки к Харриет, которая делает глубокий вдох. Отдавая Харриет, я смотрю на кучу испорченного белья – венец моих достижений за последние полтора часа. И – в лучших традициях гормонального всплеска – ловлю себя на том, что сдерживаю слезы.

– Арчи, посмотри, что ты наделал, дружок!

Я не кричу. Под конец фразы я для верности добавляю «дружок». Но Арчи, конечно же, решает разрыдаться.

Присев на корточки, Диана перекладывает плачущую Харриет на другое плечо, как будто это что-то изменит, и пытается утешить Арчи.

– Это все, что мне удалось сделать, пока тебя не было! – объясняю я. – Кроме попытки накормить Харриет, да и на этом поприще мои усилия были столь же жалкими.

Диана бросает взгляд на экран телевизора, где застыл Джон Сноу, затем снова на меня.

– Может, тебе стоило бы попробовать делать несколько дел одновременно. Когда Олли был маленьким, я обычно разбирала сумки с продуктами, пылесосила дом и заполняла счета на оплату, пока его кормила.

Очевидно, что Диана лжет. Она никогда не разбирала сумки с продуктами, не пылесосила дом и не заполняла счета, пока кормила Олли грудью. Это физически невозможно. Я знаю, потому что у меня большой опыт – не говоря уже о том, что он недавний, – в грудном вскармливании. Но какая разница, что я знаю, потому что свекрови имеют право говорить неправду. И не важно, намеренно ли они врут или плохо помнят.

– Ричард в три месяца уже пошел.

– Мэри никогда не плакала. Никогда!

– Я начала кормить Джуди еще в больнице.

– Я всю одежду Тренора стирала вручную в самодельном стиральном порошке.

– Филип любил овощи. Очень-очень любил. Он съедал все, что бы я ни ставила на стол. А больше всего брюссельскую капусту!

Невестки знают, что свекрови лгут, но это не имеет ни малейшего значения, потому что как докажешь, что чьи-то слова неправда? И – что важнее – как это доказать, пытаясь быть вежливой со своей свекровью? Это так же невозможно, как грудное вскармливание одновременно с разбором сумок, мытьем полов и оплатой счетов. Так что свекрови могут говорить о материнстве все, что им заблагорассудится. Свекрови всегда в выигрыше.

– Ты могла бы оставить Харриет на пару минут и постирать, – говорит Диана. – Посадить обоих детей в коляску и повезти в супермаркет за продуктами. Дать Арчи головоломку, а Харриет посадить на детский стульчик, пока готовишь ужин. Тебе не нужно сидеть в этом кресле круглые сутки, когда ей три месяца от роду.

Мне требуется время, чтобы собраться с мыслями. Тут надо бы подчеркнуть для ясности, что у меня нет послеродовой депрессии, тревожности или еще какого постнатального расстройства психики. Я знаю женщин, с которыми такое случалось. Моя кузина Софи как-то призналась мне, что безразлична к своей дочери Джемайме. Она чувствовала, что совершенно безнадежна в качестве матери и что угодно бы отдала, лишь бы повернуть время вспять и не рожать ребенка. Моя подруга Рейчел рассказывала, что после рождения Реми на несколько месяцев попала в

ловушку изнурительной бессонницы, когда лежала в постели, а в голове у нее крутилось: «Если ты не пошевелишь правой ногой прямо сейчас, утром Реми будет мертв». А вот я психически здорова. Я обожаю своих детей. За вычетом – как мне сказали, совершенно нормальных – гормональных всплесков, когда я решаю, что мой ребенок (или муж) – воплощение дьявола, я очень люблю свою жизнь. Мне нравится сидеть с детьми дома, мне даже нравится мой крошечный коттедж с неотремонтированной кухней.

Зато мне ох как не нравится, когда моя свекровь говорит мне, что мне делать в моем собственном доме.

– Спасибо за совет, Диана, – произношу я, наконец. – Это... невероятно полезно. Жду не дожусь, когда смогу воспользоваться твоими предложениями.

Мы смотрим друг другу в глаза. Мы обе знаем, что это сарказм. Но говорить об этом вслух бесполезно, потому что я все буду отрицать. Для меня это неожиданная и непреднамеренная победа, и пару секунд я ею упиваюсь. Харриет, которая все еще кричит в объятиях Дианы, тянется ко мне, и я ее забираю. Плач мгновенно прекращается. Еще одна победа.

Шах и мат.

Мне приходит в голову, что только свекровь и невестка способны вести тотальную войну, в которой никто даже голоса не повышает. Самое смешное, что будь в комнате кто-то из мужчин, он понятия бы не имел, что происходит нечто помимо приятной беседы. Если бы Олли был здесь, он, вероятно, сказал бы: «Какой чудесный день мы все провели с мамой!» В этом смысле мужчины очень просты, благослови их боже.

Арчи подходит и садится ко мне на колени рядом с Харриет, и – о чудо! – на секунду оба моих ребенка довольны. К своему удивлению, я нахожу, что мне это нравится.

– Я только хочу сказать, что не знаю, эффективно ли ты используешь свое время, – наконец произносит Диана.

«И какое тебе до этого дело?» – хочется спросить мне, но мы обе знаем, что это было бы нарушением правил. Я не должна нападать, но мне разрешена защита. Я думаю о том, как в школе играла в женский баскетбол. Я стою на воротах. Если я в своем деле достаточно хороша, другая команда не забьет. И тут мне приходит в голову кое-что еще.

– Ты права, – говорю я с улыбкой. – Ты не знаешь.

И хотя счет никогда не появится на табло, я уверена, что только что забила гол.

ЛЮСИ

ПРОШЛОЕ...

– Ты собираешься обменять меня на более современную модель? – шепчу я Олли.

Мы стоим на задней веранде возле жаровни. Олли жарит барбекю, а я слоняюсь вокруг, пытаюсь выглядеть занятой. Сегодня суббота, и Эймон пригласил на обед свою новую подружку Беллу. Белле двадцать два года, и я никогда в жизни не чувствовала себя такой старой.

– Не могу себе этого позволить, – откликается он. – Во всяком случае, я уже женат на современной.

– Ты всегда был дальновидным.

– Я играю с дальним прицелом, – говорит он, подмигивая. – Кстати, Белла на кухне. Тебе лучше пойти туда, посмотреть, не играет ли она со спичками. Я присмотрю за остальными детьми. – Он кивает на ступеньки, где сидят Харриет и Арчи, поедая сосиски в тесте.

Я неохотно иду на кухню, чтобы поговорить с Беллой. Дело не в преданности бывшей жене Эймона, – я не слишком жаловала Джулию. Дело в том, что я замужня мать двоих детей... а Белле двадцать два.

Когда я прихожу на кухню, Белла задумчиво смотрит в миски с салатами.

– Где Эймон? – спрашиваю я.

– Пошел в магазин за шампанским. Я сказала, что не хочу шампанского, но он настоял. – Она закатывает глаза.

– Ну ладно, а пока могу я предложить тебе выпить? Или что-нибудь поесть? У меня есть сыр и крекеры...

– Я уже налила себе воды, – говорит она, указывая на стакан рядом с собой.

– Может, хотя бы принести тебе льда?

– Нет, комнатной температуры лучше.

Интересно, лучше для чего? Но я не спрашиваю из страха, что она решит рассказать. Я смутно припоминаю, как несколько лет назад мне читали нотацию о вреде холодных напитков (что-то связанное с накоплением влажного тепла в теле), когда я посещала китайского врача по поводу защемления шейных позвонков, и, хотя иглоукалывание помогло,

для человека вроде меня, равнодушного к ледяным напиткам, совет не пить холодного звучал нежелательно и навязчиво.

– Как вы с Эймоном познакомились? – Я спрашиваю, чтобы заполнить паузу.

– Он ходит в мой спортзал, – говорит Белла. – Он был в моей группе по прокачке тела.

– Ты инструктор по фитнесу?

Она кивает, и я чувствую облегчение. Олли как-то обмолвился, что она одна из тех помешанных на фитнесе инстаграм-блогеров, которые размещают фотографии смузи, протеиновых порошков и собственные мышцы на экзотическом фоне. Приятно знать, что у нее есть настоящая работа.

– Ну, по крайней мере, раньше была, – говорит она. – Сейчас я по большей части только подменяю, раз уж мой бизнес пошел в гору.

– О? – говорю я, роясь в ящике в поисках салатных ложек. – И что у тебя за бизнес?

– Коучинг и инфлюэнсинг в фитнесе.

Я изо всех сил сжимаю поднос со столовыми приборами.

– На данный момент у меня сто двадцать две тысячи подписчиков в инстаграме, так что да, дела идут на лад. Но ведь... нужно, чтобы аккаунт и дальше рос.

– И... что ты... что ты делаешь, чтобы он рос?

Найдя несколько ложек, я начинаю размешивать картофельный салат. Я малость перебрала с майонезом, что (как я теперь подозреваю) было ошибкой. Зеленый салат тоже, ведь в нем полно авокадо, феты и масла.

– Ну знаешь... надо анализировать наиболее результативные посты... с точки зрения хештегов, какие используешь, например 'fitspo и 'fitnessporn, быть в курсе, кто в твоей области тоже занят инфлюэнсингом.

– Понятно.

– Потом еще много надо сделать, чтобы добиться партнерства с брендами. Ко мне обратились из очень-очень интересного и перспективного бренда органических соков, и мы с ними собираемся делать по-настоящему крутые вещи, поэтому да, дела неплохи.

– Здорово!

У меня такое чувство, будто я нянчусь с дочерью-подростком подруги. На Белле спортивный бюстгальтер и легинсы из лайкры, а на бюстгальтере прозрачная вставка. И так она оделась к обеду! Сквозь прозрачную вставку я замечаю, что груди у нее подозрительно округлые для такой стройной фигуры. Внезапно я вспоминаю о своей обвислой груди, угробленной

двумя беременностями и двумя голодными младенцами. Олли как будто против моей груди не возражает, на самом деле он, кажется, даже любит ее, но все же я позволяю себе момент траура по тому, какая у меня была грудь до рождения детей, как она стояла и была приблизительно того же размера, что и у Беллы.

Хлопает дверь, и мгновение спустя появляется Эймон с бутылкой шампанского в каждой руке. Он размахивает ими как идиот.

– Время веселиться, дамы!

Рубашка Эймона расстегнута слишком низко. В последнее время он немного похудел, как это делают мужчины, когда у них роман или кризис среднего возраста. (Олли, благослови его боже, сохранил стабильный вес, даже немного прибавил с годами – что хорошие новости по части романов на стороне.)

– Бокалы для шампанского, Люси? – говорит тем временем Эймон.

Через несколько минут он возвращается с четырьмя бокалами, наполненными до краев.

– Я же сказала, что не хочу! – восклицает Белла, когда он протягивает ей бокал. – Я на диете.

– Ничто так не прочищает организм, как шампанское, – весело отвечает он.

– У кого чистка? – спрашивает Олли, появляясь на пороге кухни с подносом пережаренного мяса.

– У Беллы, – хором произносим мы с Эймоном.

Олли смотрит на мясо на подносе так же, как я на салаты.

– Не волнуйтесь, – улыбается нам Белла. – Я принесла свою еду.

– Ты принесла свою еду? – Олли смотрит на нее во все глаза.

Она расстегивает яркую сумку-холодильник, которую я раньше приняла за ее сумочку.

– Я себе готовлю на неделю вперед, так что это не проблема. Мне нужна только тарелка. Самый легкий гость в вашей жизни, да? – Она смеется.

Я уже слышу, как мы с Олли изображаем ее сегодня вечером, после того как они уйдут. «Самый легкий гость в вашей жизни, да?» По этой причине, и только по этой причине, мне удастся улыбнуться. Я даю Белле тарелку, и она выкладывает печального вида салатик, состоящий как будто из бурого риса и какой-то зелени. Все остальные с жаром принимаются за картофельный салат, сосиски и гамбургеры.

– Как бизнес, Эймон? – спрашиваю я. – Дела идут хорошо?

Единственный плюс присутствия Эймона в том, что у меня есть шанс

спросить о бизнесе. С тех самых пор, как он вошел в дело, Олли работает круглые сутки, но, когда я спрашиваю его, как идут дела, он говорит очень мало. У него есть склонность беспокоиться и нервничать, и я утешаю себя этим, когда мне кажется, что вид у него далеко не оптимистичный. Но сегодня я надеюсь на хотя бы какое-то ободрение и от Эймона тоже.

– Незачем сегодня говорить о делах. – Эймон ставит на стол бокал. – Это же выходной.

– А я бы рада поговорить о работе, – говорю я.

– Знаешь, что было бы гораздо веселее? Поиграем в «правду или действие»?

Поскольку я как раз отпиваю шампанского, у меня першит в горле. «Правда или действие»? Эймону – сорок три, напоминаю я себе. Сорок три года!

– Ну давайте же. Это отличный способ познакомиться поближе. Мы же на днях в нее играли, правда, Белла?

Белла кивает, насаживая на вилку лист шпината. Кажется, она слушает разговор, но все ее внимание сосредоточено на еде. Бедняжка, наверное, умирает с голоду.

– Ладно, начнем с тебя, Белла, – говорит Эймон. – Правда или действие?

– Хм-мм. Я бы сказала, действие. Потому что я люблю физические испытания. Но учитывая, где мы, и тот факт, что мы обедаем, я скажу... правда. – Она весело пожимает плечами.

– Что в Эймоне показалось тебе привлекательным?

Вопрос вылетает у меня изо рта прежде, чем я успеваю спохватиться. Обычно я проявила бы осторожность на случай, если кто-то мог подумать, что, на мой взгляд, в Эймоне нет ничего привлекательного, но в последнее время меня не слишком беспокоит его эго. Что касается Беллы, то я ожидаю, что она станет подбирать слова, застесняется, но она просто тянется через стол и берет его за руку, беззастенчиво улыбаясь.

– До него я была только с мальчишками. Эймон – мужчина.

Мы с Олли переглядываемся. Мне хочется вырвать.

– Это трудная работа, – говорит Эймон, закидывая руки за голову, – но кто-то должен ее делать.

– Ладно, – говорит Олли, потрясенный не меньше меня. Я пользуюсь минуткой, чтобы поупиваться простотой моего по большей части обычного мужа.

– Твоя очередь, приятель, – обращается Эймон к Олли. – Правда или действие?

– Действие, – отвечает Олли, и это удивительно, потому что кто старше двенадцати лет выбирает действие?

Я говорю себе, мол, он просто быстро ответил, чтобы ускорить ход событий. Я пытаюсь что-то придумать, в голове вертится мысль «постучать в двери соседей и убежать», когда Эймон ставит на стол бокал.

– А вот рискни одолжить у отца миллион! – говорит он. – У его отца денег куры не клюют, – объясняет он Белле. – У него, наверное, миллион долларов на карманные расходы.

Он громко смеется, и мне вдруг вспоминается Джеффри Гринен, друг Тома. Тот же гадкий смех, та же шовинистическая манера. По крайней мере, у Джеффри была очень милая жена.

– К сожалению... – Олли вытирает уголки рта бумажной салфеткой. – Придется иметь дело с моей мамой.

– Его мама скряга, – объясняет Эймон Белле, и Олли ощетиливается. Эймон ступает на опасную стезю. Олли сам знает, что с его матерью непросто, но, в конце концов, она его мать.

– Твоя очередь, Эймон, – быстро говорю я, потому что чем скорее эта игра закончится, тем лучше. – Правда или действие?

– Правда, – отвечает он.

– Давайте теперь я, – говорит Белла, и ей требуется мучительно много времени, чтобы придумать что-нибудь: она бормочет себе под нос, надувает щеки и театрально прижимает указательный палец к губам.

– Что за твою жизнь с тобой случилось самое худшее? – говорит она наконец.

Эймон явно удивлен, и у меня такое чувство, что он ждал чего-то вроде: «Был ли у тебя секс втроем?» Надо отдать Белле должное, вопрос недурен.

– Ну развод вышел не самым приятным, – говорит он после небольшой паузы. – Я имею в виду финансовый крах, – поспешно объясняет он Белле. – Я потерял дом и изрядную часть своих сбережений. Но еще я извлек из этого урок.

Он кладет в рот кусок колбаски и медленно жует.

– И какой же урок ты извлек? – спрашиваю я.

– Ну знаешь. – Он пожимает плечами. – Что надо заранее соломки подстелить.

– На случай чего «подстелить соломки»? – со смехом спрашиваю я. – Развода?

– Да вообще всего, – отвечает Эймон, как будто это очевидно.

Даже у Беллы вид теперь становится озадаченный. И благодаря ему она

чуть больше мне нравится.

– Нельзя защититься от всего на свете, – говорит она.

Эймон наливает шампанское и мерзко подмигивает.

– Деньги, – говорит он, – вот защита от всего на свете.

ЛЮСИ НАСТОЯЩЕЕ...

На следующий день мы идем в адвокатскую контору. Я пытаюсь как-то извернуться и не ходить, но Джерард, адвокат Дианы, сказал Олли, что неплохо было бы, если бы мы все присутствовали, а потому, хотя похороны Дианы завтра и мне надо сложить несколько сотен буклетов, выбрать молитвы и утвердить меню на поминки, я сопровождаю мужа. Но пока мы сидим в приемной, голова у меня идет кругом, а мысли несутся вскачь. Я не могу не перебирать все, что узнала. Диану нашли мертвой с пустым пузырьком яда в руке. Но в ее организме нет никаких следов отравления. Отсутствует подушка, зато налицо признаки удушения. Даже я понимаю, что все начинает выглядеть так, словно кто-то постарался обставить смерть Дианы, чтобы она выглядела как самоубийство. Но если это так, почему этот кто-то спрятал письмо в ящик стола, а не оставил его на виду?

В этом нет никакого смысла.

Когда Джерард возникает на пороге своего кабинета, Олли, Нетти, Патрик и я находимся по разным углам комнаты. Однако появление в дверях адвоката заставляет нас сосредоточиться, и мы, шаркая, подтягиваемся к нему.

– Мои соболезнования, – говорит он.

– Спасибо, – бормочем мы.

Джерард ходил в школу с Томом, но они, вероятно, были скорее знакомыми, чем друзьями. Олли и Нетти встречались с ним много раз, я сама видела его пару раз, и он всегда казался безобидным, хотя и немного скучным. Я смутно помню, как Том однажды сказал Диане, что пригласил Джерарда на Рождество, и Диана застонала. Очевидно, она тоже считала Джерарда скучным. Джерард ведет нас в свой кабинет и, заметив, что нам не хватает двух стульев, снова выскакивает в коридор. Олли, Нетти, Патрик и я остаемся в комнате в мучительном молчании, глядя куда угодно, только не друг на друга. Я замечаю, что Нетти даже отказывается признавать присутствие Патрика.

– Итак, приступим, – говорит Джерард, возвращаясь и толкая перед собой стул на колесиках. – Спасибо, что пришли. Обычно мы рассылаем

письма нашим клиентам, давая им знать, что они являются бенефициарами по завещанию, но я хотел, чтобы вы пришли в офис, потому что это имущество немного больше... Да, сюда, Шерри, – говорит он взволнованной секретарше средних лет, которая появляется, толкая перед собой второй стул. Поставив стул перед Олли, она поспешно семенит прочь из кабинета. – Спасибо, Шерри. Извините, как я уже говорил, дела с имуществом, оставшимся от ваших родителей, обстоят немного сложнее, чем у большинства наших клиентов.

Для нас это не новость. Обстоятельства, связанные с имуществом настолько большим, как у Тома и Дианы, не могут не быть сложными. Полагаю, именно по этой причине Том поручил исполнять обязанности душеприказчика не Олли или Нетти, а Джерарду.

– Почему бы тебе не присесть? – предлагает он Олли, который все еще стоит, хотя ему прикатали стул.

– Мне и так хорошо, – отвечает Олли.

– Как хочешь. В любом случае, как вам известно, Том и Диана оставили немалое имущество. Есть недвижимость, машины, яхта. Есть портфель акций, мебель, домашний декор, ювелирные изделия и личные вещи. И есть немалая сумма наличных.

– Том упоминал об этом раз или два, – усмехается Патрик.

Джерард складывает руки перед собой и подается вперед, словно собираясь с духом.

– Да, конечно... Так уж вышло, что единственной наследницей своего имущества и состояния Том назвал Диану. В случае ее смерти имущество должно было быть поделено в равных долях между Оливером и Антуанеттой. Однако... несколько недель назад Диана пришла ко мне, чтобы внести в завещание кое-какие изменения. – Джерард потирает лоб, его лицо на секунду искажается, словно у него мигрень. Он по-прежнему упирается взглядом в стол. – Во время этой встречи Диана попросила указать, что единственным наследником ее имущества станет ее благотворительная организация.

В комнате воцаряется такая тишина, что я слышу шум уличного движения, тиканье часов, даже как секретарша шебуршит у себя за столом, что-то пишет, скрепляет, печатает.

– Диана сказала, что намерена сообщить вам об изменениях, но они были сделаны так недавно, что ей, вероятно, не представилась возможность.

Я чувствую, как у меня за спиной Олли переступает с ноги на ногу, и резко к нему оборачиваюсь.

– Погодите-ка. Благотворительная организация Дианы становится бенефициаром?.. – начинает Олли.

– Всего. – Джерард поднимает глаза, встречаясь с каждым из нас взглядом из-под густых седых бровей. Этот взгляд говорит мне, что тут нет никакой шутки, никакого недоразумения, никакой путаницы. – К ней отходят дома, машины, портфель акций, наличные.

Нетти резко втягивает в себя воздух. Патрик поднимается на ноги. Олли склоняет голову набок и слегка прищуривается, как бывает, когда Эди пытается ему что-то сказать, а он ее не понимает. Мы все оглядываемся по сторонам и впервые с тех пор, как пришли, встречаемся друг с другом взглядами. Проходит несколько секунд. Но никто не открывает рта.

ЛЮСИ ПРОШЛОЕ...

Двое детей пристегнуты в детских креслах на заднем сиденье машины, один (Харриет) плачет, другой (Арчи) пытается засунуть виноградину себе в нос. Мы торчим на запруженной кольцевой развязке, пока женщина в черном внедорожнике перед нами отдает через окно теннисную ракетку своему угрюмому сыну-подростку, а затем заводит с ним разговор, не обращая внимания на растущую череду автомобилей позади нее.

Харриет испускает новый – с руладами! – вопль.

Такого рода ситуация – обычное дело в районе Дианы. Мы как раз едем туда: по вторникам я вожу детей к ней домой к десяти, они остаются до двух, когда я забираю их снова. Харриет уже шесть месяцев, и, хотя я ненавижу весь процесс (пристегивание обоих детей в машине, двадцать минут езды до дома Дианы и обратный путь несколько часов спустя), я не настолько упряма, чтобы отказаться от бесплатной няни. Даже если в ее роли – моя несносная свекровь.

– Арчи, можешь вставить соску Харриет? – говорю я, глянув в зеркало заднего вида. Ее соска – у него во рту, а виноградины нигде не видно. – Что случилось с виноградом?

– Я его съел, – говорит он, вынимая соску и запихивая ей прямо в рот.

Я стараюсь не думать о том, что у него насморк и что простуду он наверняка передаст Харриет. Толику утешения доставляет то, что она сразу перестает плакать.

– Мы уже приехали к Дидо?

– Почти, – отвечаю я, и он успокаивается.

Как бы меня это ни раздражало, он любит свою бабушку. Она на свой манер с ним ладит. Она не восхищается его творениями на бумаге или из глины и не умоляет обнять ее, но она делает другие вещи, которые, кажется, высоко ценятся детьми... например, смотрит прямо в глаза, подначивает и бросает вызов, выключает телевизор и с ним играет. И, конечно, на кухонном столе стоит банка шоколадного печенья, которая всегда полна, когда он приходит, и пуста, когда уходит.

Без нескольких минут десять я сворачиваю на гравийную подъездную дорожку к дому Дианы и Тома (которую ненавижу, потому что Арчи

набивает гравием карманы, а потом камешки валяются у меня по всему дому). У входной двери припаркован потрепанный желтый «Вольво», принадлежащий, вероятно, какой-нибудь уборщице. Припарковавшись позади него, я вытаскиваю детское сиденье Харриет из машины. Арчи сам отстегивается и выпрыгивает из машины, тут же хватая пригоршню камешков. Я поднимаюсь по ступенькам и ставлю коляску на лестничную площадку. Входная дверь приоткрыта, и откуда-то рядом доносится незнакомый мужской голос.

– У нас в Афганистане есть выражение: в муравейнике роса – наводнение. Это значит, малая неудача – далеко не мелочь для того, кто нуждается. Я подавал заявку на множество вакансий, и каждый раз – никакого ответа. То, что вы сделали, не мелочь. Это очень важно.

– Том говорит, вы отлично справляетесь, – отвечает ему голос Дианы.

– Том очень добр. А я не настолько добрый. Я был груб с вами. Простите меня.

– Нечего прощать, – слышу я голос Дианы. – Просто идите и позаботьтесь о своей семье. Я знаю, что вы это сделаете, Хакем.

– Обязательно.

Шум шагов, и я шаркаю назад и поднимаю руку, чтобы постучать, как будто я только что приехала. Арчи швыряется камешками в «Лендровер» Дианы. («Прекрати сейчас же», – шепчу я, когда Диана появляется на пороге.)

– Здравствуй, Люси.

Диана хмурится. Она обводит глазами двор, на мгновение останавливаясь на Арчи, застывшем в виноватой позе. Она бросает на него суровый взгляд, и он выбрасывает камни себе под ноги.

– Мы только что приехали! – говорю я.

– Это я вижу. – Она отворачивается от меня к мужчине, который присоединился к ней в фойе: – Спасибо, что пришли, Хакем.

– Спасибо, что приняли меня. Я не забуду вашей доброты.

Мы смотрим, как мужчина садится в «Вольво» и уезжает. Затем я хватаю Арчи за руку и отрываю его от гравия. Диана поднимает Харриет, которая проснулась и пристально смотрит на нас голубыми испуганными глазами. Харриет уже больше не плачет, когда Диана берет ее на руки.

– Кто это был? – спрашиваю я, ведя Арчи вверх по ступенькам.

– Хакем. Он инженер и работает на Тома.

– Он как будто очень тебе благодарен.

– Неужели?

– Да, Диана. Очевидно, что ты что-то для него сделала.

Я отваживаюсь вторгнуться на опасную территорию, но у меня и так отношения с Дианой не из лучших, так что нет страха разрушить что-то хорошее. В ситуации, когда тебе нечего терять, есть свои плюсы.

– Расскажи мне.

Диана закатывает глаза. Точно я докучливое существо, которое не стоит поощрять.

– У него были проблемы с поиском работы, вот и все. У него не было ни единого шанса. Я просто позаботилась, чтобы ему дали шанс.

– Это замечательно с твоей стороны.

Диана вздыхает.

– Да, конечно. Ты, наверное, считаешь, что я не такая уж замечательная. Но я твердо убеждена, что каждому должны быть предоставлены равные шансы. Хакема всех до единого шансов лишили. А вот у моих детей были все шансы на свете. Теперь мне пора отойти в сторону и посмотреть, что они сделают с предоставленными им возможностями.

Впервые мы с Дианой разговариваем так серьезно, и на мгновение я понимаю, что она из себя представляет.

– Хорошая философия, – говорю я.

Секунду или две мы смотрим друг другу прямо в глаза, и мне кажется, между нами возникает что-то вроде взаимного уважения.

– Я рада, что ты так думаешь, – говорит она, берет моих детей и спешит в дом.

ЛЮСИ**ПРОШЛОЕ...**

– Выше! – кричит Арчи. – Выше! Сделай так, чтобы в самое небо!

Он уже взмывает так высоко, что, кажется, вот-вот совершит мертвую петлю в воздухе.

– Хорошо, – говорит Нетти. – Держись!

Нетти взяла выходной, чтобы помочь мне с детьми. С тех пор как родилась Харриет, она уже несколько раз так делала, и всякий раз после дня с ней у меня такое ощущение, слово в меня вдохнули новую жизнь. В настоящий момент Харриет висит в слинге на груди у Нетти, а сама Нетти раскачивает качели Арчи. Все утро она играла с Арчи в мяч и в прятки, лазала с ним по деревьям. Она – воплощение преданной тети.

В отличие от Дианы Нетти приходит ко мне, ведь «зачем трудиться пристегивать в машине детей, чтобы везти ко мне?». (Аллилуйя.) Она почти всегда приходит с угощениями для детей (и спрашивает меня, можно ли их им дать), кофе для меня и готовой едой на вынос нам с Олли на вечер. Иногда она берет детей с собой, чтобы дать мне передышку, иногда, как сегодня, мы гуляем вместе, разбираемся с мелкими делами и поручениями, ходим в парк. Обычно, когда она рядом, она жизнерадостная и веселая и как будто лучится счастливой энергией, но сегодня она, кажется, не в своей тарелке. Волосы у нее невымыты. Одета она в легинсы, длинный кардиган и кроссовки, которые хотя и подходят для дня в парке, но смотрятся как-то неряшливо на фоне ее обычных стильных нарядов. И хотя она все утро болтала с Арчи, мне она не сказала ни слова.

– С тобой все в порядке, Нетти? Ты сегодня какая-то молчаливая.

Ее взгляд скользит в сторону.

– Вот как?

Правду сказать, Нетти обычно не слишком любит говорить о себе. О себе она все больше молчит и вообще предпочитает задавать вопросы, а не выдавать информацию. Но сейчас я вижу внутреннюю борьбу в ее глазах, и мне приходит в голову, что, возможно, она действительно хочет поговорить.

– Что происходит? – спрашиваю я.

Она украдкой бросает на меня еще один взгляд и выдыхает.

– Ладно. Правда... правда в том, что... Несколько дней назад у меня был выкидыш. Вот почему я не работаю на этой неделе.

– Ох, Нетти, мне так жаль!

Она по-прежнему сосредоточена на качелях, слегка пожимает плечами.

– М-да... Вообще-то, он не первый. Мы с Патриком годами пытались завести ребенка. Мы потеряли еще троих, всех рано, в первом триместре.

– У тебя было четыре выкидыша?

Я прокручиваю в голове все случаи, когда она могла быть беременна или у нее только что был выкидыш, а я понятия не имела. Я ловлю себя на том, что мне становится нехорошо от уймы необдуманных замечаний, которые я, наверное, бросала. «Можешь взять эту коляску, когда я закончу...» «Вот подожди, придет твоя очередь...» «Сочтемся, когда у тебя будут свои дети...»

По самовлюбленности я думала, что Нетти таким со мной поделится. Глупо, но я думала, что догадаюсь.

– Я думала, ты строишь карьеру...

Нетти мотает головой и мрачно смеется.

– Меня не волнует моя карьера. Я хочу семью. У меня поликистоз яичников, поэтому я всегда знала, что будет нелегко, но я никогда не думала, что будет так трудно.

– Ты обращалась к специалисту по бесплодию?

– К двум. Мы пробовали гормоны и внутриматочное оплодотворение. Я месяцами колола себе в живот гормоны. Следующий шаг – ЭКО.

– Ну я знаю десятки женщин, которые рожали с помощью ЭКО. Когда моя мама рожала, в больнице половина женщин были с ЭКО, – говорю я с энтузиазмом.

– Знаю, но это недешево. Учитывая выплаты по ипотеке и гормональную терапию, у меня совсем нет сбережений. И фирма Патрика... ну... не совсем процветает.

– Но ведь родители тебе, конечно, помогут?

– Разумеется, мне пришлось пройти через этот отвратительный ритуал с просьбами. Потом мама сказала «нет».

У меня отвисает челюсть. Я знаю правило Дианы относительно денег, но не могу себе представить, что оно распространяется на ЭКО для Нетти.

– В прошлом папа давал мне деньги, на операцию по внутриматочному оплодотворению и кое-какие тесты. Но мама не знает, а папа терпеть не может врать. Поэтому... с ЭКО, думается, придется выкручиваться самим.

– Иногда я действительно ненавижу ее, – говорю я, прежде чем успеваю прикусить язык. Мне тут же хочется взять свои слова обратно. Диана –

мать Нетти. Что бы она ни делала, Нетти будет ей предана. – Прости, Нетти!

– Иногда я тоже, – говорит Нетти, и мы погружаемся в молчание, а цепи качелей скрипят в холодном утреннем воздухе.

ЛЮСИ**ПРОШЛОЕ...**

– Мы с Харриет хотим хлопушку, – канючит Арчи, бочком пробираясь ко мне на кухне.

На нем уже рождественский колпак из оранжевой бумаги. Мой отец и вся семья Гудвинов набились вокруг нашего обеденного стола и обмакивают креветки в соус «Тысяча островов». Стол накрыт праздничными салфетками, заставлен бумажными тарелками и, конечно, украшениями, которые любовно смастерил на продленке Арчи.

– Давай я с тобой выпущу, чемпион, – предлагает Олли.

– Но я обещал Харриет!

– Не думаю, что Харриет будет возражать, Арчи, – говорю я, и мы оба смотрим на дочь, которая, бессмысленно моргая, сидит на коленях у Нетти.

Наш арендованный дом в Хэмптоне не так мал, как коттеджик в Порт-Мельбурне, но и не огромен, особенно если учесть, что половину гостиной занимает рождественская елка. У нас не хватает двух стульев, поэтому Патрик и Олли сидят на барных табуретах, нависая над остальными. У Тома вежливо-озадаченный вид, а Нетти столько раз говорила, как все здорово, что мне стало интересно, кого она пытается убедить. В прошлом мы проводили Рождество у папы или у Гудвинов в их брайтонском доме, и в этом году предстояло то же самое, пока я не вмешалась. Пришло время получить назад часть контроля, решила я.

Олли был на удивление полон энтузиазма. («Самим устроить Рождество! – сказал он. – Быть взрослыми, устанавливать новые традиции».) Это было мило, – даже если, когда дело дошло до подготовки, он оказался совершенно бесполезен.

– Олли, помоги мне, пожалуйста, – окликаю я из кухни.

Лицо у меня невыносимо печет, и, подозреваю, оно сейчас красное как свекла. Я просчиталась, недооценив, сколько усилий потребуется, чтобы приготовить индейку для семерых взрослых и двоих детей, плюс овощи, соус, сливовый пудинг и закуски из морепродуктов. Как дура, я отказалась, когда Диана и Нетти предложили принести что-то из еды, сказав, как я всегда мечтала: «Просто принесите себя». (Когда другие так говорили, это всегда звучало так великодушно и беззаботно.) К сожалению, это также

означало, что мне пришлось провести утро в насквозь пропотевшем сарафане, готовя ужин, который вообще не подходил для жаркого австралийского Рождества, в доме, где не было кондиционера.

– Ну счастливого Рождества, – говорит Том, поднимая банку с пивом, чтобы чокнуться о бокал Дианы с вином.

Кажется, его позабавила, хотя и не разочаровала, банка «Викторианского горького», и Диана, надо отдать ей должное, не жалуется на бокал тепловатого шардоне. Мне бы хотелось поставить ей это в заслугу, особенно после прошлого Рождества, когда мы прикончили несколько бутылок французского шампанского «Буланже» у нее дома, но после того, как я услышала, что Диана отказалась помочь Нетти заплатить за ЭКО, мне не хочется хвалить Диану.

– Счастливого Рождества, – говорит Нетти, чокаясь бокалом с папиной банкой пива.

Она привезла с собой две бутылки вина и уже прикончила одну. Не могу сказать, что я виню ее. Она накопила и прошла через ЭКО (который дал два эмбриона), но ни один не прижился. Теперь, в тридцать девять лет, ей придется откладывать деньги на следующую попытку, а к этому времени ей будет почти сорок, и шансы забеременеть уменьшатся еще. Все это время у ее родителей было больше денег, чем они способны потратить. Где тут логика? Однажды я сказала Диане, что мне нравится ее философия, но тут-то что может понравиться?

Большую часть вечера Нетти держала Харриет на коленях, отказываясь отпускать, даже когда мы ели закуски из морепродуктов. Теперь, когда она выглядит немного пьяной, я задумываюсь, не забрать ли у нее Харриет. Но Патрик, похоже, не спускает с нее глаз, и он только что выпил свою первую банку пива, поэтому я решаю оставить все как есть.

– Прибыл, согласно приказу, – говорит Олли, присоединяясь ко мне на кухне.

Я протягиваю ему прихватки, он надевает их и исчезает за дверцей духовки.

– Может быть, к следующему Рождеству, – кричит он, доставая индейку, – за столом появится еще один ребенок, а, Нетти?

Все замолкают, их рты полны креветок и соуса «Тысяча островов».

– Так каков план? – продолжает, ничего не замечая, Олли и ставит индейку на стол. – Ты будешь из тех, кто рождает, отвечая на письма с айфона, а потом из больницы сразу назад в офис?

Я посылаю ему убийственный взгляд, но он пропадает впустую, поскольку мой муж счастливо спрыскивает индейку соусом.

– Вообще-то, – говорит Нетти, – если бы мне посчастливилось родить ребенка, я тут же ушла бы с работы. Бросила бы на пару лет эти крысиные бега и сидела бы дома с детьми, как Люси. Я правда уважаю то, что ты сделала, Люси, и думаю, что ты замечательная мать.

Я улыбаюсь, но нервничаю.

– Но, – продолжает она, – спорить-то не о чем, так как я не беременна и не могу даже начать новый цикл ЭКО, пока мы не накопим пять тысяч долларов, а мне тридцать девять и я старею с каждой секундой.

Нетти пьянее, чем я думала, и жуёт слова. Харриет опасно балансирует у нее на коленях, и Том, словно прочитав мои мысли, забирает у дочери девочку.

Олли наконец-то перестал поливать индейку и слушает внимательно. Он бросает на меня панический взгляд. Тем временем Диана неспешно отпивает вина и ставит бокал на стол.

– Значит, ты хочешь быть похожей на Люси, дорогая?

– Да, – говорит Нетти.

В ее голосе слышится вызов, который заставляет меня подобраться.

– Понимаю. – Голос Дианы спокоен и сдержан, и в нем есть что-то зловещее. – А что, по-твоему, будет с Люси, если Олли умрет?

Я открываю рот, но Нетти не останавливается:

– Полагаю, у Олли есть страховка.

– Достаточно, чтобы Люси не пришлось работать? Сомневаюсь. – Диана смеется. – Ей нужно будет кормить, одевать и воспитывать двоих детей. И какую работу она сможет получить после стольких лет дома?

– Мама! – восклицает Олли.

Диана оглядывает комнату.

– Что? Вы все в ужасе, но скажите же мне. Что бы ты стала делать, Люси?

– Мама, хватит! – снова вмешивается Олли.

– Люси даже не думала об этом, – не унимается Диана, отворачиваясь от нас и глядя на Нетти. – Ты хочешь быть такой матерью?

Мы с Нетти вскакиваем, а Том и Олли пытаются встать между нами и Дианой. Но они – как пара листков папиросной бумаги, а мы – как пули.

– Хочешь знать, какой матерью я хотела бы быть? – Нетти кричит. – Такой, которая помогает своим детям, когда те обращаются к ней за помощью! Такой, которая дает им почувствовать себя любимыми, а не ленивыми никчемными тунеядцами!

– Так ты будешь давать своим детям все, что они хотят? – откликается Диана. Она чуть повышает тон, и я вижу, что она тоже начинает

волноваться. – Научишь их, что можно иметь что-то даром и что все достается без труда?

– Думаешь, я не трудилась ради ребенка? – Голос у Нетти срывается, лицо красное. – Я пытаюсь уже три года. Я принимала все известные лекарства от бесплодия. Я прошла два неудачных раунда ЭКО. У меня было четыре выкидыша.

Диана качает головой и отводит взгляд. Но когда она складывает руки на коленях, я замечаю, что они дрожат.

– Помочь – это худшее, что я могла бы для тебя сделать, Нетти, – говорит она.

– В таком случае ты фантастическая мать, – говорит Патрик со своего табурета в конце стола. Он поднимает банку пива, салютуя собравшимся: – Счастливого нам Рождества, а?

**ЛЮСИ
НАСТОЯЩЕЕ...**

Запрокинув голову назад, Патрик издает долгий, громкий (и довольно неестественный) смешок. Джерард, Нетти и Олли смущенно отводят глаза, но я не могу оторвать от него взгляда. Он выглядит... иначе. Его губы совершают отрывистые, подергивающиеся движения, как будто не могут решить, изгибаться вверх или вниз.

– Вы хотите сказать, что Диана ничего не оставила своим детям?

Он прижимает большой и указательный пальцы правой руки к вискам и качает головой. Джерард смотрит на лежащие перед ним документы.

– Только кое-какие личные вещи. – Он находит нужную страницу и надевает очки. – Фотоальбомы, мебель из ваших детских спален, которую можно забрать, когда вам будет удобно. Нетти Диана оставила свое обручальное кольцо, а Олли – коллекцию сигар его отца. Люси получает ожерелье...

Изо рта Патрика вырывается какой-то хрип, который может быть смехом или, возможно, вздохом.

– А наличные? Недвижимость?

– Благотворительная организация Дианы продолжит свое существование, и будет назначен попечительский совет, который будет контролировать ее работу. Наличные деньги пойдут на обеспечение ее бесперебойной работы, а также на поддержку других фирм и предприятий, которые, по мнению совета, будут ей способствовать. Недвижимость будет продана, и вырученные средства также пойдут...

– Извините, – на этот раз перебивает, поднимая руку, Олли. – Можно вернуться на шаг назад? Мы вообще ничего не получаем, кроме личных вещей? Нет. Тут, должно быть, какая-то ошибка.

Вид у Джерарда мрачный.

– Уверяю вас, ошибки быть не может. Диана ясно выразила свои пожелания. – Он моргает, выдерживает паузу.

– Мы можем это оспорить?

– Можете, – отвечает Джерард, явно ожидавший подобного вопроса. – Но процесс будет не быстрым.

– Мы выиграем?

– Возможно. – Он колеблется. – Как душеприказчик я не могу давать вам советы по этому поводу, но я бы предложил вам обратиться за юридической помощью, как только вы все обдумаете.

– Нам не нужно об этом думать, – говорит Олли. – Мы будем оспаривать завещание.

– Я... согласна, – поддерживает его Нетти.

– Я тоже, – говорит Патрик.

– Люси? – обращается ко мне Джерард. – А ты что думаешь?

Я поворачиваюсь на стуле и перевожу взгляд с Патрика на Нетти, потом на Олли. Их лица искажены болью и недоумением. Но есть в них что-то еще, что-то уродливое. Настолько уродливое, что мне приходится снова повернуться на стуле.

– Это не имеет ко мне никакого отношения, – говорю я Джерарду. – Решительно никакого.

ИАНА
ПРОШЛОЕ...

По-видимому, в нашем доме больше тридцати комнат. Непостижимо. Когда Том впервые привез меня посмотреть на дом, я наотрез отказалась здесь жить. Я проводила свои дни с женщинами, которые жили в домах размером с парковочное место, почему я должна жить во дворце? Но Том, как обычно, меня уговорил. Забавно, как быстро начинаешь воспринимать то или иное как должное. Забавно, как может исказиться мораль.

Сегодня мы с Томом устроились в «берлоге». Я – на одном конце дивана «Честерфилд», Том – на другом. Задрал ему брюки выше колен, я массирую ему икры. В последнее время у него проблемы с ногами. («Просто старость», – всегда говорит он, когда я настаиваю, что надо сходить к врачу). По ночам я часто вижу, как он расхаживает по спальне, поскольку у него сводит икры.

– Ммм, – бормочет он из-за газеты. – Гораздо лучше.

Прошло две недели с того, что Том с улыбкой называет рождественским Уотергейтом. Хорошо ему улыбаться, ведь с ним-то дети еще разговаривают. Это выводит меня из себя. Легко быть популярным, когда ты всегда на все соглашаешься. На самом деле именно из-за него мне надо быть такой. Без «злого копа» не обойтись. Будь и отец, и мать у них как Том Гудвин, какими бы они выросли?

Я так и не сказала Тому, что меня так разозлило. По правде говоря, я и сама с трудом могу с этим освоиться. За несколько дней до Рождества Кэти неожиданно позвонила мне и предложила встретиться и выпить кофе. («Не с девчонками, – сказала она. – Только мы вдвоем».) Я решила, что это как-то связано со здоровьем Кэти, может, у нее нашли опухоль или результаты каких-то анализов неблагоприятные. Такие ведь обычно новости у людей в нашем возрасте. Но оказалось, что Кэти тут ни при чем.

– На выходные я ездила в Дейлсфорд, – сказала она. – И там я кое-что видела. На самом деле мне, наверное, не следует ничего говорить, потому что я не уверена на сто процентов, но...

Потом она поспешила подчеркнуть, что тут, возможно, какое-то недоразумение, но она готова поклясться жизнью, что видела, как Патрик выходит из ресторана с дамой. И она готова поклясться, что той дамой

была не Нетти. И он обнимал даму за плечи. И выглядело все далеко не платонически.

Я решила не вмешиваться. В конце концов, Кэти не была уверена в том, что видела, и это не мое дело. Но потом, на Рождество, Нетти снова заговорила об ЭКО, и я запаниковала. Я не хотела никого расстраивать, у меня и в мыслях не было оскорблять Люси. Я хотела только заставить Нетти дважды подумать, прежде чем заводить ребенка с мужчиной, который, возможно, ей изменяет.

А в результате я действовала поспешно и всех от себя оттолкнула.

Тишина с Рождества была на удивление громкой. Учитывая, сколько я знаю женщин, которым решительно нечего делать (Джен, Лиз и Кэти), я чуть самодовольно радовалась, что моя собственная жизнь полна: благотворительность, мои обязанности (которые я выполняла сама, а не передавала на сторону), наш женский «клуб выпивки», дети, внуки. Слыша, как говорят, мол, пожилые люди одиноки, я всегда думала, что это не про меня. Я окружена людьми. Люди вроде меня мечтают об одиночестве. Но прошло две недели с Рождества, и я начинаю чувствовать себя... ну... одиноко.

– Я заметила, что сегодня приезжали Олли и Эймон, – говорю я Тому.

Том опускает газету. Появившееся из-за нее лицо кажется виноватым.

– Сколько ты им дал?

Я только-только привезла Файзу домой из больницы с новорожденным, а вернувшись домой, обнаружила на подъездной дорожке нелепую спортивную машину Эймона. Не нужно быть гением, чтобы понять, что он тут делал.

– Это инвестиция, – отвечает Том. – В их бизнес.

Я беру стопу Тома за пальцы и сгибаю ее в сторону икры, растягивая икроножную мышцу. Он стонет.

– Ты на меня сердишься? Я тебя расстроил?

– Нет. Я не расстроена, я устала.

Дело в том, что иногда быть матерью просто невозможно. Например, когда дети маленькие, думаешь не только о том, стоит ли позволить им есть шоколад на завтрак – «То-о-о-о-оль-ко-о-о разо-о-ок», – но и задаешься вопросом, не приведет ли это к испорченным зубам, вредным привычкам на всю жизнь и не внесет ли вклад в эпидемию детского ожирения. Когда они взрослые, становится еще хуже. Я беспокоюсь, что Нетти не сможет забеременеть, а еще я беспокоюсь, что у нее может родиться ребенок от волокиты, я беспокоюсь о том, вдруг мои дети ожидают, что их родители будут их содержать, когда они уже стали

взрослыми.

Том откладывает газету.

– А что бы ты сказала, если бы я сообщил, что дал деньги и Нетти тоже? Несколько месяцев назад, на ЭКО.

Я вздыхаю.

– Я бы сказала, что не удивлена.

– Но ты не одобряешь?

Я закрываю глаза.

– Нет. Не одобряю.

Я чувствую, что Том кладет мне руку на колено.

– Послушай, Ди. Подумай о том, какой была бы твоя жизнь, если бы твои родители не отослали тебя, а поддержали в желании иметь ребенка.

Я качаю головой:

– Это другое дело.

– А вот и нет, – возражает он. – Все дело в поддержке. Хочешь ты этого или нет.

Я открываю глаза.

– На самом деле речь идет о том, давать деньги или нет. И это не одно и то же.

На четырнадцатый день Нетти протягивает оливковую ветвь. Вернувшись после поездок по мелким делам, я застаю ее на барном табурете на кухне. На ней строгие, красиво сидящие брюки и белая рубашка, но босоножки она сняла и сидит, опершись локтями на стойку. Это напоминает мне о тех временах, когда подростком она после школы буквально ложилась на стойку, выискивая, что бы съесть.

– Нетти.

Барный табурет вращается, и она оказывается лицом ко мне. Она похудела. Ее глаза кажутся огромными, словно занимают больше места на лице. И волосы у нее выглядят тусклыми, как будто их давно не мыли.

– Привет, мам.

– Это сюрприз.

Я прохожу на кухню, и Нетти поворачивается на табурете, чтобы оставаться лицом ко мне.

– Я решила убедиться, что у вас все в порядке... что мы не в ссоре.

Положив сумочку на стойку, я устраиваюсь на табурете рядом с ней.

– Надеюсь, что так.

– Я тоже на это надеюсь.

Я киваю.

– Послушай, мне очень жаль, что так вышло на Рождество. Я не должна

была говорить тех слов. Я знаю, как сильно ты хочешь ребенка, дорогая.

Ее глаза наполняются слезами.

– Такое чувство, что мы пытаемся уже целую вечность. А мне почти сорок, мама. Наше время на исходе, по крайней мере мое. У Патрика есть все время на свете. Это несправедливо!

Я кладу руку ей на спину и нежно похлопываю.

– Как у тебя с Патриком?

Она шмыгает носом.

– Нормально.

И снова я спрашиваю себя, стоит ли рассказывать ей все, что я знаю о Патрике. Или, по крайней мере, то, что я слышала о Патрике. Я могла бы посоветовать ей самой все разузнать, разобраться, есть ли в этом хоть доля правды. Я могла бы просто передать слова Кэти и цепляться за тот факт, что это не мое дело. Я могла бы сказать ей, что меня устроит любое решение, какое бы она ни приняла. Но ничего из этого я не делаю. Возможно, факт в том, что я знаю, что, если расскажу Нетти об услышанном... я ее потеряю. Моя дочь очень и очень гордая. Я уже во многом ее потеряла – за счет взросления, за счет ее брака с Патриком. Я хочу сохранить то небольшое, что у меня осталось.

– У тебя когда-нибудь был выкидыш, мама?

– Нет, – признаюсь я. – Никогда. Но я понимаю, каково это, наверное...

Закрыв лицо руками, Нетти всхлипывает.

– Нет, не понимаешь. Ты понятия не имеешь, каково это, когда внутри тебя ребенок и ты молишься, умоляешь невидимые силы, пытаешься торговаться, лишь бы однажды тебе довелось обнять его, любить, растить, быть матерью.

Забавно, что молодое поколение считает, будто мы многого не знаем. Они считают, что нам не дано понять муки разбитого сердца или стресс, связанный с покупкой дома. Мы не способны понять, что значат бесплодие, депрессия или борьба за равенство. Если мы и испытывали что-то подобное, то это было в более слабой, мягкой версии, – нечто в сепиевых тонах, а не бурные переживания, которые могли бы сравниться с тем, что выпало им. «Ты понятия не имеешь, что я знаю», – хочу я сказать ей, но только раскрываю объятия и позволяю ей выплакаться у меня на плече.

ДИАНА
ПРОШЛОЕ...

– Вы не возражаете, если я задам вам один вопрос? – спрашивает меня Гезала.

Она кормит грудью дочку, а ее серьезный маленький сын Аараш бродит по моему дому, с удивлением разглядывая предметы, но ни к чему не прикасаясь. Теперь Гезала заглядывает ко мне время от времени, привозит свой кофе, печенье или пирожные, и я получаю огромное удовольствие от ее визитов.

– Давай, – говорю я.

– Почему вы помогаете беременным женщинам? Я вижу, что вам не нужно работать.

Обычно, когда кто-то спрашивает меня об этом, я отвечаю, мол, делаю это, чтобы чем-то себя занять, или что мне нравится что-то отдавать обществу. Но мы с Гезалой через многое прошли, и я не могу дать ей стандартный ответ. Забавно, иногда я ловлю себя на том, что говорю ей вещи, которые не поверяю никому... ни подругам, ни Нетти, ни даже Тому.

– Потому что когда-то я была молодой и беременной, без денег и мне некуда было обратиться за помощью. Мне было двадцать лет, я была не замужем. Родители меня отослали.

– Мне очень жаль. – Подавшись вперед, Гезала накрывает красновато-коричневой ладонью мою белую. – Куда они вас послали?

Я качаю головой:

– Ну не так уж далеко, пусть даже временами казалось, что я на другой планете. Меня отправили в дом для незамужних беременных девушек, где полагалось жить, пока не родится ребенок.

Гезала держит меня за руку. В ее глазах появляется понимание.

– А что бывало с детьми после рождения?

Не знаю почему, но я решаю рассказать ей правду.

1970 год

Когда после побега из Орчард-хауса я объявилась на пороге дома Мередит, кухня отца была не слишком рада меня видеть. Я до сих пор помню, каким взглядом она окинула меня в дверях. Этот взгляд надолго

задержался на моем животе.

– Итак, – сказала она наконец, – тебя тоже изгнали.

Я едва ее узнала. В прошлой жизни, всякий раз, когда я видела Мередит, ее волосы до плеч были завитыми и уложенными, одежда – свежесвыглаженной. Теперь ее волосы были коротко подстрижены, а одежда помята, бесформенна и практична.

– Хорошо, – сказала она со вздохом, полным усталости вообще от всего на свете. – Думаю, тебе лучше войти.

Как оказалось, Мередит не только выглядела по-другому, она стала другой. Глядя, как она сует по крошечному домику (готовит мне яичницу на тостах, достает полотенца и простыни), я гадала, а та ли это женщина. Ту Мередит, которую я знала, ту, которая жила в своем великолепном доме в Хоторне, даже несколько гостей доводили до смертельной усталости, и помню, как мама говорила, мол, ей частенько надо полежать, чтобы прийти в себя после визита пары подруг на послеобеденный чай. А сейчас она, напротив, казалась очень даже активной и бодрой. Она постелила мне в сарае на заднем дворе своего арендованного дома. Да и сам дом не многим отличался от сарая: всего четыре помещения – спальня, ванная комната, кухня и гостиная.

– Ты можешь остаться, пока не родишь ребенка и не встанешь на ноги, – сказала она. – Боюсь, после этого вам придется поискать себе другое место. Мне не по карману кормить еще два рта.

Следующие две недели я делала все, что могла, чтобы отработать свое пропитание: мыла у Мередит полы, приносила продукты из магазина, стирала. Я справилась с целой кучей одежды Мередит, которой требовалась починка: пришивала пуговицы или подол. Я прибралась в ее кладовке, подстригла газон. Если Мередит и заметила что-то, то никак это не прокомментировала. Но это, по крайней мере, занимало меня и отвлекало от того, что мне предстояло.

Я все еще не знала, чего ожидать от родов, хотя стоны, которые я слышала в коридорах Орчард-хауса от девочек, рожавших на ранних сроках, не внушали уверенности. В другой жизни – в жизни, в которой я была бы замужем и у меня были замужние подружки, – я могла бы спросить об этом у них. Мои подружки, которые провели лето за границей и теперь возвращались из Европы, возможно, гадали, где я. Я воображала, как свяжусь с ними, – пузатая или с новорожденным на руках. Я совсем не хотела слышать, как кто-то говорит мне, мол, это плохо кончится. При нынешних обстоятельствах даже самые близкие мои друзья – даже Синтия – не смогли бы найти для меня место в своей жизни. Мы же все из

сплоченного предместья, к тому же католического. Отказаться от ребенка и вернуться к прежней жизни само по себе непросто, а вернуться к ней с младенцем на руках просто невыносимо.

Приехав к Мередит, я написала матери о том, какое приняла решение и где живу. Много дней после отправки письма я была настороже, почти ожидала, что она появится на пороге Мередит и потащит меня обратно в Орчард-хаус... но она даже не написала в ответ, не говоря уже о том, чтобы приехать. Я поняла, что означает эта тишина. Я помнила, как видела письма от Мередит в мусорной корзине, нераспечатанные и без ответа. «Нет смысла поддерживать переписку с кем-то, кого больше нет в нашей жизни», – резко отвечала мать, если кто-то упоминал о них.

Теперь, очевидно, в ее жизни больше не было меня.

Через две недели после приезда к Мередит я проснулась от ощущения, что глубоко внутри меня что-то лопается. Ночь была холодная, и сквозь щель в двери сарая струился лунный свет, освещающий мою узкую койку. Между ног у меня было мокро. Я ухватилась за холодную стену, чтобы не упасть. Когда я встала, отошли воды, а когда я сделала несколько шагов, хлынули снова. Я сунула ноги в тапочки, завернулась в халат и направилась в туалет, примыкавший к дому. Болей пока не было, и я не видела смысла будить Мередит, если это ложная тревога.

Сняв трусы, я села. Там была кровь, немного крови и много чистой воды без запаха. Пока я смотрела на свой живот, он напрягся. Вот оно!

К крайнему моему удивлению, я не испытывала страха.

Когда десять дней спустя я вернулась в дом Мередит, в сарае стояла подержанная колыбелька. Рядом на моей единственной койке лежали аккуратно сложенные пеленки, две вязаные кофточки, вязаные штаны и шерстяная шапочка. Как же этот сарай не походил на место, куда я в девичьем воображении надеялась привезти своего первого ребенка, и все же при виде подарков малышу на глаза мне навернулись слезы.

– Это самый минимум, – сказала Мередит, – и тебе придется обойтись этим.

В первые несколько недель Мередит почти не общалась с Олли, что меня удивило, ведь ее явно тянуло к ребенку. Я часто замечала, как она заглядывает в его колыбельку и улыбается (а Мередит улыбалась редко).

– Можешь его подержать, – сказала я ей однажды.

Но она тут же замотала головой:

– Не моя обязанность его обнимать.

Мередит была очень придирчива к тому, что является моими

обязанностями. Очевидно, что одной из них была забота об Олли, но имелись и другие. Когда у ее машины спускало колесо, это я бралась за домкрат. Когда нужно было поменять лампочки или сбегать по делам, это делала я. Я убиралась в доме, занималась стиркой. Я ходила по магазинам – с Олли на руках, потому что у нас не было денег на коляску. Мередит никогда не благодарила меня, но было что-то особенное в том, как она просила меня что-то сделать. Я начала с нетерпением ждать новых просьб. «Можешь починить протекающую раковину, ты хорошо в этом разбираешься». «Поднимись на крышу и посмотри, сможешь ли ты что-нибудь сделать с разбитой черепицей». «Найди самое дешевое место, где можно починить эти туфли, я знаю, ты никому не позволишь нас ограбить». Я начала понимать, что она права: я легко соображала, как что-то починить, и действительно многое могла исправить, и я никому не позволяла грабить нас. Через пару месяцев жизни у Мередит я поймала себя на том, что ей почти не нужно указывать мне, что делать.

Однажды утром, когда Олли было около двух месяцев, я вместо того, чтобы пойти в продуктовый магазин, заснула на стуле. По субботам магазин закрывался в полдень, а я пообещала Мередит приготовить на ужин жареного цыпленка. Но ночью Олли часами плакал, и я решила, что могу поспать несколько минут, пока он будет дремать у меня на груди.

Проснувшись я, вздрогнув, незадолго до полудня.

– Ох, нет! Который час? Продуктовый магазин вот-вот закроется!

Вскочив со стула, я переложила Олли на другое плечо и принялась искать сумочку. Именно тогда я заметила Мередит, тихонько сидевшую за кухонным столом.

Она указала на целого сырого цыпленка.

– У тебя был такой вид, что тебе, похоже, не помешало поспать, – сказала она.

Иногда по вечерам мы с Мередит немного болтали. Однажды я спросила ее, каково это – потерять мужа и прежнюю жизнь.

– Это было худшее время в моей жизни, – ответила она задумчиво. – Мои друзья со мной не разговаривали, родители от меня отrekliсь. Не прошло и года, как Ричард женился на Синди и перевез ее в наш дом, а я работала на фабрике шесть дней в неделю.

– Это нечестно, – откликнулась я.

– За ту же самую работу мне платили только две трети жалованья, какое платили бы мужчине. И знаешь почему? Потому что они предполагают, что у женщины есть дома муж, который ее содержит! – Она рассмеялась – редкая, чудесная награда! – Но есть и обратная сторона.

Когда я жила с Ричардом, мне было что терять. Теперь все, что у меня есть, принадлежит только мне. Это стоит больше, чем ты думаешь.

Я начала понимать, что она имела в виду.

Когда Олли было три месяца, Мередит велела мне найти работу.

– Но какую работу я могу найти с ребенком? – спросила я.

– Если кто и способен сообразить какую, то именно ты, Диана.

– Может быть, я смогу работать по ночам, – сказала я после того, как три ночи проворочалась с боку на бок, пытаюсь что-нибудь придумать. Мне нравились замечания Мередит о моей изобретательности, и я была полна решимости не подвести ее. – Или по выходным?

– Но... что ты будешь делать с Олли? – спросила она озадаченно.

– Ну... – начала я, чувствуя себя глупо, – я подумала... ты мне поможешь.

– Дорогая, – улыбнулась она. – Помочь – это худшее, что я могу для тебя сделать.

После того как я рассказала Гезале свою историю, умалчивать о чем-то уже глупо. Я рассказываю ей, как написала матери, что у нее есть внук, но она не ответила. Я рассказываю, как каждый год посылала ей фотографии Олли. Как однажды села на поезд, идущий к дому моего детства, чтобы убедиться, что мои родители все еще живут там, и увидела машину отца, припаркованную на подъездной дорожке, и мать в саду, выдергивающую сорняки. Я рассказываю ей, как мама посмотрела прямо на меня, а потом опустила соломенную шляпку так, чтобы она закрыла лицо, и вернулась к прополке. Я рассказываю ей, как в последний раз видела маму перед ее смертью, четыре года спустя. И что после похорон мамы я больше никогда не видела отца.

– Мне так жаль, – говорит Гезала.

– Жизнь есть жизнь. Я решила двигаться дальше и создала собственную семью. Теперь у меня есть Том и дети.

– Но ваши дети вами недовольны?

Я вздыхаю.

– Из-за денег. Всегда дело в деньгах.

– Ваши дети хотят ваших денег?

– Естественно.

– А вы не хотите давать?

Я улыбаюсь. Есть что-то восхитительно простое в манере Гезалы: ни двусмысленности, ни осуждения. И эта манера дает мне свободу говорить так же просто.

– Оказаться без денег и выжить без помощи родителей – вот единственное, что сделало меня той, кто я есть. Это показало мне, на что я способна. И я считаю, что это самый важный подарок, который мать может дать своим детям. В отличие от денег, такое нельзя отнять или потерять.

– Как будто вы сама знаете ответ, – откликается Гезала.

– Но все гораздо сложнее. Нетти хочет ребенка, и у нее проблемы со здоровьем, она никак не может забеременеть. ЭКО стоит очень дорого, и она хочет, чтобы мы помогли ей с расходами. Часы тикают, ей уже сорок. И это еще не вся картина. У меня есть основания полагать, что муж ей изменяет.

Карие глаза Гезалы расширяются:

– Она знает?

– Не уверена. Самое забавное... я сомневаюсь, что она захочет узнать. Эта история с беременностью сводит ее с ума. Она уперлась в свой великий приз – ребенка – и не способна думать о чем-либо еще.

– Поэтому... вместо того чтобы с ней поговорить... вы позаботились о том, что она не забеременеет, не давая ей денег?

– Как я уже сказала, у меня множество причин не давать ей денег. Но, честно говоря, да, я бы не хотела, чтобы она приковала себя к мужчине, который, возможно, ей изменяет. Она уже борется. Я не вынесу, если она забеременеет, откажется от своей карьеры, возможности зарабатывать себе на жизнь, от своей свободы, а он бросит ее ради другой женщины.

Я смотрю на Гезалу, ожидая мудрости, комментариев, хотя бы вопроса. Но Гезала вообще ничего не говорит, и я понимаю, что это гораздо более весомый ответ.

ЛЮСИ НАСТОЯЩЕЕ...

– Никаких айпадов, – говорю я детям под хор стонов. Они только что вернулись из школы, и моя прихожая завалена школьными ранцами, а раковина – коробками для завтраков, на диване теснятся дети. – Идите поиграйте или почитайте книжку.

Они приходят в ярость, и я спрашиваю себя... почему, собственно, так поступаю? Кого волнует, что они пелятся в айпад двадцать четыре часа подряд? Их глазные яблоки не начнут кровоточить и не станут квадратными, мозги у них не сгниют. Это не имеет ни малейшего значения. И все же я продолжаю квохтать над ними на автопилоте, что для меня так же естественно, как дышать.

Когда мы вернулись домой после оглашения завещания, Олли сразу же заперся в кабинете. В машине он почти всю дорогу молчал, сказал только, что все еще в шоке и ему нужно время, чтобы подумать. Он еще не вернулся на работу после смерти Дианы, и это начинает меня беспокоить. В прошлом году он просто рвался на работу, регулярно работал по выходным и почти каждый вечер. Я надеялась, что теперь, четыре года спустя, он мог бы чуть отойти в сторону и наслаждаться тем, что они сумели создать, но они как будто вечно неслись к следующей цели. («Когда подпишем договор с этим клиентом, сможем свозить детей в Диснейленд». «Когда заполучим тот контракт, всем шампанского».) Но они продолжали подписывать договоры с клиентами и получать контракты, и Олли продолжал подбирать кандидатов, а прибыль все равно казалась скудной.

Год назад я предложила Олли и Эймону нанять кого-нибудь, чтобы взглянуть на бухгалтерию, составить опись доходов и расходов. Олли эта идея понравилась, и, вернувшись домой, он доложил, что Эймон как раз за тем нанял знакомого бухгалтера. Но, поработав, бухгалтер сказал то же, что и Эймон: «Больше клиентов, значит, больше денег». Хорошая философия, но, учитывая, что Олли был единственным рекрутером и что не было денег нанять кого-то ему в помощь, работа его выматывала. А теперь, когда он услышал, что родители лишили его наследства, это, по-видимому, стало последней каплей.

Из гостиной я слышу, как звонит, потом тут же замолкает мобильный телефон Олли. Вероятно, он сбросил звонок, как делал это весь день. Я воображаю, как муж сидит в своем вращающемся кресле, точнее, лежит, прижавшись лбом к столу. Мы с Олли никогда не говорили открыто о том, что однажды получим большую сумму (это всегда казалось дурным тоном), но даже я должна признать, что время от времени думала об этом, и меня всегда успокаивало сознание того, что, даже если мы бедны сейчас, хорошая старость нам обеспечена. Мысль о том, что Диана вычеркнет всех из своего завещания, никогда не приходила мне в голову, и Олли, очевидно, тоже.

Раздается резкий стук в дверь. Внутри у меня все сжимается. В последнее время стук в дверь всегда предвещал дурные известия, а учитывая, с какой силой барабанят в дверь, маловероятно, что на сей раз будет что-то иное.

Я медленно иду по коридору. В окно сбоку от двери я замечаю яркосиний пиджак Эймона. Когда я распахиваю дверь, он расправляет плечи и выгибает уголки губ вверх, – думаю, он считает это улыбкой.

– Привет, Люси.

– Привет, Эймон, – говорю я. – Все в порядке?

Лицо у него напряженное, а то, что он словно бы чуть подергивается, несколько нервирует.

– Конечно, конечно. Все замечательно. Фантастически.

«Фантастически». С тех пор как Олли стал партнером Эймона, он тоже начал вворачивать это слово, в основном по телефону. («Все фантастически, а у тебя как дела, Стив?») Кто-то, наверное, сказал им на курсах пиара, что очень важно круглые сутки быть «фантастическим».)

– Олли дома? – спрашивает Эймон.

Олли – уже позади меня; я чувствую его присутствие еще до того, как поворачиваюсь. Я делаю шаг назад и вижу, что мужчины уставились друг на друга, щерясь, как кошки.

– Добрый день, – без улыбки говорит Олли.

– И тебе того же, – так же холодно отвечает Эймон. – Извини за вторжение. Просто хотел перекинуться парой слов.

Олли поворачивается и уходит назад по коридору, Эймон следует за ним. Меня охватывает желание пойти за ними, потребовать объяснений, узнать, что происходит. Но Олли закрывает дверь кабинета.

– Ма-а-ама-а-а-а?

Я вздрагиваю.

На пороге стоит возмущенная Харриет.

– В чем дело?

– Арчи смотрит айпад!

– О... – Я иду в гостиную. Эди умудрилась включить телевизор и с открытым ртом смотрит детский сериал. – Где он?

– Он прячется у себя под одеялом! – кричит Харриет. – Так нечестно! Ма-а-ама-а-а!

Следом за Харриет я иду в комнату Арчи, где она обвиняющим жестом указывает на подозрительный холмик в центре кровати. Я стягиваю одеяло, и Арчи виновато поднимает голову.

– Я же сказала, никакого айпада, – говорю я без особой убежденности.

Дело в том, что я подумываю о пересмотре правил относительно айпадов. Пока дети заняты, я могла бы разобраться в собственных мыслях, не говоря уже о том, чтобы подслушать разговор между Олли и Эймоном.

– Теперь он мой до конца дня! – кричит Харриет, бросаясь к айпаду.

– А вот и нет! – кричит Арчи.

Схватив айпад, я выхожу из комнаты, а Арчи и Харриет, шипя от ярости, плетутся за мной по коридору. Я останавливаюсь перед дверью кабинета Олли. Шум оттуда стал громче, так что мне не приходится напрягаться, чтобы расслышать звук удара кулаком... О стену? О стол? Потом я слышу голос Олли:

– Откуда мне, черт побери, знать?!

Дети замирают. Я сосредотачиваюсь на том, чтобы, осторожно обойдя детей и подталкивая их к гостиной, сохранить нейтральное выражение лица.

– Это чушь собачья, – кричит Эймон. – Это гребаное дерьмо!

Раздается ужасный грохот, и мы с детьми резко останавливаемся в тот момент, когда дверь распаивается и из нее вываливается Эймон. Руки Олли крепко сжимают его горло.

ЛЮСИ ПРОШЛОЕ...

Нет ничего хуже, чем просить об услуге, когда пытаешься морально одержать верх. С Рождества прошло три месяца, и мы переживаем тот период жары, когда кажется, что лето никогда не кончится, когда люди болтаются по супермаркету в купальниках и шлепанцах, покупая арбузы, роллы с ветчиной и крем от солнца. Мне бы тоже хотелось погулять в супермаркете (там есть кондиционер), но мне настолько скверно, что я даже не могу оторвать голову от дивана. Потому что я на восьмой неделе беременности.

Если бы не Харриет, я бы справилась. Арчи мог бы смотреть по телевизору повторы «Уигглз» и не беспокоил бы меня несколько дней (разве что, может быть, поест попросил бы), но Харриет всего десять месяцев, и она еще не овладела искусством непрерывного смотрения в экран. У Олли – плотный график собеседований на целый день, но он обещал вернуться, как только сможет, а мой отец на неделю уехал в Портарлингтон. Я подумываю, не нанять ли няню из агентства, но при виде платы за час на глаза у меня наворачиваются слезы, а Олли в последнее время за каждым пенни присматривает. Наконец я понимаю, что выхода нет, и звоню Диане.

– Алло?

Как всегда, она отвечает на телефонный звонок с явной неловкостью. Я лежу на спине на полу, Арчи пристроился у меня на коленях, а Харриет раз за разом бьет меня игрушкой по голове.

– Привет, Диана, – говорю я. – Как поживаешь?

– Люси? – Повисает короткая пауза. – Ты больна?

Ну конечно же, Диана всегда переходит к самой сути.

– На самом деле да. Поэтому я и звоню. У меня грипп, и я... чувствую себя просто ужасно.

Я решила не говорить Диане, что беременна, до конца первого триместра. В предыдущие две беременности мне не терпелось ей рассказать (я думала, что ей понравится, что ее так рано посвятили в тайну), но оба раза она просто улыбалась и заверяла меня, что сохранит секрет, пока не минует опасный период. Никаких поздравлений. Никаких

объятий. (Как ни странно, время от времени в ходе обеих беременностей она привозила мне пакеты винограда.) Поэтому на сей раз я решила, пусть узнает на отметке в три месяца, – как и все остальные.

– И тебе нужна помощь с детьми. – Это не вопрос и не предложение, хотя надо отдать ей должное, что она не тратит время попусту.

– Да.

Я слышу шорох на заднем плане, возможно, Диана листает свой органайзер. Нет сомнений, сейчас выяснится, что у нее все часы расписаны, но я все же надеюсь, что она найдет где-нибудь получасовой перерыв («между половиной третьего и тремя часами пополудни, но забрать детей надо ровно в три, потому что мне нужно отвезти детскую коляску через весь город, и я хотела бы вернуться до часа пик»). Факт в том, что я не настолько горда, чтобы отказаться от этого получаса. Я возьму все, что дадут.

– Я свободна, – говорит она мгновение спустя. – Я приеду и заберу их прямо сейчас.

Я моргаю.

– Ты сама... их заберешь?

– Мне просто нужно перенести доставку, но это не займет много времени. Я буду у тебя через час.

Когда Диана стучит в мою дверь, я все еще лежу пластом, но переместилась на диван. Арчи приклеился к айпаду, а Харриет сидит у меня на животе и скулит, требуя внимания. По полу раскиданы подушки, на журнальном столике – крошки от тостов, тарелки, кружки и, как ни странно, одна из моих свадебных туфель (дети!). Я даже не пытаюсь прикрыть беспорядок. Сил у меня хватает только на то, чтобы открыть дверь.

В руках у Дианы пакеты из аптеки.

– Заехала по дороге. Тут у меня парацетамол, конечно, это всего лишь жаропонижающее, но меня он всегда успокаивает. У меня еще есть таблетки от простуды и гриппа. Прими сразу две после нашего ухода. – Диана забирает у меня Харриет. – Так, ладно, сейчас я соберу сумку для детей.

Диана ловко ходит по дому, отыскивает сумку и набивает ее детской одеждой. Она находит бутылочки, детскую смесь и пару баночек детского питания, которые быстро загружает в сумку с подгузниками, а еще кладет туда несколько пеленок, салфеток и пустышек. Я могу только бессильно лежать и смотреть.

– Слушайте меня, дети, – говорит она, когда две сумки уложены. – Вы

едете ночевать к Дидо.

Этого достаточно, чтобы оторвать Арчи от экрана. С ночевкой?! Диана никогда раньше не приглашала детей у нее переночевать. Даже Арчи. Ночевки у бабушки случались только в моих снах. Судя по тому, как он теперь носится кругами, Арчи, очевидно, тоже видел такие сны. Арчи обожает дом Тома и Дианы. Играть там в прятки – умопомрачительно, и он на удивление невосприимчив к нескончаемым монологам Дианы о том, что он не должен ничего трогать или ломать. Меня беспокоит лестница (мраморная, конечно же!), а Харриет только-только научилась ползать, но в настоящий момент я решаю, что риск того стоит.

– Будь осторожна с Харриет на лестнице, – говорю я Диане, пока она одевает детей.

Внезапно я понимаю, что я ни за что ее не поблагодарила. Я открываю рот, но не успеваю и вымолвить хоть слово, как меня пронзает другая мысль:

– И не подпускай их к бассейну!

Называйте меня сумасшедшей, но сочетание детей и бассейнов меня пугает. У Тома и Дианы есть закрытый бассейн (конечно же!), и им удалось обойти закон об обязательном ограждении бассейна, установив высоко дверные ручки и автоматически закрывающиеся двери. Все это прекрасно, вот только Арчи любит ходить к бассейну, чтобы посмотреть на гигантский аквариум, который они установили (ну конечно!), и если Диана отвлечется на Харриет, даже думать не хочется, что может произойти.

– Никакого бассейна, – соглашается Диана и исчезает за дверью с моими детьми.

И тут я понимаю, что так ее и не поблагодарила.

Я сплю. Непостижимый всепоглощающий оргазм сна. Такое бывает при беременности. Я много лет так не спала. Сны мне снятся странные, они постоянно меняются, а еще я просыпаюсь каждые несколько часов только для того, чтобы понять, что моих детей здесь нет и я могу спать бесконечно. Это невыносимая роскошь. Я ловлю себя на том, что хочу наслаждаться каждой секундой.

Около пяти вечера, когда я снова просыпаюсь, звонит телефон. Я хватаю его с прикроватной тумбочки и, еще не открыв глаз, прижимаю к уху.

– Алло? – Выходит у меня больше похоже на «Ннммннммо».

– Люси?

Я открываю глаза. Я сразу понимаю, что звонит Диана, хотя ее голос

звучит непривычно – на пару тонов выше, чем обычно.

– Да?..

На заднем плане я слышу голоса...

Незнакомые голоса что-то настойчиво и встревоженно бубнят. Я чувствую, как по спине у меня пробегает холодок, словно позвоночник мне окатили водой со льдом. Я приподнимаюсь на локтях.

– В чем дело, Диана? Что случилось?

– Мы едем в больницу, Люси, – говорит она. В ее голосе сквозит страх. – Тебе нужно приехать туда к нам.

**ЛЮСИ
НАСТОЯЩЕЕ...**

Эймон ушел. К счастью, мне не пришлось прерывать драку: как только Олли увидел, что мы наблюдаем, он отпустил Эймона, который отряхнулся и вышел через парадную дверь. Олли тоже отряхнулся, повернулся и молча ушел к себе в кабинет. Я оставила его в покое ровно настолько, чтобы дети оказались перед экранами, и теперь решительно стучу в дверь.

– Входи, – говорит он.

Олли сидит в кресле, уперев локти в колени и обхватив голову руками. Он не поднимает глаз.

– Что происходит? – спрашиваю я.

Он не поднимает головы, что несколько меня не успокаивает. Я думаю обо всем, что знаю о нем: о том, как он ест сухие хлопья на завтрак (без молока), о том, что он круглый год спит голым, о его лютой ненависти к сельдерею, такой сильной, что, едва переступив порог, он может сказать, приносил ли его кто-нибудь в дом. Но, очевидно, есть много вещей, которых я о нем не знаю.

– Прости, – шепчет он.

– За что ты просишь прощения?

Наконец он поднимает глаза. Лицо у него заплаканное. В голову мне тут же приходит самое худшее. Точнее, одна конкретная мысль, и приходит она очень быстро. Перед глазами у меня возникает жуткая картинка: Олли прижимает к лицу матери подушку с золотой нитью.

Возможно ли это? Конечно, ведь Диана заставляла меня делать вещи, которые я считала невозможными.

Олли переводит дыхание.

– Я прошу прощения за то, что мы разорены.

Мне нужны пара секунд, чтобы до меня дошло, а когда доходит, меня захлестывает облегчение. Я опускаюсь перед ним на колени и беру его руки в свои. Они потные и теплые, и я целую их.

– О, Олли! Нет, мы не разорены. Конечно, у нас нет миллионов и миллионов долларов, но мы не разорены. До сих пор мы же как-то выживали, да? И нам не так уж много нужно!

На мгновение воцаряется тишина. Олли смотрит в пол.

– Что? Дело не в наследстве. Что ж... Я надеялся, что оно спасет нас. Но... – Он осекается.

Мысли у меня путаются, мне вдруг вспоминается конверт из банка, который я вскрыла несколько дней назад. Понемногу меня охватывает паника.

– Фирма?

Олли кивает.

– Насколько все плохо?

– Плохо, – говорит Олли. – В первый год мы так много в нее вложили, пока запускали дело. На самом деле я понятия не имею, как вышло, что мы потратили так много, деньги просто улетели со счета.

Я сажусь на корточки.

– Мы продолжали получать новые контракты, и я работал как проклятый. И мы зарабатывали. Но, похоже, недостаточно. Я должен был внимательнее следить за расходами, но я думал, что Эймон все держит под контролем. – Он проводит рукой по волосам. – Когда мама умерла, я думал, что мы сможем расплатиться с долгами и раз и навсегда покончить с этой фирмой. Но теперь... теперь у нас ничего нет.

Нас окутывает тишина. Я подношу руку к виску. Теперь мы не только не унаследуем несколько миллионов долларов, теперь у нас еще и огромные долги.

– А у Эймона нет денег? Он не может... инвестировать? – спрашиваю я.

– Эймон тоже рассчитывал на мое наследство. Я говорил, мол, смогу погасить долг, чтобы он мог продолжать бизнес.

Я закрываю глаза. Из гостиной доносятся слабые звуки «Улицы Сезам» и раздражающая мелодия какой-то игры Арчи на айпаде.

– И наши сбережения...

– Наши сбережения давно кончились.

Олли начинает плакать, по его щекам катятся настоящие слезы.

– У нас огромные долги. Папа умер. Мама умерла. Нет никого, кто бы нам помог.

Я злюсь на Олли, но подползаю к нему и обнимаю за шею. Он прав, теперь нам некому помочь. Самое смешное, что именно этого Диана хотела с самого начала.

ИАНА
ПРОШЛОЕ...

По правде говоря, я с самого начала собиралась позволить Арчи поплавать. Я знала позицию Люси, но не представляла, в чем тут вред. Я глаз с него не спущу. До того как Арчи научился говорить и мог меня выдать, я делала уйму разных вещей, которые, я знала, не понравятся Люси. Я делала это не назло ей. Просто она беспокоилась о многих вещах, которые не имели значения.

«Проследи, чтобы он надел пальто», – всегда говорила она, когда мы с Арчи исчезали из дома. Я кивала и соглашалась, но, когда Арчи сбрасывал пальто в парке, я не собиралась гоняться за ним, чтобы снова его надеть. Естественные последствия были лучше. Если ребенок замерзнет, он сам наденет пальто.

– Он поспал два часа после часу? – требовательно спрашивала она.

– Вроде того, – отвечал я. Такая шумиха из-за сна.

– Никакой вредной еды, – говорила она, когда я водила Арчи в кино. Но какой ребенок не ел попкорн и мороженое, когда ходил в кино с бабушкой?

Но, очевидно, она была права. И мне следовало к ней прислушаться.

Арчи весь день упрашивал пустить его в бассейн. А почему бы и нет? Мне самой нравилось плавать, и, без тени сомнений, плавать он будет под моим присмотром. После я суну его под душ, и он заснет на последнем издыхании, а Люси ничего даже не заметит. Так я решила. И вот мы здесь. В больнице.

Я думала, что все сделала правильно. Я дождалась, когда Том вернется домой. Харриет была слишком мала, чтобы плавать, и, кроме того, я сочла, что не справлюсь, если в бассейне будут оба ребенка одновременно.

– Том, – сказала я, когда он вошел. – Можешь поддержать Харриет, чтобы я могла поплавать с Арчи?

Для человека, который так любил обнимать внуков, Том проявил удивительную сдержанность.

– О... А ты не можешь просто положить ее в коляску?

– Думаю, она предпочла бы посидеть на руках у дедушки.

Арчи уже сбрасывал с себя все и бежал к бассейну, оставляя за собой след из одежды.

– Арчи, не беги! – крикнула я ему вслед.

Кафельный пол иногда становился скользким от влаги. В одном конце находился гигантский аквариум, – на мой взгляд, покупать такой огромный было уж чересчур, но Том настоял, и детям он понравился.

– Отведи Харриет туда и покажи ей рыб, – предложила я.

Том неохотно подчинился. Он был в странном настроении, и я не могла понять, что его беспокоит. Я надела на Арчи нарукавники, и он нырнул в бассейн, а я стала медленно спускаться по ступенькам. Том отнес Харриет к аквариуму. Она была пухленькой, ниже ростом и гораздо толще Арчи. Я смотрела, как ее толстые ножки настойчиво брыкаются, когда она смотрит на проплывающую мимо рыбу.

– Смотри, Дидо, – сказал Арчи, и я увидела, как он изображает, как идет по улице, а потом случайно падает в бассейн. Забавный малыш.

Я взглянула на Тома в дальнем конце бассейна и заметила, что он странно держит Харриет – вроде как прижимает ее к себе практически локтями. К тому времени, когда я поняла, что девочка соскальзывает, было уже слишком поздно. Подтянувшись, я выбралась из бассейна, но все еще была в нескольких метрах от них, когда Харриет выскользнула из его хватки и с треском ударилась головой о кафельную плитку.

В машине «Скорой помощи» я пою песенку «У старого Макдональда была ферма».

– У старого Макдональда была ферма. Йей-йо-йей-йо-йо.

Кровь. Много крови. Помнится, мне кто-то однажды сказал, что кровотечение из головы всегда обильное. Там много кровеносных сосудов близко к поверхности кожи или что-то в этом роде.

– Тут кря-кря, там кря-кря...

Харриет очнулась, и это хороший знак, но она сама не своя, ее дважды вырвало, и на виске у нее уже расплывается большой синяк. Она кажется сонной, но и в обычных обстоятельствах сейчас время ее дневного сна. Моя задача, по словам санитаря, не давать ей спать. Поэтому я пою.

– Тут кря-кря, там кря-кря, везде кря-кря...

Забавно, на что только не перескакивают мысли... В голове у меня крутится то, что я, возможно, навсегда покалечила свою внучку, потом возникает вопрос о том, почему Том вообще ее уронил. В основном я думаю о том, что скажу Люси. Я знаю, каково это, когда тебе говорят, что ребенок с тобой не останется. Я помню то чувство, как будто это было вчера. Я не могу стать причиной того, что Люси услышит такие слова.

Я провожу пальцами по мягким детским волосам Харриет.

– Йей-йо-йей-йо.

Люси и Олли прибегают в больницу, страшно взволнованные. Олли в рабочей одежде, без пиджака – он, должно быть, так торопился, что не успел его надеть. Люси все еще в спортивном костюме, который был на ней, когда я забирала детей сегодня утром.

Кажется, это утро было целую вечность назад.

– Люси, – начинаю я, но, проигнорировав меня, она бросается к Харриет.

Я съеживаюсь. Харриет выглядит ужасно. Голова забинтована, сквозь марлю сочится кровь. Люси в ужасе отшатывается.

– Она что... без сознания?

Сначала мне кажется, что Люси обращается ко мне, но потом я понимаю, что в дверях стоит усталая доктор. Она одета в белые форменные пиджак и брюки, и очки болтаются на шее на цепочке.

– Вашей дочери дали успокоительное, чтобы сделать МРТ, – говорит врач. – Мы так поступаем с маленькими детьми, чтобы они лежали спокойно. Постарайтесь не волноваться.

– Зачем ей МРТ?

– Это простая предосторожность. У нее вдавленная трещина в черепе, возможно, потребуется операция, чтобы поднять кость и предотвратить давление на мозг. Нам также нужно проверить на наличие разрывов и ушибов головного мозга, – говорит врач. – Такое случается при трещинах в черепе. Вашу дочь рвало в машине «Скорой помощи», поэтому мы хотим убедиться, что ничего не пропустили. Скорее всего, с ней все в порядке, но с травмами головы излишняя осторожность не повредит.

К ней кто-то подходит сзади, медсестра подает врачу какие-то знаки. Она кивает и снова смотрит на Люси.

– Я только проверю, все ли у нас готово, а потом мы вернемся за Харриет.

Люси поворачивается к Харриет. Олли делает несколько шагов, чтобы встать рядом с ней, и она протягивает руку, чтобы схватить его за локоть.

– Люси, – начинаю я, но она поднимает руку, заставляя меня замолчать.

– Почему вы были у бассейна? – Она даже не смотрит на меня, когда спрашивает об этом.

– Мне очень жаль. Я знаю, ты сказала не плавать, я просто подумала...

– Что тебе лучше знать? – Она резко оборачивается. Ее глаза дико сверкают. – Что ты имеешь право не подчиняться моим решениям относительно моих детей?

– Ты не представляешь, как мне жаль, Люси. Честно говоря, да. Но теперь все кончено, и я думаю, будет лучше, если мы просто...

– Что? – Из груди Люси вырывается то ли смех, то ли хрип. – Обо всем забудем?

– Ну...

– Ты слышала, что сказал доктор? Харриет нужна магниторезонансная томография головного мозга. Моя дочь могла умереть, потому что ты думала, что знаешь, как лучше.

Она делает шаг ко мне. Люси обычно трудно поймать – как ребенок, она в постоянном движении, – но сейчас она пугающе спокойна и тиха. Я ловлю себя на том, что делаю шаг назад.

– Я знаю, что мы никогда не были близки, Диана. Сначала был день моей свадьбы. Когда ты дала мне ожерелье, я подумала, у нас возникло мгновение близости. А ты почувствовала необходимость напомнить мне, что я должна его вернуть, что я, кстати, знала, но подчеркивать это, как будто я планировала его украсть, было не лучшим способом снискать мое доверие. – Она делает еще шаг ко мне. – Когда мы попросили денег, чтобы купить крошечный коттедж, в каких живут работяги, ты заставила меня почувствовать себя охотницей за деньгами. Знаешь что? Я даже не хочу твои деньги. Это была идея Олли. – Все тело Люси вибрирует. – Когда я только-только родила, ты принесла мне сырую курицу. Сырую курицу!

Я взаправду вижу вспышки в мозгу Люси, искры, лязг металла о металл, когда сталкиваются, наслаиваются воспоминания. Все это складывается во вращающееся торнадо, становится мощнее вместе, чем было в отдельности.

– Из-за тебя у моего ребенка может быть повреждение мозга. Такое мы никогда не сможем забыть.

– Люси... – произносит Олли.

Я почти забыла, что он здесь. В глубине души я понимаю, что Олли, плод моего чрева, в какой-то момент стал почти незначительным. Он, Том и Патрик – шестеренки и спицы, а Люси, Нетти и я – колеса.

– Тебе нужно успокоиться, Люси.

Люси делает еще шаг ко мне.

В дверях появляется медсестра.

– Здесь все в порядке?

– Люси, – говорю я, поднимая руки, – просто сделай вдох...

Но Люси поднимает руку ладонью вперед – несгибаемую, как сигнал «стоп». Ладонь наталкивается на мои руки, и я отшатываюсь назад. Я чувствую острую боль в лодыжке и падаю.

– Вызовите охрану, – слышу я чей-то голос.

Люси исчезает, и совсем близко от меня возникают незнакомые лица.

– Мэм, с вами все в порядке?

– Мне нужен врач!

– Ты в порядке, мама?

– Не пытайтесь сдвинуть ее с места.

Они поднимают шум из ничего. Со мной все в порядке. Кажется, я лежу на полу. Перед глазами у меня пляшут цветные пятна. А потом просто... чернота.

ЛЮСИ НАСТОЯЩЕЕ...

На похороны Дианы я надеваю ожерелье, которое она одолжила мне в день свадьбы. Она оставила его мне в наследство. Когда я вынула его из конверта сегодня утром, к нему была приложена небольшая записка: «По крайней мере, на этот раз тебе не придется его отдавать».

Одно можно сказать о Диане: у нее было неожиданное чувство юмора. Я планировала надеть ожерелье вместе с ярко-розовым платьем, но вместо этого надела простое черное. Я терпеть не могу одеваться во все черное, даже на похороны, а потому добавила к платью ярко-розовые лодочки.

У похоронного бюро собрались десятки людей, все они знают меня по имени и говорят о том, как мы встречались в Сорренто или на вечеринке по случаю шестидесятилетия Тома, или на каком-то другом подобном мероприятии. Я киваю, улыбаюсь и спрашиваю об их семьях, но светская беседа болезненно ограничена. Обычные, повседневные темы на таких мероприятиях не обсуждаются, их считают слишком тривиальными для данного случая, за исключением, как ни странно, погоды, которую свободно обсуждают на похоронах, в сущности это одна из немногих безопасных тем для обсуждения. «Солнце светит сегодня Диане». Или даже: «Небо плачет». (Но вот что интересно: солнце не светит и небо не плачет, сегодня просто тусклый серый день. Я лениво спрашиваю себя, говорит ли это что-то о моей свекрови.)

Нетти, как и следовало ожидать, на грани. Она, по крайней мере, приделась, приехала не в трениках, а в кремовой тунике и коричневых кожаных бриджах, но выглядит она усталой и изможденной. Время от времени она заливается слезами, и мне хочется ее утешить. Но она даже не принимает поддержки от Патрика, который бесполезно стоит рядом, вежливо улыбаясь людям, которые выражают соболезнования.

Дети бегают за мной по пятам, скучающие и взволнованные, щиплют и толкают друг друга, но успокаиваются, когда я протягиваю им пригоршню липких мармеладных мишек из сумки. В зале прощаний я вижу типичных представителей верхушки среднего класса лет семидесяти, если не считать несколько лиц, достаточно редких в наших краях, чтобы предположить, что это беженки, с которыми работала Диана. Когда мы пробираемся к

своим местам на передних скамьях, я замечаю Эймона. Никаких физических следов его вчерашней драки с Олли не видно, кроме, возможно, выражения легкого вызова на лице. Я бы удивилась, зачем он вообще пришел, если бы не знала, сколь большое значение он придает видимости хорошего тона. Джонс и Ахмед тоже здесь, что оборачивается для меня сюрпризом. Они в своих обычных черных костюмах, которые вполне пристали тем, кто в трауре, но что-то с головой выдает в них копов. Возможно, дело в том, что я чувствую их присутствие, как если бы по спине у меня ползли муравьи.

Служба медленная и скучная, в немалой степени из-за отсутствия гимнов. Олли произносит надгробную речь настолько искренне, насколько это возможно, то есть достаточно обобщенно. Уйма «я люблю тебя», уйма историй про то, как Диана занималась благотворительностью. Слушая, я невольно вспоминаю надгробную речь Олли на похоронах Тома. Тогда в зале не осталось ни одной пары сухих глаз. Сам Олли едва мог говорить от слез, и в результате я большую часть времени простояла у него за спиной, положив руку ему на плечо. Но сегодня ему не удастся выжать даже затуманенный взгляд.

Я пытаюсь представить себе надгробную речь, которую я произнесла бы Диане, если бы мне дали эту роль. Я смотрю на ее фотографию в рамке на гробе. Подбородок вздернут, взгляд настороженный, губы изогнуты в едва заметной улыбке. Снимок настолько точно передает, какой Диана была при жизни, что я невольно испытываю... что-то. Трудно поверить, что я больше не увижу эту сдержанную улыбку. Также трудно поверить, что она покинула этот мир не на своих собственных условиях.

Меня охватывает трепет: поначалу слабый, он постепенно захватывает мое тело, прорывается как крик. Я осторожно подношу руку к губам, но из груди вырывается мучительно громкое рыдание. Дети с любопытством смотрят на меня. Даже Олли умолкает и хмурится. Я хочу собраться, но это как несущийся поезд. Я сгибаюсь пополам, поглощенная им. Сильнейшая эмоция. Полная, необъяснимая утрата.

Олли и Патрик несут гроб вместе с двумя друзьями Тома. Остальные два места (очевидно, требуется шесть носильщиков) предоставили персоналу похоронного бюро. Я думаю, что, возможно, эту роль следовало бы предложить нам с Нетти, но никто не спросил меня, поэтому я могу только предположить, что никто не спросил и Нетти. Итак, Диану выносят и водружают на катафалк, и мы вынуждены терпеть светскую беседу еще сорок пять минут, пока мои дети носятся по лужайке, словно на детском утреннике в саду. Харриет забралась на дерево и сидит на ветке бок о бок с

другим ребенком, которого я видела на площадке, возможно, внуком одной из подруг Дианы. Подолы их платьев перепачканы грязью.

Люди начинают понемногу расходиться, большинство направляются в банкетный зал отеля «Полумесяц», где мы сегодня после полудня выставим бутерброды и напитки. Но несколько человек, которые не собираются в «Полумесяц», мешкают вокруг, чтобы выразить свои соболезнования. Соболезнование за соболезнованием, да еще без алкоголя – процесс, откровенно говоря, изнурительный. Судя по выражению лица Олли, мой муж тоже так думает, поэтому я говорю ему, что он может идти и оставить меня попрощаться с последними гостями.

– А как же дети? – спрашивает он.

– Я займусь детьми. Иди.

В конце концов он все-таки уходит со старым другом Тома.

А я остаюсь на месте, за мою ногу цепляется Эди, и тут ко мне подходит очередная женщина в трауре. Молодая, лет на пять-десять моложе меня, и кожа у нее бежево-коричневая. Мужчина рядом с ней кажется мне смутно знакомым.

– Вы Люси, – говорит женщина.

– Да, – отвечаю я. Мой взгляд возвращается к женщине. Сомневаюсь, что видела ее раньше, но, с другой стороны, сегодня здесь было много людей, которых я не узнала. – Мы встречались?

Она улыбается.

– Я видела вашу фотографию в доме Дианы. – На ней черное платье с длинными рукавами, черные сапоги и изумрудно-зеленый платок. – Я Гезала. Это мой муж Хакем.

– Приятно познакомиться с вами обоими. Как вы познакомились с Дианой?

– Я была беременна, когда приехала в Австралию, – говорит Гезала. – Диана была добра ко мне. Она была рядом, когда я родила своего сына Араша на кухонном полу.

– Так это были вы?! – восклицаю я. – Да, я слышала об этом.

Диана сидит на полу, да еще принимает роды – такую картинку трудно забыть.

Гезала улыбается.

– Она была очень хорошей женщиной.

– А вы чем занимаетесь, Люси? – спрашивает Хакем.

– В настоящий момент сижу дома с детьми, – отвечаю я. Меня сегодня много об этом спрашивали. («Что подельываешь, Люси? Чем намерена заняться теперь, когда с деторождением покончено?») Обычно меня не

слишком волнует, что думают другие, но, учитывая наш новый статус банкротов и размер нашего долга, я не могу не задаваться вопросом... А чем я, собственно, занята? Я была так решительно настроена сидеть дома с детьми и заниматься хозяйством, так стремилась делать то, что делала моя собственная мама, что никогда не сомневалась в своем выборе. А теперь вдруг усомнилась.

– Когда-то я была рекрутером... – начинаю я, но Хакем меня прерывает:

– Наверное, у вас это семейное. Несколько лет назад Диана нашла мне работу, когда никто в этой стране даже не приглашал меня на собеседование. Теперь благодаря Диане я снова стал инженером.

И тут я понимаю, откуда я его знаю. Я видела его однажды в доме Дианы. Я помню, как он ее благодарил, помню меру его благодарности. Я помню, как Диана отмахнулась от нее, точно это не такая уж большая услуга.

– На самом деле, нас с Хакемом как раз вчера пригласили занять места в попечительском совете благотворительной организации Дианы, – говорит тем временем Гезала. – Она пожелала, чтобы в совет вошли представители беженцев.

– Меня это не удивляет, – говорю я. – Диана была увлечена благотворительностью.

– Мы позаботимся о том, чтобы ее наследие не угасло. Она еще будет нами гордиться.

Я молчу, думая о том, что это все, чего я хотела очень долгое время, – чтобы Диана мной гордилась.

Гезала берет меня за руку.

– Диана много трудилась, чтобы каждый человек получил свой шанс, – говорит она. – Но, возможно, она была так занята решением мировых проблем, что забыла дать шанс тем, кто находился прямо у нее под носом.

Я улыбаюсь Гезале, и вот так, после ее смерти, чуть лучше начинаю понимать Диану.

ИАНА
ПРОШЛОЕ...

– Ты уверена, что с тобой все в порядке? – говорит Том, пока я снимаю больничный халат.

– Да все со мной нормально! Я просто слегка ударила головой. Столько шуму из ничего. И в больнице меня оставили на ночь только на случай, если я подам на них в суд из-за скользких полов или что-то в этом роде.

Я надеваю брюки, которые привез мне Том.

– Я все еще не могу поверить, что Люси тебя толкнула.

– Она волновалась за Харриет, Том. Как и все мы. На этом надо сейчас сосредоточиться, а не на глупой шишке у меня на голове.

Надев рубашку, я начинаю застегивать пуговицы.

– Заглянем в палату повидаться с Харриет перед уходом? – спрашивает Том.

Я колеблюсь.

– Сомневаюсь, что мне следует это делать.

– Чушь. Ты же ее бабушка.

– Люси ясно дала понять...

– Люси была вне себя. Она не имела в виду того, что сказала или сделала. Она, наверное, извинится, когда тебя увидит.

Том – вечный оптимист, но я не разделяю его уверенности. Он не слышал эмоций за словами Люси. Со вчерашнего дня единственной новостью было сообщение от Олли: «Харриет очнулась. Результаты МРТ хорошие». От Люси – ни слова, хотя я звонила три раза.

– Я в этом не уверена, Том.

– Мы зайдем по пути к машине, – твердо говорит он. – Все будет хорошо, вот увидишь.

Когда мы подходим к палате Харриет, Люси сидит на стуле, придвинутом к кровати дочери. Она сидит к нам спиной. С порога я слышу, как она напевает «Мерцай, мерцай, звездочка», хотя Харриет, кажется, крепко спит. Должна признать, она хорошая мать. Мне приходит в голову, что я никогда ей этого не говорила.

Том поднимает руку, чтобы постучать, но я перехватываю ее прежде,

чем она успевает коснуться двери.

– Я просто хочу посмотреть на них, – шепчу я. – Давай просто понаблюдаем.

Поэтому мы наблюдаем. И впервые я действительно вижу Люси. Не девушку, которой все преподнесли на блюде. А девушку, которая знает, чего хочет. Семью. Девушку, которая всегда была рядом, всегда поддерживала моего сына и их детей, и даже меня, невзирая на все трудности. Девушку, которая гораздо крепче и упорней, чем я думала.

Я вспоминаю все разговоры с Джен, Лиз и Кэти о невестках. Мы всегда сосредотачивались на том, насколько они отличаются от нас, насколько они иные как матери, насколько у них иной подход. Мы никогда не говорили о том, насколько мы похожи. Как женщины. Как жены. Как матери. Мне вдруг приходит в голову, что в нас гораздо больше сходства, чем различий.

– Пойдем, – говорю я Тому.

Он смотрит на меня так, будто собирается протестовать, но я оттаскиваю его от двери прежде, чем он успевает открыть рот. Люси не захочет видеть нас здесь сегодня. А сегодня я думаю как раз о том, что нужно ей.

Домой мы с Томом едем молча. Я считаю, что Том молчит, чтобы позволить мне в тишине собраться с мыслями, обдумать происшествие с Люси, но, когда мы подъезжаем к дому и Том не выходит из машины сразу... я начинаю понимать, что мое предположение неверно.

– Это я во всем виноват, – говорит он. – Это я уронил Харриет.

– Чушь. – Расстегнув ремень безопасности, я поворачиваюсь на сиденье. – Это был несчастный случай.

– Мелкие случайности уже какое-то время происходят. Мне все труднее и труднее что-то удерживать.

Я закатываю глаза:

– Мы стареем, Том. Тело начинает понемногу сдавать.

– Пару месяцев назад я ходил к врачу.

– И? – подстегиваю я, помолчав.

– Доктор Пейсли велела сделать кое-какие анализы и посоветовала обратиться к специалисту. К неврологу. Что я и сделал.

– Что ты сделал?! Обратился к специалисту?

Я потрясена. Как это могло произойти без моего ведома? Том не умеет хранить секреты. (Однажды, когда дети были маленькими, он сказал им в канун Рождества, что Санта пообещал ему, что на следующий день принесет им велосипеды. «Я просто не мог дождаться, чтобы увидеть,

какие у них будут мордашки», – объяснял он мне потом.)

Не снимая рук с руля, Том смотрит прямо перед собой.

– Я еще не ходил к специалисту. Но мне назначено на завтра. К одному малому, который специализируется на болезнях моторных нейронов. Это также известно как БАС^[3] или болезнь Лу Герига.

Я смотрю на него во все глаза.

– Я не хотел говорить тебе, пока не будет больше информации или окончательного диагноза, но... после того, что произошло... Это моя вина, что такое случилось с Харриет. Я не должен был соглашаться держать ее.

В горле у меня разом пересохло. Я пытаюсь сглотнуть, но ничего не получается. Я смотрю на профиль Тома. Его большое, морщинистое лицо.

– Я бы хотел, чтобы завтра ты пошла со мной на прием.

– Конечно, я пойду. Жаль, что меня не было на остальных встречах.

– Знаю, – откликается он, снимает руки с руля и кладет одну ладонью вверх мне на колени. Так мы сидим в машине почти час, уставившись в ветровое стекло.

На следующий день мы с Томом идем в кабинет невролога. Мы входим в приемную, сообщаем регистратору, что мы здесь, и устраиваемся на паре стульев. Рядом со мной в кресле-каталке сидит мужчина: голова свесилась, подбородок опирается на белую подушечку, фиолетовая дорожная подушка подпирает шею. На первый взгляд кажется, что он лет на десять моложе Тома. Женщина рядом с ним, по-видимому, его жена, листает журнал, время от времени поглядывая на него и улыбаясь, или наклоняется с салфеткой, чтобы вытереть уголок его рта. Даже заметив, что женщина видит, как я пялюсь, я не могу отвести взгляд.

– Том Гудвин? – говорит врач.

– Я, – откликается Том.

Я продолжаю смотреть на женщину. Она слегка хмурится, но затем ее взгляд скользит к Тому и озаряется пониманием. Она кивает мне, едва заметно, но кивает.

– Диана? Ты идешь?

– О... да.

Я отрываю взгляд от женщины, и мы с Томом входим в кабинет.

На обратном пути машину веду я. Это один из немногих случаев, когда я села за руль в присутствии Тома. В основном такое бывало, когда он выпивал лишку (даже больше чем лишку, потому что часто он и выпив садился за руль), – когда мы еще пили, мы были не такими уж бдительными. Но были и другие случаи. Однажды, когда мы только

поженились и как раз ехали в гости к его кузену в Брайт, в глубинку штата Виктория. Олли, тогда едва-едва начавший ходить, сидел на заднем сиденье машины, а Том, на мой взгляд, ехал слишком быстро, поэтому я потребовала, чтобы он сбросил скорость. Наконец он съехал на пыльную обочину, дернул ручной тормоз и сказал: «Отлично. Если хочешь вообще никогда туда не попасть, веди сама». Мой Том бывает ужасно вспыльчивым. Я села за руль, и, несмотря на сомнения Тома, мы добрались до места, к тому же довольно быстро. Он ворчал и стонал о моем вождении час или около того, потом успокоился, как и всегда. К тому времени, когда мы приехали, мы уже посмеивались над перепалкой. Интересно, скоро ли остальные мои воспоминания о Томе будут занесены в такой каталог? Воспоминания о нем как об отце, воспоминания о нем как о дедушке. Воспоминания о ссорах, воспоминания о радостях. Сплошь воспоминания, потому что его самого со мной не будет.

– Когда мы вернемся домой, я позвоню, чтобы договориться о независимом подтверждении диагноза, – говорю я властным тоном.

И я получу второе заключение, и третье тоже. Мы пройдем через процесс и исчерпаем все возможности. Но в конце концов Том умрет – откуда-то я это знаю. Он не доживет до девяноста, он не доживет до семидесяти. Он умрет, а мне придется жить дальше.

– Когда мы вернемся домой, – отвечает Том, – я хочу лечь в постель.

Мы останавливаемся на красный свет, и я поворачиваюсь, чтобы лучше его рассмотреть. Его глаза блестят, нижнее веко набрякло, вот-вот польются слезы.

– Ладно, – говорю я. – Ляжем в постель.

Слезы текут, когда я проезжаю перекресток. Я не вмешиваюсь, предоставляю ему самому пережить глубоко личное горе. Ему не нужно, чтобы я заверяла его, мол, все будет хорошо, когда мы оба знаем, что это не так. Вместо этого я крепко сжимаю его руку. Теперь моя роль ясна. Я буду сильной. У меня получится. Я сознаю свои слабости. Я не слишком теплый человек, я не слишком добрый человек. Но я могу быть сильной. Я могу позволить Тому уйти из жизни со знанием, что со мной все будет в порядке. Хотя бы это я могу ему дать.

Дома Том поднимается наверх. Я иду следом, но, пока он идет в спальню, говорю ему, что мне нужно быстро принять душ. В ванной я включаю душ, раздеваюсь, стою под струями воды и плачу. Я плачу, пока не перестаю понимать, где вода, а где слезы.

Я плачу, пока слезы не иссякают.

Когда я выхожу из душа, Том уже в постели. Сначала мне кажется, что он спит, но как только я забираюсь к нему, его глаза открываются.

– Как ты собираешься жить без меня? – говорит он.

Мы оба тихонько смеемся, пусть даже из уголка глаза Тома скатывается слеза.

– Никак, – отвечаю я, и он тянется ко мне, и мы больше не разговариваем.

1970 год

Когда Олли было четыре месяца, я устроилась на работу в кинотеатр «Стар» в Ярравилле. Для той местности «Стар» был верхом роскоши, а потому по субботам вечером бывал набит битком. Уникальной для кинотеатра была «детская зона», где расставляли рядком детские коляски с малышами и каждой присваивали номер. Если ребенок начинал плакать, его номер проецировали на экран, и мать приходила и забирала его. Олли был одним из таких детей. Я принесла его в корзине, так как у меня не было коляски, и если он плакал, что случалось редко, кто-нибудь приходил и находил меня в буфете.

Как и предсказывала Мередит, я сообразила, как найти работу и одновременно присматривать за Олли. Я сама удивилась, насколько приятно было почувствовать, что я на такое способна. Я еще не встала окончательно на ноги, я не платила за жилье Мередит, и я все еще спала в ее сарае, но я начала вносить свой вклад в оплату счетов и еды. Для начала я работала по вторникам и субботам. По вторникам было многолюдно, а по субботам все места были заняты. Я сновала между билетной кассой и буфетом, пока фойе заполнялось зрителями. Я и раньше бывала в «Стар», но в качестве зрительницы, а работать там – совсем другое дело. Это мне гораздо больше нравилось. Я словно была за кулисами шоу или имела пропуск за сцену на концерт. Время от времени я видела знакомых, но они меня не замечали. Я существовал в другом для них мире. Иногда они смотрели прямо на меня, но все равно не видели.

Я носилась по оживленному театру, светом фонарика указывала, куда кому садиться, приносила попкорн. Как только все оказывались в зале, я часто ходила в детскую комнату и смотрела на череду детей в колясках. Глядя на них, трудно было не думать о детях девочек из Орчард-хауса. Их тоже, наверное, выкладывали в ряд, например, в больничной палате, пока кто-нибудь не заберет их домой. Ни одна из девушек не верила, что у нее есть выбор. Жаль, что я не могу вернуться и сказать им, как они ошибаются.

Во время фильма, если я слышала детский плач, я несколько минут пыталась успокоить малыша и только потом относила номер в проекторную, чтобы его высветили на экране. В девяти случаях из десяти мне удавалось. Олли всегда спал, даже тогда он был моим простым, всем довольным мальчиком.

Однажды вечером, когда я присматривала за детьми, минут через двадцать после начала фильма из кинозала вышел молодой человек. Я бросилась к киоску, к которому он явно направлялся.

– Только попкорн, пожалуйста, – сказал он.

– Маленький, средний или большой?

Молодой человек моргнул, глядя мне прямо в лицо. Я не сразу узнала в нем Тома Гудвина, водопроводчика, который пару раз бывал в доме моих родителей. По словам моего отца, он был хорошим работником.

Никто не назвал бы его красивым, но у него были ясные голубые глаза, хорошая стрижка и замечательная улыбка. Роста он был невысокого и даже не попытался скрыть, как заинтригован, что застал меня за прилавком в киоске в Ярравилле.

– Я тебя знаю, – сказал он.

– И я тебя знаю. – Я улыбнулась. – Том, верно?

Он склонил голову набок. Я прямо-таки видела, как у него в голове крутятся шестеренки.

– Что ты здесь делаешь?

– А на что это похоже?

– Я давненько тебя не видел, – сказал он наконец.

Я верно расценила фразу: это был вопрос. Именно по этой причине моим первым порывом было ответить неопределенно. На языке у меня вертелось: «Я была занята» или «Я на некоторое время уезжала в Европу». Но я прогнала эти фразы. Внезапно я поняла, что имела в виду Мередит, когда говорила о свободе, когда нечего терять.

– Я уехала, чтобы родить ребенка.

Мне понравилось, что Том не попытался скрыть удивление. Он моргнул, долго и медленно, потом снова моргнул. Он даже сделал шаг назад. Я была уверена, что его удивило не то, что это случилось, а то, что я призналась.

– У меня мальчик, – сказала я. – Оливер. Он вон там, в корзине.

– То есть... прямо здесь?

К моему удивлению, Том пошел в детскую зону и заглянул в корзину Олли.

– Этот малыш? – Он смотрел на него сверху вниз, и его лицо на глазах

смягчалось. – И... твоя семья...

– Просто в восторге.

Я рассмеялась, и Том удивил меня тем, что засмеялся в ответ. У него был отличный смех. Раскатистый, сердечный смех, который исходил словно бы из самого нутра.

– Так на что же ты живешь?

– Я живу в сарае в Спотсвуде, на заднем дворе опальной кухни моего отца. Я готовлю и убираю для нее. И здесь я кое-что зарабатываю.

Он нахмурился.

– Ты шутишь?

– Боюсь, что нет. Но не беспокойся обо мне, у меня все хорошо. Очень хорошо, вообще-то.

Я взглянула на часы. Я слишком заболталась. До антракта мне нужно было навести порядок в фойе. Схватив контейнер с попкорном, я сделала Тому большую порцию.

– С тебя доллар, – сказал я ему.

Он полез в карман, вытащил пригоршню мятых банкнот и протянул мне, даже не взглянув на них.

– Тебе лучше вернуться в зал. Ты пропустишь фильм.

Он слегка дернулся, оглядываясь через плечо, как будто забыл, где находится. Затем он снова посмотрел на меня и улыбнулся самой лучшей улыбкой, которую я когда-либо видела.

– Проблема в том, что я не хочу пропустить то, что происходит здесь.

ЛЮСИ НАСТОЯЩЕЕ...

Поминки – всегда любопытное мероприятие, как, впрочем, и любое другое, когда смешиваются дела семейные и алкоголь. Когда с похорон Дианы я прихожу в «Полумесяц», Олли с пивом в руке выглядит уже более расслабленным, иногда даже посмеивается над чьей-нибудь фразой. Футбол по телевизору на заднем плане также создает своего рода нормальный фон для ненормального события.

Нетти тоже кажется более собранной, чем на похоронах. Она сидит на веранде «Полумесяца» с Эди на коленях, через две соломинки они пьют из бокала что-то вроде розового лимонада. Я рада, что наша с ней ссора не распространяется на моих детей. О Нетти можно сказать что угодно, но она преданная тетья. Мне нужно любить ее за это.

Патрик осушил по меньшей мере полдюжины кружек пива с тех пор, как я приехала на добрый час позже всех остальных, и, надо сказать, он выглядит немного потрепанным. Думаю, я не могу его винить. Я бы тоже не отказалась от пары кружек, но, учитывая, что приходится ловить и останавливать бегающих детей и выгонять их из-под столов, шансов у меня немного. Харриет и Арчи сбросили обувь и бегают по полам, где грязь вкуче с пролитыми напитками превратилась в клейстер. Скоро кто-нибудь разобьет стакан, кто-нибудь из детей наступит на него, и мы все отправимся в больницу. Вообще-то было бы облегчением выбраться отсюда.

– Привет, – говорю я Олли, обнаружив его у бара.

У него стеклянный взгляд человека, выпившего несколько кружек пива, и он кажется мрачным, но ведь сегодня похороны его матери.

– У тебя все в порядке?

«Помимо того, что это похороны твоей мамы, твой бизнес разваливается и мы разорены?» – хочется спросить мне.

– На самом деле, – говорит он, – я как раз думал, какую скверную сегодня сказал надгробную речь.

– Не такую уж и скверную.

Он склоняет голову набок.

– Да ладно.

Я обнимаю его за талию.

– Послушай, Дианы же тут нет, чтобы ее раскритиковать. Просто отпусти. Все было нормально.

Он открывает рот, чтобы ответить, но нас прерывает пожилая пара, пришедшая попрощаться. В то же время Харриет приходит сказать мне, что «Эди намочила штаны и тетя Нетти спрашивает, есть ли для нее запасные трусы».

– Я разберусь с трусами, – говорю я Олли.

Следом за Харриет я пробираюсь через толпу, поворачиваясь боком, чтобы протиснуться мимо людей. Мы с Харриет выходим на веранду, где Эди стоит совершенно голая, если не считать пары золотых сандалий. Подвыпившие взрослые улыбаются. «Как мило». Присев на корточки рядом с ней, Нетти вытирает ей ноги бумажными полотенцами. В этой сцене столько материнского, что я застываю как вкопанная. Мне приходится напомнить себе, что Эди – моя дочь, что я ее мать.

Звон ложки о стекло привлекает всеобщее внимание, и когда я поворачиваюсь, то вижу, что Олли взгромоздился на стул. Оставив Эди с Нетти, я стремглав бегу обратно в зал. Что за черт?

– Прошу всеобщего внимания, – произносит мой муж, когда я проскальзываю внутрь.

В зале воцаряется тишина, и я чувствую, как внутри у меня все сжимается. Олли – не из тех, кто произносит импровизированные речи, он из тех, кто планирует, репетирует, читает по заметкам. Я оглядываюсь в поисках поддержки, но вижу только Нетти, которая все еще снаружи и занимается Эди. Патрик стоит достаточно далеко у бара.

– Извините, что отвлек вас от выпивки и разговоров, – начинает он. – Я просто чувствую, что сегодня не все сказал о маме.

Один за другим люди шепотом заканчивают разговоры и поворачиваются к Олли. Взяв у проходящего мимо официанта бокал шампанского, я опрокидываю его залпом.

– Дело в том, что мама не была самым теплым и милым человеком на свете. На самом деле она была требовательной и жесткой. Если надо было убить паука или грызуна, угадайте, к кому мы шли? Я дам вам подсказку, это был не папа.

По залу разносится мягкий шорох смеха. Это меня немного успокаивает.

– Когда мы были маленькими, всякий раз, стоило нам присесть, мама давала нам мешок с одеждой для новорожденных, которую пожертвовали ее организации, и заставляла нас сортировать ее по размерам. Обычно мы

ныли и протестовали, а она говорила, мол, в любой момент готова забрать у нас нашу одежду и заставить носить пожертвованные вещи, и посмотрим, как тогда мы запоем относительно помощи. – Тут голос Олли прерывается. – Помню, как однажды сложил маленькую белую вязаную кофточку и положил ее поверх груды одежды для новорожденных. Мама заметила ее и выдернула из кучи, сказав, что она в пятнах. Я сказал ей, что ее, вероятно, возьмут в любом случае, а она возразила: «Моя задача – не давать им то, что они возьмут в любом случае. – Олли идеально воспроизводит интонации Дианы. – Моя задача – дать им то, чего они заслуживают».

Он смотрит на меня, и я киваю. Идеально.

– С мамой бывало непросто, но отчасти это и делало ее такой замечательной. И это сделало ее спасательным кругом для многих людей.

– Да ладно, брось!

Голос, доносящийся из глубины зала, от стойки бара, оглушителен и непримирим. Все головы поворачиваются в ту сторону. Патрика, который возвышается над толпой на целую голову, найти нетрудно.

– Диана не была спасательным кругом, – говорит он, – она высасывала из людей жизнь.

Олли выглядит удивленным. Как и большинство собравшихся, он был настолько поглощен своей прекрасной речью, что не ожидал вмешательства. Я тоже удивлена. Все поворачиваются к Патрику. Я начинаю пробираться к нему, но людей тут столько, что я словно бы пробиваюсь сквозь лавину.

– Если мы будем честны, то признаем, что никто не расстроен ее смертью, все сюда пришли просто за дармовыми едой и выпивкой. А почему бы и нет? – Патрик замечает, что я пробиваюсь к нему сквозь толпу. – Не утруждай себя, Люси, я закончил. – Он поднимает бокал. – За Диану. Пусть она побыстрее сгниет.

Он подносит бокал к губам и осушает одним глотком. Я оглядываюсь в поисках Нетти и вижу, что она стоит на пороге веранды. По ее щеке скатывается одинокая слеза.

ЛЮСИ ПРОШЛОЕ...

Я фотографирую Харриет, спящую на больничной койке. Утренний свет ложится на нее пятнышками, и я чувствую, что слишком остро ощущаю, как он драгоценен. Если бы несколько дней назад все обернулось иначе, ее бы здесь не было, и я не принимаю второй шанс как должное.

– Как наш ангелочек? – спрашивает от двери Ингрид.

Ингрид – медсестра, под опекой которой находится Харриет. Она сама бабушка, как она с гордостью сказала мне несколько дней назад, ее внук по имени Феликс – примерно одних лет с Харриет. Возможно, именно по этой причине она делает для нас все возможное, даже покупает для меня латте в местной кофейне по дороге на работу, услышав как-то, как я обронила Олли, что терпеть не могу больничный кофе. С другой стороны, Ингрид, кажется, из тех, кто для всех делает чуть больше предписанного.

Я переворачиваю телефон набок.

– Как будто все хорошо. Она спит.

– Хотите, сфотографирую вас вместе?

Я на секунду задумываюсь.

– Вообще-то я бы с удовольствием.

Я поддвигаюсь к спящей дочери и кладу свою голову рядом с ее, и Ингрид делает снимок. На фотографии получается два огромных подбородка, и мне практически можно заглянуть в ноздрю, но я буду лелеять его вечно.

– Только что звонила ваша свекровь, – небрежно бросает Ингрид.

Диана звонила каждый день, дважды в день. Поняв, что я не отвечаю на звонки, она начала звонить в больницу и связываться с сестринским постом. Она знает, что с Харриет все будет хорошо, я заставила Олли написать ей, как только мы сами узнали. Я все еще злюсь на нее, но никто не заслуживает мук, какие переживаешь – беспокоясь о ребенке хотя бы секунду дольше, чем необходимо.

Я чувствую на себе взгляд Ингрид и вздыхаю. Ингрид, конечно, знает, что я сделала с Дианой – все в больнице знают о «нападении». Вот как медсестра, которая нас обнаружила, это назвала. Нападение. Это, вероятно, точное описание, хотя Диана поспешила опровергнуть его, настаивая (даже

после того, как ее доставили на носилках в палату), что это наше личное, семейное дело. Надо отдать ей должное, Диана Гудвин пойдет на все, чтобы избежать скандала.

– Знаете, вы здесь настоящий герой, – говорит Ингрид, открывая карту Харриет. – Нет ни одной женщины, которая хотя бы раз в жизни не пожелала, чтобы ее свекровь получила травму головы.

– Даже вы, Ингрид?

– Особенно я! И уверена, моей невестке временами тоже хочется мне нечто подобное устроить.

– А вот я сомневаюсь, – возражаю я. – Будь у меня такая свекровь, как вы, Ингрид, я была бы на седьмом небе.

– Это вы сейчас так считаете. – Она улыбается. – Но через некоторое время я начну действовать вам на нервы. Когда кто-то входит в твою семью, рано или поздно он начинает действовать тебе на нервы.

– Почему у свекрови и невестки вечно все не складывается, а у тестя и зятя – наоборот?

Ингрид пишет что-то в карте.

– У них не бывает проблем, потому что они недостаточно переживают.

– Значит, у нас проблемы, потому что мы волнуемся? – спрашиваю я.

– У нас есть проблемы, потому что мы слишком волнуемся.

Ингрид смотрит на часы, потом делает еще одну пометку в карте. Затем она кладет карту на тумбочку у койки Харриет. Она уже в дверях, собирается уходить, когда останавливается.

– Знаете, ваша свекровь часто звонит.

– Она любит внучку, – говорю я. – Надо отдать ей должное.

– Возможно, – откликается Ингрид. – Но вам следует знать, что каждый раз, когда я беру трубку, она первым делом спрашивает о вас.

Когда полчаса спустя в больницу приезжает Олли, я говорю ему, что мне надо отлучиться. Он не спрашивает куда, и я уверена, что он считает, что я хочу съездить домой и принять душ, или переодеться, или купить что-нибудь для Харриет, – мы уже неделю по очереди дежуриим в больнице. Я оставляю его с его догадками.

За рулем я размышляю над словами Ингрид. Мы слишком беспокоимся. Интересно, правда ли это? Если бы мне было все равно, я могла бы жить своей жизнью, принимая свекровь такой, какая она есть. Патрик, например, так и делает. Он не слишком жалуется Диану, но, если она не сделала чего-то такого, что могло бы его рассердить в данный момент, эта неприязнь его совершенно не беспокоит. Он не притворяется, что ладит с ней, но и не

расстраивается из-за того, что не ладит. Похоже, на него она никак не влияет. И поэтому я собираюсь простить Диану. Не потому, что она мне нравится, и не потому, что я считаю, что она заслуживает прощения. Я собираюсь простить ее, чтобы самой освободиться. Я собираюсь перестать «слишком беспокоиться».

Я останавливаюсь перед домом Тома и Дианы, сразу за машиной Тома, которая припаркована перед домом, – что необычно, ведь рабочий день еще не кончился. Я звоню, но никто не открывает. Подождав, я снова нажимаю кнопку звонка.

Диана довольно долго не подходит, но наконец я вижу ее силуэт через стеклянную дверь.

– Здравствуй, Люси, – говорит она.

Я недоуменно моргаю. Возможно, я впервые вижу Диану без макияжа. Волосы у нее мокрые и зачесаны назад, облепили овал головы, а все лицо, кожа, ресницы, губы кажутся одного и того же бледно-бежевого цвета. Она прижимает руку к груди.

– О боже! Что-то... с Харриет?

– Нет, нет, – быстро говорю я. – С Харриет все в порядке.

Но Диану трясет, колотит так, что она едва стоит на ногах. Я протягиваю руку и поддерживаю ее.

– Диана, с Харриет все в порядке, – повторяю я.

Но она продолжает дрожать. Схватив за плечо, я втягиваю ее назад в дом. Что-то не так. Она смотрит на меня широко раскрытыми, незащитными глазами. Я беру ее за другое плечо, намереваясь спросить, что случилось, и тут колени у нее подгибаются. Я подхватываю ее и опускаю на пол.

– Том? – зову я. – Том? Ты здесь?

– Прости... – выдавливает она и вдруг начинает рыдать. – Мне очень жаль, Люси... Дело в Томе. В моем дорогом Томе. У Тома БАС, – объясняет Диана. – Болезнь моторных нейронов. Это...

– Я знаю, что это такое, – говорю я.

Я вспоминаю флэш-моб с ведрами льда несколько лет назад: люди тогда выливали себе на голову ледяную воду, чтобы собрать деньги и привлечь внимание к заболеванию. Очевидно, все прошло успешно, ведь больше мы об этом не слышали.

– Том подозревал, что что-то не так, но держал это при себе. Оглядываясь назад, все предельно ясно. Мышцы сводит судорога. Слабость. Почерк у него хуже, чем у Арчи. В уголках рта собирается слюна. – По щеке у нее скатывается слеза, но в остальном к ней вернулось

самообладание. – Мне всегда казалось очаровательным, когда он пускал слюни. Как же мало мы понимали...

Мы с Дианой сидим в «хорошей комнате». Диана держит подушку на коленях и тербит тонкие золотые нити, вплетенные в ткань.

– БАС не повлияет на его разум, но будет понемногу лишать его возможности двигаться, пока он не утратит способность этот разум проявить. А тогда с ним будут разговаривать как с ребенком, а он будет не в силах сказать, что не выжил из ума и не глухой. – Еще одна слеза скатывается по ее щеке. – Но я такого не допущу. Никто не будет обращаться с ним как с идиотом. У него есть я.

Диана смахивает слезу со щеки и едва заметно кивает, как будто этот факт ее радует. И, скорее всего, так оно и есть. Она не может контролировать болезнь Тома, но она контролирует, как с ним обращаются, и она собирается позаботиться, чтобы обращались с ним хорошо. При всех ее недостатках Диана – как раз та, кого любой захотел бы видеть на своей стороне. Возможно, в этом и проблема. Мне всегда казалось, что она не на моей стороне, что она враг.

– Чем я могу помочь? – спрашиваю я.

Диана безнадежно пожимает плечами, и это самое печальное пожатие плечами, которое я когда-либо видела. Она медленно моргает, прижимая к себе подушку. Она выглядит такой хрупкой, что мне хочется найти плед и закутать ее в него. Никогда раньше мне не хотелось сделать такого для Дианы.

– Диана... – начинаю я, и тут у меня звонит телефон. Это Олли. – Извини, но мне лучше ответить. Вдруг что-то случилось с Харриет.

– Не говори ему, Люси. Пожалуйста, не говори ему!

Диана смотрит на меня, и у меня складывается впечатление что ее душа вернулась в тело, а взгляд снова стал острым. Она «включилась». Мне грустно, а еще я чувствую, что это большая привилегия, что она позволила себе расслабиться со мной, пусть даже на несколько секунд.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

Она отворачивается, как бы давая нам побыть наедине.

– Харриет очнулась, – говорит Олли.

Я слышу, как она бормочет что-то на заднем плане, и, возможно, дело в болезни Тома, но меня захлестывает такое желание обнять дочь, что у меня перехватывает дыхание.

– Я думал, ты захочешь приехать.

– Да, – отвечаю я. – Очень хочу. Сейчас приеду.

– Спасибо, – говорит Диана, когда я убираю телефон в сумочку. – Том

очень хочет сам рассказать детям.

Забавно слышать, как она называет Олли и Нетти «детьми». Но, возможно, именно так мать всегда думает о своих отпрысках. Интересно, не в этом ли корень всех наших проблем?

Я сижу в «хорошей комнате» Дианы и Тома, но на сей раз я посвящена в тайну. Нетти и Патрик сидят рядышком на мягком диване, сидят прямо, словно вытянулись по стойке «смирно». Мы с Олли сидим в креслах лицом друг к другу. Диана и Том – рядом напротив Патрика и Нетти.

– Могу я предложить кому-нибудь выпить? – спрашивает Диана, и мы все качаем головами, стремясь перейти к сути сегодняшнего семейного собрания.

Таких «семейных советов» у нас раньше не бывало, и я знаю, что Олли кажется, будто это как-то связано со случившемся с Харриет. Я не могла этого опровергнуть, не признавшись в том, что Диана рассказала мне о Томе, а мне этого не хотелось. Во-первых, я думаю, что Том прав, считая, что сам должен сказать своим детям. Во-вторых, на сей раз Диана впервые мне доверилась, и я полна решимости доказать, что этого достойна.

Я наблюдаю за Томом, который сидит в кресле напротив, и выискиваю признаки БАС. Насколько я могу судить, он здоров. Что же касается его чуть невнятной речи, то я успела полюбить такую его манеру и всегда приписывала ее тому факту, что обычно он находится на той или иной стадии между «немного выпивши» и «пьян».

– Ладно, не буду играть словами, – говорит он. – Мы все знаем, что я собираюсь вам кое-что сказать, и вы, вероятно, чувствуете, что это что-то плохое... К сожалению, так оно и есть. У меня диагностировали болезнь моторных нейронов, о которой вы, вероятно, слышали. Как раз из-за нее было столько шума несколько лет назад. Она также известна как БАС или болезнь Лу Герига. В любом случае это дегенеративное заболевание, поражающее нервы в головном и спинном мозге, которые отвечают за работу мышц. Когда болезнь войдет в финальную стадию, мои мышцы ослабеют, затвердеют и истощатся. Я не смогу нормально ходить и говорить, не смогу нормально есть и пить, даже дышать будет трудно.

Том говорит быстро, и в его голосе слышится легкое раздражение, но я знаю, что это просто потому, что он чувствует себя не в своей тарелке. Ведь его роль в семье – сглаживать ситуацию, устранять проблемы. Его убивает сама мысль, что на сей раз проблемы создает он.

– Вот так обстоят дела, и я постараюсь по мере сил справиться, – говорит он. А потом он долгое время вообще ничего не говорит.

Реакция Нетти и Олли удивляет меня... как раз полным отсутствием какой-либо реакции. Ни движения, ни резкого вдоха, только ритмичное моргание, с задержкой в пару секунд. Патрик подносит руку ко рту, упирается подбородком в большой палец.

– Ты умрешь? – наконец спрашивает Нетти.

– Да, я умру. Как и ты, твой брат, твоя мать, Люси и Патрик... Мы все умрем. Но, скорее всего, я уйду первым. Возможно, в ближайшие пять лет. Может быть, даже в будущем году.

Диана берет Тома за руку.

– Никто не вечен, – говорит Том, – поэтому я хотел бы, чтобы следующий год стал запоминающимся. Для меня это означает много времени проводить с семьей. С женой, детьми, их супругами... – Он встречается со мной взглядом. – И со внуками, если ты позволишь, Люси. Я в ответе за то, что случилось с Харриет. Если бы она не выздоровела, я бы никогда себе этого не простил.

– Конечно, ты можешь видеться с детьми, Том. Столько, сколько захочешь.

– Папа, я... – Олли подается вперед. Кажется, он с чем-то борется, но в конце концов продолжает: – Я знаю, что сейчас еще рано говорить, но тебе, вероятно, стоит привести дела в порядок. Доверенность на адвокатскую опеку, медицинские инструкции. Вероятно, стоит подумать, кто займет твое место в компании, или обсудить продажу твоей доли другому партнеру, если решишь пойти таким путем.

Интересно, откуда Олли это знает? Слова слетают с языка, как будто он не рекрутер, а юрист по наследственному праву. И вдруг он смущается.

– А еще тебе, наверное, надо позаботиться о завещании.

– Ну об этом, пожалуй, пока рано говорить, милый, – вмешиваюсь я.

– Все уже улажено, – откликается Том.

Олли кивает.

– Можно спросить, что там говорится?

– Олли! – разом восклицаем мы с Дианой.

Я, конечно, понимаю, что дурные вести могут вызвать необычные эмоции. Но Олли ведет себя на удивление черство.

– Здесь нет секретов, – отвечает Том. – В случае моей смерти все переходит к Диане. В случае смерти Дианы все имущество в равных долях отходят вам, дети, и вашим супругам.

Я смотрю на Олли. Он как будто умиротворен.

– Никто не ожидает, что придется обсуждать такие вещи с семьей, – продолжает Том. – В глубине души мы все думаем, что будем жить вечно.

А болезнь, надо признать, – довольно резкое пробуждение от иллюзий. – Том пытается рассмеяться, но голос у него срывается.

– Ох, папа! – Олли вскакивает и обнимает Тома. – Мне очень, очень жаль.

Том подается к Олли и на мгновение закрывает глаза. Это прекрасное мгновение.

Жаль только, что оно наступило не раньше, чем они обсудили содержание завещания.

**ЛЮСИ
НАСТОЯЩЕЕ...**

Странно снова оказаться у Тома и Дианы. Джерард строго-настрого запретил нам выносить что-либо, кроме личных вещей, но Нетти и Патрик были здесь вчера, и с тех пор уйма всего исчезло. Например, ваза, которая красовалась в фойе. Я не могу их винить. Из-за финансовых трудностей, которые мы испытываем, у меня может возникнуть соблазн самой взять вазу-другую. Я рада, что Олли не предложил. В последнее время он ведет себя странно, но я рада видеть, что он все еще тот честный человек, за которого я вышла замуж.

В библиотеке я наблюдаю, как он открывает фотоальбом, перелистывает несколько страниц и кладет его обратно, не глядя.

– Знаешь, нам не обязательно делать все это сегодня.

– Когда-нибудь мы должны это сделать, – говорит он. – Так почему не сейчас.

Я беру его за руку, веду к дивану и сажусь рядом.

– Олли. Поговори со мной.

Он закрывает глаза, потирая лоб большим и указательным пальцами.

– Так дом на меня действует... странно находиться тут без нее, правда? Не могу поверить, что ее больше нет.

– Я тоже не могу.

Он открывает глаза и смотрит прямо перед собой.

– У меня нет родителей. В сорок пять это не должно бы меня пугать, но мне страшно. И к тому же сестра знать меня не желает. – Он моргает несколько раз, словно обдумывая услышанное. – Ты все, что у меня есть, Люси. Ты и дети.

– Мы никуда не денемся, – говорю я ему.

Он смотрит на меня. И медленно кивает.

Я пытаюсь вообразить, какой будет наша жизнь сейчас, наша новая жизнь, теперь, когда мы разорены. Мне нужно найти работу. Старшим детям придется ходить после школы на продленку, а Эди – в ясли. Все будет по-другому, это точно. Но мы никуда не денемся.

Олли смотрит на меня.

– В последнее время ты выглядишь иначе. Твоя одежда не такая...

безумная.

Я смотрю на свои черные джинсы, серую футболку и балетки без украшений. По переду рубашки ослепительными пайетками вышита Эйфелева башня, но, по моим меркам, это относительно простой наряд. У меня даже нет никаких аксессуаров для волос или украшений. Единственное украшение, которое я ношу, – это ожерелье, которое мне оставила Диана.

– Мой стиль... эволюционирует, – признаю я.

Олли улыбается.

– Такое мама могла бы надеть.

Я улыбаюсь в ответ. Я не говорю ему, что у Дианы не было джинсов и она перевернулась бы в гробу, если бы услышала, что кто-то предложил ей надеть рубашку или футболку с пайетками. Его замечание, мол, в последнее время я предпочитаю более простые, более практичные наряды, вполне обоснованно. Как ни странно, Диана могла сыграть в этом свою роль.

Мы осматриваем еще несколько предметов, а потом решаем, что на сегодня хватит. Уже садясь в машину, я слышу хруст гравия на подъездной дорожке.

– Люси! Олли!

Мы разом поворачиваемся и видим, что к нам направляются Ахмед и Джонс. Я тут же перехожу в «режим повышенной готовности».

– Привет, – неуверенно говорю я.

Они приближаются. И они не одни. Рядом с Ахмедом – женщина в тренировочном костюме, и вид у нее далеко не дружелюбный. Она решительно останавливается в нескольких метрах от нас.

– Это был он, – тихо говорит она Ахмеду. – Определенно он.

Ахмед остается рядом с женщиной, а Джонс проходит еще несколько шагов к нам.

– Что-то случилось? – спрашивает Олли.

– Мы только что снова опрашивали соседей, – говорит Джонс. – Попытались выяснить, кто последним видел вашу мать перед смертью.

Она оглядывается через плечо на женщину в спортивном костюме, на женщину, которая смотрит на Олли, но не в лицо, как будто боится встретиться с ним взглядом. Как будто нервничает при виде Олли.

– Это был он, – повторяет женщина уже громче.

– О ком вы говорите? – спрашиваю ее я.

– Я живу через дорогу, – отвечает она. Мне она в лицо смотреть вполне готова. – Я собиралась на пробежку... ну... на прошлой неделе, в тот же

день, когда убили Диану, и видела, как он, – она тычет пальцем в Олли, – проходил в ворота.

– Вы были здесь, Олли? – спрашивает Джонс. – В тот день, когда убили вашу мать?

Олли озадаченно качает головой:

– Нет.

– Да были же. Это были вы. На вас были темно-синие брюки и клетчатая рубашка. – Тут женщина старательно кивает, словно убеждает в этом саму себя. – Синяя с белым!

– Вы, наверное, его с кем-то перепутали, – говорю я. – Или, может быть, вы видели Олли в другой день?

И то и другое – вполне разумные объяснения. Кроме того, внешность у Олли не слишком приметная. Высокий, среднего телосложения, каштановые волосы. Было бы легко отмахнуться от утверждений соседки, и именно так я и делаю. Пока в голове у меня не вспыхивает некая картинка... Олли возвращается с работы в день смерти Дианы.

На нем темно-синие брюки и сине-белая клетчатая рубашка.

ЛЮСИ ПРОШЛОЕ...

– Шшш, – шепчу я детям, когда мы входим в дом Дианы и Тома.

Конечно, мои увещевания впустую. Невозможно заглушить шум детских подошв по мрамору, Арчи с Харриет несутся по комнате, звуки от кроссовок – как шлепки.

Теперь мы сами открываем себе дверь. У меня такое чувство, что Диана от этого не в восторге, но сейчас ее занимают практические дела, ведь она круглосуточно заботится о Томе, а то и дело открывать дверь – решительно непрактично.

Следуя за детьми, я качу коляску с малышкой Эди через весь первый этаж. С тех пор как Том прикован к креслу-каталке, вся жизнь в доме сместилась на первый этаж. Вообще говоря, мне так больше нравится. Когда тут внизу стало больше мебели, дом кажется заполненным, в нем возникает ощущение уюта, которого ему не хватало раньше. Кроме того, до всего теперь ближе. Если позвать кого-то, он тебя услышит.

– Это мы, – говорю я, когда мы входим в заднюю комнату.

Кресло Тома – у стола. Сидя рядом с ним, Диана вслух читает газету, но останавливается, чтобы обнять Арчи и Харриет, которые бросаются к ней в полном самозабвении.

– Обнимите дедушку, – приказывает она.

Они неуверенно смотрят на нее, и она кивает, мол: «Ну же!» Теперь они его немного боятся. Его руки скрючены, голова опущена. Его трудно понять, но он полон решимости продолжать говорить. Я думаю, это замечательно, но детей это раздражает, они теряют терпение или, что еще хуже, говорят что-то грубое.

«Дедушка плюется», – может ляпнуть Харриет. Или: «А что у дедушки не так с головой?»

– Дедушка тебя слышит, – говорю я фальшиво-веселым голосом.

Но, в отличие от меня, Диана не собирается ничего затушевывать. Пару недель назад она попросила Арчи и Харриет представить себе, каково это, когда хочешь что-то сказать, а тебя никто не слушает. Через несколько минут Арчи пришел ко мне и сказал, что всегда будет слушать дедушку, и, к его чести, с тех пор он очень терпелив. Харриет не проявила такого

сочувствия, заявив, что не понимает, почему бы ему просто не смотреть телевизор, зачем трудиться с кем-то разговаривать. Я колеблюсь между пониманием того, что она всего лишь ребенок, и чувством ответственности за то, что однажды Харриет окажется в большом мире и будет навязывать свое мнение любому, кто будет слушать.

Конец близок. Тома уже несколько раз то клали в больницу, то выписывали – из-за самых разных болезней: инфекция верхних дыхательных путей, проблемы с дыханием, боли и общая слабость. Диана постоянно в движении: кормит Тома, возит его в кресле, дает ему лекарства. Она звонит врачам и медсестрам, дает указания, договаривается. Она словно бы стала продолжением его: стоит ему только взглянуть на нее, как она вскакивает со стула и начинает ухаживать за ним.

Болезнь Тома временно положила конец семейным проблемам. Мы все действовали как единая слаженная команда: возили его на приемы к врачам, мотались по городу за различными приборами, предназначенными для того, чтобы сделать его существование чуть более комфортным. Но у всех разбито сердце. У меня разбито сердце. Я не могу понять, как эта семья выживает без него.

Я наблюдаю, как Диана то и дело вытирает слюну, скапливающуюся у него в уголках рта. Она что-то говорит ему, и вокруг его глаз собираются морщинки, губы кривятся, и я знаю, что он пытается улыбнуться. Когда Том умрет, мы будем безутешны, но для Дианы все обернется намного хуже. Не знаю, что с ней будет. Не знаю, как она будет жить дальше.

ЛЮСИ**НАСТОЯЩЕЕ...**

– Олли арестован? – спрашивает Нетти.

Она сидит на полу в моей гостиной, окруженная деталями из конструктора «Лего», пока Патрик развлекает детей игрой в пятнашки, которая подразумевает лужи раскаленной лавы и подушки, на которые нужно вставать, чтобы не обжечь ноги. Когда соседка в тренировочном костюме опознала в Олли того, кто приходил в дом Дианы в день ее смерти, а Джонс сказала, что она хочет поговорить с Олли в участке, я позвонила Нетти, чтобы узнать, может ли она помочь с детьми. (Я бы никогда не попросила ее об одолжении для себя, но я знала, что к детям Нетти непременно приедет и мне определенно нужна ее помощь.)

– Нет, он просто должен ответить на какие-то вопросы. Он скоро вернется.

Но на самом деле я понятия не имею, правда ли это. Когда Олли уезжал с Джонс и Ахмедом, он не был арестован, но откуда мне знать, не арестован ли он сейчас? И я не знаю, вернется ли он через пять минут или через пять часов. Я знаю только, что в день смерти Дианы он был одет в бело-голубую клетчатую рубашку... и что он рано вернулся с работы, хотя и не выглядел больным.

Теперь я задаюсь вопросом, почему так вышло.

Лицо Нетти искажено тревогой. Нетти – младшая сестра, на шесть лет младше Олли, но всегда казалась старшей. И несмотря на наши проблемы, я знаю, что она любит своего брата.

– Ты в порядке? – спрашиваю я ее, и на глаза ей тут же наворачиваются слезы.

Расчистив себе место рядом с ней, я опускаюсь на колени.

– Извини.

Достав из-за манжеты бумажный носовой платок, она вытирает глаза.

– Я не знаю, что со мной... просто столько всего происходит.

Я неловко зависаю рядом с ней. Когда-то я в такой ситуации обняла бы Нетти, но отношения у нас уже не те, поэтому я только успокаивающе кладу руку ей на плечо. К моему изумлению, она в ответ обнимает меня за шею.

– Шшшш, – шепчу я. – Все в порядке.

Но ничего у нас не в порядке. Вообще ничего. У меня сердце кровью обливается из-за Нетти. Даже не будь всего остального... Я до сих пор помню боль от потери матери, как будто это было вчера. Мне приходит в голову, что теперь у нас с Нетти есть кое-что общее. Конечно, она старше, чем была я, когда умерла мама, но я сомневаюсь, что во вселенной есть потеря более глубокая, чем потеря матери.

– Извини, – говорит Нетти, отстраняясь назад и вытирая лицо.

– Пожалуйста, не извиняйся.

– Просто... быть здесь. Дети. Игрушки... просто тяжело, понимаешь. Постоянно напоминает о том... чего у меня не будет.

– Чего у тебя не будет?..

Мне требуется несколько секунд, чтобы понять. Она расстроена не из-за Олли. Она расстроена даже не из-за матери. Ее расстраивает... собственное бесплодие.

Я отстраняюсь от нее.

– Я думала, ты горюешь по матери. Или беспокоишься, что Олли вызвали на допрос.

– Подумаешь, всех вызывали! – Нетти в самом деле отмахивается от меня рукой. – Это все мелочи.

– Мелочи? Разве полицейские не сказали вам о подушке? Разве они не сказали, что Диану, возможно, задушили?

Нетти начинает собирать «Лего», рассеянно складывая детали в коробку.

– Я думала, что на этом этапе моей жизни, – говорит она срывающимся голосом, – пол у меня будет усеян «Лего». И обои в каракулях. Я думала, что буду проводить выходные на школьных карнавалах и уроках балета. У тебя есть все, чего я хочу, Люси.

Я смотрю на нее. Внимательно смотрю. Физически она прямо передо мной, но эмоционально – где-то в ином месте. Мне приходит в голову, что она уже какое-то время в том ином месте.

– Я, правда, думала, что ты мне pomoжешь, – говорит она и заливается слезами.

– Нетти...

Углом глаза я ловлю движение в глубине комнаты, слышу шаги Патрика. Что-то подсказывает мне, что он уже какое-то время там стоит.

– Думаю, мне следует отвезти Нетти домой, – говорит он.

Патрик берет сумку Нетти и ее пальто, и я впервые задумываюсь, каково ему жить с Нетти и ее одержимостью детьми. Такие вещи не могут

не сказываться на человеке.

– Почему бы вам не остаться здесь? – предлагаю я. – Я могу... могу заварить чай.

Встав, Нетти смотрит куда-то вдаль.

– Патрик прав, – механически произносит она. – Нам пора.

ЛЮСИ ПРОШЛОЕ...

– Проходите, пожалуйста, – говорю я. – В большой гостиной вас ждут напитки.

Я стою в огромных двойных дверях дома Тома и Дианы и небольшими группами провожаю скорбящих внутрь. Похороны Тома состоялись в церкви Святой Жанны Д'Арк на углу, поэтому большинство гостей, даже старики, решили прогуляться до дома пешком. День бодрящий и ясный, с ярким солнцем, – все как будто полагают, что это дело рук или заслуга Тома, и, возможно, это так. Если существует загробная жизнь, сказал в своей надгробной речи Олли, то Том вошел в нее, непременно требуя всего самого лучшего, включая солнечный свет.

Том умер в прошлую пятницу от инфекции верхних дыхательных путей. Он попросил, чтобы его не увозили из дома, и Диана изо всех сил боролась, чтобы исполнить его желание, но в конце концов им обоим пришлось смириться с тем, что ему не суждено сбыться. Болезнь прогрессировала быстро, быстрее, чем кто-либо ожидал, и последние несколько месяцев Том не мог ни дышать, ни что-либо сделать для себя сам. К счастью, у него была Диана, которая делала за него все.

Большую часть сегодняшнего дня Эди провела на руках у Нетти, и старшие дети носятся по дому, точно это не поминки, а вечеринка по случаю дня рождения. Даже Арчи, которого в церкви переполняли эмоции, теперь кажется более спокойным. Он снял галстук (он сам заявил, что хочет надеть галстук, и одолжил его у отца) и теперь гоняется за Харриет между ног гостей.

– Арчи! – кричу я шепотом. – Почему бы вам не пойти играть наверх? Вы даже можете включить телевизор, если захотите.

Уже через пару секунд оба исчезают.

Внутри расхаживают официанты с блюдами закусок. Вдоль одной стены тянется длинный стол с бутербродами, прохладительными напитками, пирожными и вином. Каким-то образом Диане удалось обставить все именно так, как надо, и общая атмосфера получилась гостеприимная, но не праздничная, печальная, но не удручающая. Том был бы доволен.

Возложенная на меня Дианой роль заключается в том, чтобы встречать гостей по мере их прибытия. Тут нет ничего особо трудного. Люди приходят, говорят, какая прекрасная была служба и как им жаль. Я здороваюсь и указываю, где они могут взять выпивку и сэндвич с курицей. Год назад я бы предположила, что Диана дала мне эту роль, чтобы я не путалась у нее под ногами, или потому, что я не способна на большее. Но сегодня, зная, что она специально поставила меня на этот пост, я испытываю сильное желание сделать все как можно лучше.

Со своего поста у двери я время от времени замечаю Диану, стоящую как бы чуть в стороне и принимающую соболезнования. Она делает это с величайшим спокойствием и изяществом. С организацией похорон Диана справилась в одиночку, за исключением надгробной речи, которую она поручила Олли, и он выступил просто великолепно. Во время похорон я поглядывала на Диану и видела, что она сидит как каменная, словно застыла, мне даже вдруг захотелось придвинуться к ней на скамье, возможно, накрыть ее руку своей. Теперь я сожалею, что не сделала этого.

– Добро пожаловать, – говорю я, когда в двери входит новая группа скорбящих.

Я беру под локоть женщину лет девяноста и поддерживаю ее, пока она поднимается по трем ступенькам к дому. Она улыбается мне:

– Спасибо, дорогая.

Это наводит меня на мысли о матери. «Люси, дорогая. Ужин готов». Уже много лет никто не называл меня «дорогая». Я и забыла, как приятно быть кому-то дорогим.

– Прошу прощения, мэ.м.

Обернувшись, я вижу официанта в сером пиджаке, скорее всего он старший смены.

– Я не могу найти миссис Гудвин.

Я оглядываюсь. Оказывается, гостиная уже запружена людьми. Гул голосов усилился, на всех свободных поверхностях стоят тарелочки с недоеденными канапе. Дианы нигде не видно.

– О... А что вам нужно?

– Я хотел бы знать, не пора ли подавать кофе и чай.

– Не вижу причин, почему нет. – Я смотрю на дорожку перед домом и решаю, что можно спокойно покинуть свой пост. – Я попробую найти Диану.

Я обыскиваю первый этаж дома. На заднем дворе я застаю Нетти, Эди все еще сидит у нее на руках.

– Люси, где сумка с подгузниками? Эди пора вздремнуть, а мне нужно

найти соску и ягненка.

– Сумка в спальне наверху. Там уже поставили складную кровать. Ты свою маму не видела?

Нетти качает головой.

– Но дядя Дейв ищет ее, они с тетей Розой уезжают и хотят попрощаться.

Нетти несет Эди наверх, а я продолжаю проталкиваться сквозь толпу, обшаривая взглядом лица. В большой гостиной Олли слушает, как его кузен Пит в лицах рассказывает историю, похоже, как-то связанную с ослами.

– Люси! – окликает он. – Где мама? Все о ней спрашивают.

Я поднимаюсь по лестнице на второй этаж без особой надежды – Диана с Томом уже год им не пользовались. Дверь в первую спальню – ту, где я поставила кровать для Эди, – закрыта, и я на цыпочках прохожу мимо. Я заглядываю в соседнюю комнату, где Харриет и Арчи, лежа на кровати, пялятся в экран, широко раскрыв глаза и рты. Дверь в соседнюю спальню, бывшую спальню Тома и Дианы, тоже закрыта. Я медлю перед ней, затем легонько стучу.

– Диана?

Не услышав ответа, я захожу внутрь. Я никогда не бывала в этой комнате раньше, и она, честно говоря, нелепая. За дверью передо мной открываются коридор, гостиная, спальня (хотя Том и Диана спят внизу уже больше года) и ванная комната размером с наш старый рабочий коттедж. Наконец, за последней дверью есть гардеробная, от которой заплакала бы даже Кэрри Брэдшоу, укомплектованная баром и подвижной стремянкой, которая скользит на полозе вдоль стены. В центре комнаты стоит оттоманка, на которой сидит, обхватив голову руками, Диана.

– Диана?

Она поднимает глаза. Она плачет, но ее лицо не распухло и не покраснело. Макияж вокруг глаз не смазан. Диана даже плачет, держа себя в руках.

– С тобой все в порядке?

Почему-то сейчас она кажется бесконечно уязвимой. Она жалко пожимает плечами, как будто плечи у нее слишком тяжелые, чтобы их поднять. Потом вздыхает.

– Невозможно бесконечно повторять одно и то же. «Да, это была чудесная служба». «Да, солнце прекрасно светит». «Да, Тому понравилось бы». Я дошла до ручки, поэтому сбежала сюда и спряталась.

Я киваю.

Она оглядывается по сторонам.

– Какая бессмыслица, верно? Сама комната... Это идея Тома. У меня едва хватает одежды, чтобы заполнить этот шкаф. – Она указывает на один из дюжины шкафов. – Том во всем хватал через край. Больше – значит больше, значит лучше. Безумие, что я его не возненавидела, а? – Она смеется и продолжает, не дожидаясь моего ответа: – Наверное, мне стоит переехать в дом поменьше. Нет смысла оставаться здесь одной. Но теперь, когда он ушел, я не уверена, что смогу его оставить. Том – часть этого дома. Я чувствую его здесь.

– Я тоже его здесь чувствую, – подаю голос я.

Диана внимательно смотрит на меня. Она сжимает губы, и на какой-то мучительный миг мне кажется, что она вот-вот сорвется. Ее губы кривятся, подбородок морщится. Но в самый последний момент она берет себя в руки.

– Надо полагать, все меня ищут, – говорит она странно нормальным голосом. – Ты за этим сюда пришла? Сказать мне, чтобы я спускалась?

Она не двигается, но я вижу, что она готовится. Сейчас она вытрет лицо, поправит блузку, спустится вниз и сделает все что нужно. В конце концов, именно этим и занимается Диана. Но она не должна, не сегодня. Поэтому я качаю головой.

– Никто даже не заметил твоего отсутствия, – говорю я. – Все под контролем. Оставайся здесь столько, сколько нужно.

Остаток дня я провожу, разговаривая с людьми, которых никогда не встречала, принимая пожертвования для фонда, посвященного БАС. (Диана просила приглашенных не приносить цветы, а сделать пожертвования, и, хотя я не думаю, что она имела в виду наличные деньги, я в итоге получаю конверт, набитый огромной суммой наличных. Я делаю себе зарубку на память: надо выяснить, как именно передать их в фонд.)

Когда официантам наступает время уходить, я расписываюсь за выполнение заказа кейтеринговой фирмы и открываю задние ворота, выпуская их фургон, а после сама встаю за стойку бара. Патрик и Нетти слишком много выпили, и, когда Нетти возвращается за вином, я завариваю ей чашку чая, хотя сомневаюсь, что она его выпьет.

К семи вечера все дети спят на втором этаже.

К восьми вечера люди снова проголодались, и я заказываю пиццу.

Насколько мне известно, Диана все еще в гардеробной. Я сказала гостям, что она плохо себя чувствует и прилегла, – я очень надеялась, что гости воспримут это как намек, что надо расходиться, но они, кажется, не понимают.

В десять вечера я делаю поднос сэндвичей и отправляю его по кругу. Нетти в стельку пьяна, и Патрик в таком же состоянии. Олли относительно трезв, и как только отбывают Пит и остальные его кузены, приходит, чтобы помочь мне с Нетти.

– Возьми сэндвич, Нетти, – уговариваю я. – Заварить тебе еще чашку чаю?

Нетти угрюмо качает головой:

– Я хочу вина.

– Думаю, тебе хватит, сестренка, – говорит Олли. – В любом случае вино у нас кончилось.

– Мама даже на похоронах собственного мужа экономит на выпивке, – бормочет Нетти.

Я снова пытаюсь вложить ей в руку сэндвич с ростбифом и хреном, но она его отталкивает.

– Она даже не спустилась сюда поговорить с людьми! Я думала, она с бóльшим уважением отнесется к памяти отца. А теперь, вот увидите, она продаст дом! И получится, словно папы вообще тут никогда не было.

– Сомневаюсь, что она так сделает, – пытаюсь успокоить ее я.

– Еще как сделает, – говорит Нетти. – Я свою мать знаю. Она, вероятно, оставит все свое состояние приюту для бродячих собак.

Я ухожу от них на кухню. Мне нужно разгрузить посудомоечную машину, а Нетти все равно не в состоянии разговаривать. Я думаю о Диане, которая сидит в той огромной комнате. Интересно, сдвинулась ли она с места после моего ухода? Я собираю для нее тарелку сэндвичей и завариваю чай, а потом поднимаюсь в ее комнату. Она уже лежит в постели, но глаза у нее открыты. Она смотрит в стену.

– Патрик и Нетти еще здесь, но я закажу им такси. В доме более или менее прибрано, но завтра я вернусь и помогу тебе пропылесосить и помыть полы.

Диана смотрит на меня, сквозь меня.

– Я принесла тебе сэндвичи и чай на случай, если тебе захочется.

Я жду, но она не отвечает, поэтому я поворачиваюсь и иду обратно по коридору. Уже переступая порог, я слышу слабые слова:

– Спасибо, дорогая.

ДИАНА
ПРОШЛОЕ...

Именно Том настоял на том, чтобы Олли никогда не узнал, что он не настоящий его отец. Поначалу я с ним не соглашалась, но Том был непреклонен.

– Сомневаюсь, что надо лгать ему, Том. Не следует лгать детям.

– Люди всегда так говорят. Но почему это должно быть обязательным правилом? Давай попробуем проанализировать минусы и плюсы, а? Если не скажем Олли, то рискуем, что он когда-нибудь узнает и обвинит нас в том, что лишился возможности общаться со своим биологическим отцом, который вообще не хотел, чтобы он появился на свет. А каковы преимущества, если мы не скажем? Олли будет считать, что родился в семье, где двое родителей любят друг друга, а сам он желанный ребенок. Он будет считать, что у него есть настоящая сестра. Он будет так же адаптирован, как и другие детей из полных семей. Почему мы должны отказывать ему в этом, чтобы он не мог потом обвинить нас? В конце концов, зачем еще существуют родители, если не затем, чтобы винить их во всех своих бедах?

Том был настолько непоколебим, что я согласилась. В его логике, возможно, были изъяны, но, если он готов хранить секрет до самой смерти ради блага моего сына, я не могла спорить. Я сочла, что как раз такое решение и принял бы истинный отец.

Поэтому я позволила ему его принять.

«Тома здесь нет».

Я так долго пыталась не быть слабой, что забыла, как это прекрасно. Сколько я себя помню, я должна была быть сильной ради своей семьи. В том, чтобы быть сильной, есть свои преимущества. Это заставляет тебя считать, что ты способна взвалить на себя что угодно и выстоять. Именно поэтому я прожила свою жизнь так, как прожила: упорно работала, не предавалась лени или унынию, не принимала слабость в себе или других. Но силу переоценивают. А быть слабой – лениться и унывать – удивительно приятно.

«Тома здесь нет».

Лежа на диване внизу, я смотрю в незажженный камин. Уборщица приходит по вторникам и четвергам, а сегодня среда, и это облегчение. А еще можно отменить уборку. Я сама могу прибраться в доме.

– Не будь смешной! – произносит у меня в голове голос Тома.

А что тут смешного? Честно говоря, уборщицы всегда были для меня скорее помехой. День уборки для меня всегда означал сначала яростное снование по дому, чтобы убедиться, что меня не сочтут неряхой, а потом необходимость исчезнуть, потому что сидеть дома и бездельничать, пока какая-нибудь девушка (неизменно иностранка) трудится до седьмого пота, вытирая грязь с унитаза моего мужа, было слишком ужасно, просто невыносимо. Том не разделял моих страданий из-за уборщиц. Будь он дома, то валялся бы на диване с газетой и чашкой кофе в руке. Помню, однажды я наблюдала, как он поднял одну ногу, потом другую, пока девушка пылесосила под его ботинками. Он подмигнул ей, и она хихикнула. Только Тому такое сходило с рук.

«Тома здесь нет».

Я не одинока. Есть люди, которым я могу позвонить, и они составят мне компанию. Олли всегда готов приехать. Я знаю, что он в мгновение ока бросит свой офис и придет, радуясь возможности сделать что-то хорошее для своей старой мамы. Вероятно, именно по этой причине его бизнес идет ко дну, – у него сбита шкала приоритетов. Он должен сидеть на работе и зарабатывать на жизнь, чтобы содержать жену и детей.

Нетти приедет, если я попрошу, – если только она не занимается чем-то связанным с рождением ребенка. В ее иерархии приоритетов я занимаю довольно высокое положение, но не самое высокое, как и следует. Кроме того, у меня такое чувство, что у нее свои проблемы. С тех пор как Патрика заметили в Дейлсфорде, до меня стали доходить кое-какие слухи. Кто-то видел его в Брайте, кто-то – в Олбери. Патрик, как оказалось, ведет бурную жизнь. Когда-то я бы прямо спросила его, что он может сказать в свое оправдание. Теперь я едва могу найти в себе силы встать с постели.

Я могу позвонить Кэти, Лиз или Джен. Они все звонили и присылали СМС, предлагали принести еду или сводить меня куда-нибудь. Пару дней назад Лиз удалось уговорить меня пойти в «Бэтс» выпить пару бокалов, но я все еще не совсем пришла в себя. Нормальная жизнь мне просто не по плечу, я еще не готова к норме. Том мертв. Мне нет дела до чьей-то невестки или чьей-то ссоры с мужем или забавной истории про проблемы с недержанием мочи и собачьей площадкой. Все это меня не волнует.

Потому что Тома здесь нет.

Я скукаю по нему. Даже неделю назад, когда Том был едва жив, я все

еще могла дотронуться до него. Он всегда был теплым, как любой человек. Тепло и было его сверхсилой. Люди хотели, чтобы он их направлял. Друзья хотели быть рядом с ним. Наши дети любили его больше всех.

Я любила его больше всех.

Матерям не полагается так говорить. Но это правда. Я родилась на свет, чтобы любить Тома Гудвина.

В дверь звонят. Я стараюсь игнорировать звонок. Мой диван – как спасательный плот, внешний мир – кишачье акулами море. Схватив плед, я укрываюсь с головой, надеясь, что придет сон и поможет мне продержаться до вечера, а там я наконец смогу переодеться в пижаму и скользнуть в успокаивающую темноту ночи. Я смогу съесть тост, выпить чашку чая и включить телевизор, чтобы нарушить тишину, воцарившуюся в этом большом старом доме. Иногда по ночам я воображаю, что Том все еще здесь. Я делаю вид, что встала и готова еще раз помассировать ему икру, которую свела судорога, или дать еще глоток воды. Те мгновения, которые у нас были в предрассветные часы, теперь кажутся невообразимо роскошными, те украденные мгновения – он и я против всего мира.

– Сейчас приду, любовь моя, – шепчу я в пустом доме. – Сейчас тебе станет лучше.

В дверь снова звонят.

– Лучше ты открой, Том, – шепчу я и закрываю глаза.

ЛЮСИ**НАСТОЯЩЕЕ...**

Уже темно, когда я слышу, как поворачивается в замке ключ. Нетти и Патрик ушли, дети спят, а я сижу на диване, ничего не слушаю, ни на что не смотрю.

– Олли? Это ты?

Я слышу, как ключи падают в чашу, а потом он появляется в гостиной. Он падает на диван, откидывает голову на подушку и закрывает глаза.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Он не открывает глаз.

– Меня допрашивали.

– О чем?

– Обо всем.

– Олли...

Он открывает глаза.

– Честно говоря, они допрашивали меня обо всем. Что я делал в день смерти мамы, в каких был с ней отношениях. Они спрашивали о моих отношениях с Нетти, моих отношениях с тобой. Как обстоят дела у меня в фирме.

Я хмурюсь.

– У тебя в фирме? Почему их это волнует?

– Очевидно, они узнали, что дела идут скверно. Они получили все наши отчеты о прибылях и убытках. Долг – весьма весомый мотив кого-то убить.

– Но ты же не извлек выгоду из ее смерти!

– Но я не знал, что не получу наследства... как мне любезно указала Джонс.

– Диана собиралась тебе сказать.

Олли смотрит на меня недоуменно:

– Что?

– Я имею в виду... она должна была. Уж конечно, Диана о таком сказала бы.

Олли пожимает плечами:

– Честно говоря, понятия не имею. – Лоб у него собирается морщинами. – В участке я видел Эймона. Его тоже допрашивали.

– Из-за смерти твоей матери?

– Вероятно. Кто знает? – Олли в изнеможении откидывается на спинку дивана. – Люси, можно тебя кое о чем спросить?

– Да.

– Ты думаешь, это я убил маму?

Я смотрю на него, на каждую до боли знакомую частичку: черты лица, изгиб подбородка, преданные карие глаза...

– Нет. Но я думаю, что ты лжешь о чем-то. И я хочу, чтобы ты сказал мне, в чем дело.

ЛЮСИ ПРОШЛОЕ...

Я никогда не верила в судьбу или в предчувствия, но, проезжая по Бичроуд, вдруг испытываю внезапное желание навестить Диану. На самом деле я принимаю решение так быстро, что чуть не сбиваю велосипедиста на внутренней полосе – с предсказуемым результатом: он грозит мне кулаком.

– Извините, – шепчу я, и он показывает мне средний палец.

Я сворачиваю на подъездную дорожку к дому Дианы. Ей не понравится, если я появлюсь без предупреждения, но после похорон Тома я постоянно о ней думаю. Ей, наверное, одиноко в том огромном пустом доме. Я пару раз просила Олли позвонить ей, и он звонил. «Судя по голосу, с ней все в порядке, – сообщал он каждый раз. – Может быть, она немного угнетена, но это ожидаемо».

Убедительно. Но это не значит, что ей не нужен друг. Если меня вообще можно считать другом.

Я нажимаю кнопку звонка. Когда ничего не происходит, я толкаю дверь.

– Эй? – кричу я. – Диана? Это Люси.

Я нахожу ее в кабинете, она лежит пластом на диване.

– Диана? – окликаю я, но она даже не поднимает голову от подушки.

И я начинаю понимать. Произошло что-то очень, очень плохое.

Диана смотрит в окно моей машины, как в транс. На ней обычная ее одежда: темно-синие брюки, белая блузка, нитка жемчуга, но одежда выглядит помятой, как будто она носила ее вчера, сняв, бросила на пол, а утром надела снова. Кроме того, на ней черные кроссовки, а не открытые туфли-лодочки или балетки, волосы с одной стороны сваялись (наверное, с той, на которой она спала), и она даже не потрудилась их расчесать. С тех пор как села в машину, она не произнесла ни слова, даже не прокомментировала крошки от печенья, которые я смахнула с сиденья, прежде чем ее усадить.

– Ты в порядке, Диана? – спрашиваю я, когда мы останавливаемся на светофоре.

Она смотрит в сторону от дороги, на пляж, на серферов, мелькающих на горизонте Брайтон-бич, но у меня такое чувство, что она ничего не видит.

– В порядке, – говорит она, когда проходит достаточно времени, чтобы я решилась повторить вопрос.

Я предложила позвонить Олли («Нет, он слишком занят на работе») или Нетти («В последнее время ее беспокоят только дети!»), но, похоже, она вполне довольна, что я рядом. Она твердит, что не больна, но она явно нездорова. Поэтому я везу ее к семейному врачу, доктору Пейсли.

Но когда я въезжаю на стоянку, Диана по-прежнему не двигается.

– Ладно, – говорю я фальшиво веселым тоном, от которого мне самой хочется съезжиться. – Вот мы и приехали.

Наконец она пошевелилась, но двигается она медленно, как старуха. Она идет напрямик в приемную и садится, оставив меня договариваться в регистратуре. Это не та Диана, которую я знаю. Она подавлена с тех пор, как умер Том, но сегодня она кажется почти ребенком. С ней такой гораздо легче справиться. Но я не хочу с ней «справляться». Видеть человека, так умеющего владеть собой и ситуацией, настолько... беспомощным – огромный шок.

Переговорив в регистратуре, я сажусь рядом с ней и жду. Диана берет журнал, который я ей предлагаю, но не открывает его. Я свой тоже не открываю. Когда через несколько минут ее вызывают, я спрашиваю:

– Хочешь, я пойду с тобой?

Она пожимает плечами, что я расцениваю как согласие.

На вид доктору Пейсли лет пятьдесят пять, она пухленькая и улыбчивая и одета в яркую тунику. Очевидно, Диана лечится у нее уже много лет.

– Привет, – говорит она, садясь за стол. Она поворачивается к нам лицом и протягивает мне руку. – Я Роза. Приятно познакомиться. – Она снова переводит взгляд на Диану: – Я слышала о Томе, Диана. Соболезную твоей утрате.

– Спасибо.

– Чем могу быть полезна?

Я смотрю на Диану, а та смотрит на меня. Наконец она вздыхает.

– Ну... с тех пор как Том умер, я не слишком хорошо себя чувствую. Чего, я полагаю, и следовало ожидать. Но Люси захотела, чтобы я к тебе пришла.

Взгляд доктора Пейсли на секунду встречается с моим.

– Ты права, мало кто чувствует себя хорошо после потери супруга.

Иногда это затягивается надолго. Но мы должны следить за своим здоровьем в этот период, поэтому Люси была права, что настояла.

Диана пожимает плечами:

– Тогда ладно.

– Как ты спишь?

– Урывками.

– Ты делаешь то, что делала обычно? Встречаешься с друзьями, видишься с внуками?

– На прошлой неделе ходила выпить с приятельницами в «Бэтс».

– И как все прошло?

Диана смотрит в окно.

– Нормально, наверное.

Задавая вопросы, Роза надевает на руку Диане рукав тонометра, аппаратик начинает с шумом накачивать воздух. Диана словно и не замечает.

– Настроение в целом подавленное? – спрашивает ее доктор Пейсли.

– Можно и так сказать.

– Какие-нибудь проблемы с памятью?

– Не припоминаю, – невозмутимо отвечает Диана, и я невольно хихикаю.

Роза задает еще несколько вопросов, кивая на каждый ответ, как будто ей что-то становится понятно.

– Ну, – говорит она наконец, – думаю, было бы неплохо сдать кровь на анализ.

Диана поднимает бровь:

– Анализ на что?

– На разное. Надо проверить уровень железа, нет ли анемии. На гормоны щитовидной железы. Плюс обычные показатели. – Она печатает на компьютере, и из принтера вылетает голубой бланк назначения. – Но из твоих ответов, Диана, несомненно следует, что у тебя депрессия. Поэтому я должна спросить... у тебя были мысли о самоубийстве?

Диана молчит. Мгновение спустя доктор Пейсли переводит взгляд на меня.

– Ты бы предпочла поговорить без дочери, Диана? Иногда проще говорить откровенно, если...

– Мне не нужно говорить наедине, – откликается Диана. – Нет, у меня не было мыслей о самоубийстве.

– Хорошо. Это хорошо.

Доктор Пейсли рекомендует хорошего психотерапевта, прописывает

антидепрессанты, и мы договариваемся о встрече через неделю.

Только после того, как мы выбираемся из клиники, до меня доходит, что врач назвала меня дочерью Дианы. И Диана ее не поправила.

ЛЮСИ

НАСТОЯЩЕЕ...

– Олли, – говорю я, когда начинает звонить городской телефон. – В тот день, когда умерла твоя мама, ты ездил к ней домой?

Он наклоняется вперед, кладет руки на колени и делает глубокий вдох.

– Да.

– Почему? – спрашиваю я, и тут же у меня вырывается более важный вопрос: – А мне ты почему не сказал?

– Я хотел.

– Тогда почему ты этого не сделал?

Телефон продолжает звонить, громко и пронзительно. Мне хочется вырвать эту чертову штуку из стены.

– Я только возьму трубку, – говорит Олли, подходя к телефону.

– Олли, нет! Просто оставь...

Но он уже хватается за трубку.

– Алло?

Я чертыхаюсь себе под нос.

– Оливер Гудвин. – Он на мгновение замолкает, потом встречается со мной взглядом. – Да. Минутку. – Он протягивает мне трубку: – Это Джонс.

– Меня? – Когда я беру трубку, меня охватывает беспокойство. – Люси Гудвин слушает.

– Люси, это детектив Джонс. Нам с Ахмедом нужно с вами поговорить. Срочно. – Голос Джонс звучит отрывисто. – Вы не могли бы приехать в участок?

– Зачем? – спрашиваю я.

Мне хочется заорать, что с меня хватит полицейских, которые звонят среди ночи и тащат Олли или меня в участок. Мне хочется напомнить Джонс, что у нас маленькие дети, которые спят, и что, если я не под арестом, ей придется подождать до утра. Но я ничего этого не говорю. Потому что у меня такое чувство, что мое возмущение слегка напускное.

– Мы хотим поговорить с вами об организации под названием ДЭИ. Это сокращение расшифровывается как «Добровольная Эвтанизия Интернэшнл». Мы получили информацию, что ваша свекровь была членом этой организации... и у нас есть основания полагать, что вам об этом

известно.

Я говорю, что приеду, как только смогу.

ЛЮСИ**ПРОШЛОЕ...**

Как раз когда я, завезя Диану от врача к ней домой, останавливаюсь у собственного дома, подъезжают Патрик и Нетти.

– Привет, – говорю я, выходя из машины. – Какой сюрприз!

– Мы позвонили Олли, – говорит Нетти, – и он сказал, что мы можем приехать.

– А... ну хорошо. Вообще-то я рада, что вы здесь.

– Мы тоже, – говорит Нетти странно бодро.

Патрик, напротив, кажется, немного подавленным. Он не спеша запирает машину, следует за нами по дорожке на несколько шагов позади.

– Как прошел день? – спрашивает Нетти.

Я открываю дверь своим ключом.

– На самом деле это было немного странно. Вот почему я рада, что вы здесь. Мне нужно поговорить с вами о Диане.

Мы заходим в гостиную, за аркой в кухонном уголке Олли стоит у холодильника и потягивает пиво.

– Всем привет, – говорит он. – Пива хочешь, Патрик?

– Что-то с мамой? – поворачивается ко мне Нетти. – Что случилось с мамой?

– Да, что там с мамой? – спрашивает Олли.

Дети, сидящие перед телевизором в пижамах, поднимают глаза и быстро их опускают.

– Они накормлены? – спрашиваю я у Олли.

– Куриные наггетсы, горох и кукуруза, – гордо отвечает мой муж. – Вам вина, дамы?

– Конечно, – отвечаю я.

– Мне не надо, – говорит Нетти.

Олли протягивает Патрику пиво, которое тот хватает и открывает в рекордное время. Я ловлю себя на мысли, все ли с ним в порядке, но я слишком занята Дианой, чтобы тратить много времени на размышления.

– Может, пойдем в столовую, подальше от ушастиков? – предлагаю я. – И я расскажу, что произошло с Дианой.

Убирая беспорядок на столе в столовой, я замечаю, что Нетти бросает

на Патрика странный взгляд, в нем сквозит то ли улыбка, то ли раздражение. Внутри меня все трепещет – я понимаю, что она беременна. Скорее всего беременна.

– Так... вам есть что нам рассказать? – спрашиваю я, когда мы все садимся.

Улыбка Нетти подсказывает, что да, но она качает головой.

– Нет-нет, сначала ты. Расскажи о маме.

– Ладно, – говорю я. – В общем, я заехала к ней сегодня:

Воцаряется краткая, многозначительная тишина. Даже Патрик пялится на меня так, будто у меня две головы.

– Ты заехала к маме? – переспрашивает Олли.

Ну да, признаю, подобное не сочтешь обычным для меня поступком, и все равно я поражена, что они в шоке.

– Ну... с тех пор как умер Том, мы почти ее не видели, практически с ней не разговаривали. Я заволновалась! И, как оказалось, была права. Она выглядит так, будто спит не раздеваясь и ест как попало. Я отвезла ее к врачу, просто чтобы та на нее взглянула.

Олли ставит на стол банку с пивом.

– Что сказала врач?

– У нее взяли кровь на анализ, но, скорее всего, у нее депрессия. Ей прописали антидепрессанты. Еще врач рекомендовала физические упражнения и соблюдение определенного режима. И я подумала, что мы могли бы по очереди ездить к ней и брать ее на прогулку, привозить ей еду и все такое.

– Хорошая идея, – говорит Олли.

– Конечно, – говорит Нетти. – Да, почему бы и нет.

Но мысли Нетти как будто заняты другим. Она словно бы нервничает. Ее глаза бегают по комнате, как у детей, когда они приходят в чей-то дом поиграть и не могут решить, с какой игрушкой начать. Это отвлекает.

– Все в порядке, Нетти?

– Ну на самом деле... Мы с Патриком действительно хотим кое-что с тобой обсудить. – Она лучезарно улыбается Патрику, который улыбается в ответ чуть менее восторженно.

– Ты беременна! – восклицает Олли.

Улыбка Нетти немного тускнеет.

– Ну нет. Пока нет. Но именно это мы и хотели с вами обсудить. Проблема с моим бесплодием... у нее несколько аспектов. Это не только поликистоз яичников, дело еще и в моих яйцеклетках и в матке. Какую причину бесплодия ни возьми, у меня такая найдется. – Она раздражается

смехом – пронзительным, высоким пустым хихиканьем. – На этой неделе наш врач сказал, что лучший шанс зачать ребенка – прибегнуть к донорской яйцеклетке и найти суррогатную мать.

Отпив глоток вина, я опускаю глаза.

– Конечно же, мы не о таком мечтали, когда решили завести ребенка. Ребенок не будет биологически моим, но он будет биологически Патрика, и он будет зачат, чтобы быть нашим. Думаю, это наш лучший шанс завести ребенка.

– Ух ты! – вырывается у Олли. Судя по выражению его лица, он не знает, хорошие это новости или плохие. А вот я совершенно уверена, что плохие.

– Так вы, ребята, на такое пойдете? Используете донорскую яйцеклетку и суррогатную мать?

– Вот тут все становится сложно. – Нетти слегка морщится. – Мы бы очень хотели, но донорство яйцеклетки и суррогатное материнство в Австралии разрешены только в том случае, когда они добровольные, поэтому мы не можем никому заплатить. Кто-то должен будет сделать это добровольно.

– А ты не можешь поехать за границу? – перебивает сестру Олли. – Я видел документальный фильм о людях, которые ради этого едут в Индию. Или в Соединенные Штаты.

– Такой вариант существует, – говорит Нетти. – Но это будет очень дорого. И что еще важнее, пока ребенка будут вынашивать, он будет очень далеко от нас. Мы не сможем пойти на УЗИ или проверить здоровье матери, вероятно, даже при родах присутствовать не сможем, если схватки начнутся рано. Кроме того, мы плохо понимаем, как там работает система здравоохранения. Откуда нам знать, надежная ли она?

Патрик до сих пор не произнес ни слова. Правда, учитывая, как тараторит Нетти, это было бы непросто.

– И что ты собираешься делать? – спрашивает Олли.

Олли до сих пор не понял. Он, наверное, единственный, кто не понял. Я делаю еще один большой глоток вина и заставляю себя проглотить.

– Она хочет, чтобы это сделала я.

Нетти смотрит на меня. Она насторожена, взволнована, но старается это скрыть.

Она достает из сумочки прозрачный пластиковый пакет и кладет его на стол между нами.

– Вот тут у меня кое-какая информация.

Я вижу слова «Как стать суррогатной матерью» на обложке фиолетовой

брошюры, а ниже фотографию беременного живота, голова обрезана.

– На самом деле это довольно простой процесс.

Олли смотрит на Нетти, отчаянно моргая – совсем как олень в свете фар.

– Ты хочешь, чтобы Люси дала свою яйцеклетку? Стала для тебя суррогатной матерью?

Нетти не сводит с меня глаз.

– Я знаю, что не имею права просить.

– Право ты имеешь... – медленно говорю я. – Но...

Нетти подается на стуле вперед, складывает руки на столе, словно она на деловых переговорах. У меня такое чувство, что она много репетировала и готова опровергнуть любой мой аргумент. Я чувствую, как под мышками у меня проступает пот.

– Погодите, – вмешивается Олли. – Ты хочешь, чтобы Люси пожертвовала яйцеклетку и выносила ребенка? Значит, это будет ребенок Люси и... Патрика?

– Нет, – говорит Нетти. Ее нервное напряжение как будто спало, и она странно спокойна. – Это будет наш с Патриком ребенок.

– Но... – Олли как будто заикнулся на этом вопросе, и на этот раз я с ним согласна. – Биологически это будет ребенок Люси?

– Да, – признается Нетти, глядя на меня. – Не хочу, чтобы ты принимала весь удар на себя, Люси, но... Ты можешь сказать, что ты сама думаешь об этой идее?

Откинувшись на спинку стула, я медленно моргаю.

– Я... то есть... это как гром среди ясного неба, Нетти. Очевидно, что мне нужно подумать.

– Конечно, – кивает Нетти. – Конечно, нужно. Но... может, поделишься своей первой реакцией?

– Она сказала, что ей нужно подумать! – нехарактерно резко вмешивается Патрик. – Дай женщине дух перевести!

В противоположность деловитости Нетти Патрик выглядит почти угрюмым. Он сидит, откинувшись на спинку стула. Руки скрещены, подбородок опущен почти до груди.

– Понимаешь, Нетти, моя первая реакция – шок, – говорю я. – Тут о многом надо подумать. Нам с Олли придется это обсудить...

– Значит, возможность есть? Ты бы о таком подумала? – Зажмурившись и сжав кулаки, Нетти выбрасывает руки вверх, точно загадывает желание.

– Честно? – говорю я. – Сомневаюсь, что такое возможно.

Нетти открывает глаза, но не поднимает взгляд.

– Мне очень жаль. Я думала об этом раньше, абстрактно и... Я просто не могу этого сделать. Ведь это будет мой ребенок...

– Наполовину твой, – слабым голосом поправляет Нетти.

– Ребенок не бывает наполовину чей-то. Он будет моим, так же как Арчи, Харриет и Эди. Прости, но я не могу зачать ребенка, выносить его, а потом отдать. Я просто не могу. Даже ради тебя.

– Ты даже не подумаешь об этом? Хотя бы несколько дней? Хотя бы до утра?

– Я подумаю, – говорю я. – Но мой ответ будет таким же.

Нетти вскакивает так резко, что стул, отлетев, врезается в стену позади нее.

– Мне очень жаль, Нетти, – говорю я. – Правда, Нетти, мне очень жаль.

Патрик закрывает рукой лицо, проводит ладонью по лбу. Я не могу сказать, это жест печали или облегчения. Но выражение лица Нетти мне ясно видно. Тут нет и тени сомнения.

Это ненависть.

ИАНА
ПРОШЛОЕ...

«Закончить свою жизнь мирно и безболезненно».

Я набираю слова в «Гугле» и нажимаю «ввод». Я не помню, когда в последний раз пользовалась этим компьютером, но, скорее всего, давно, потому что у мыши сели батарейки. Теперь приходится пользоваться тачпадом, и это очень раздражает. В конце концов мне удастся навести курсор на первую ссылку, «Линия жизни. Австралия», – оказывается, это организация по предотвращению самоубийств. Это не то, что я ищу, но, полагаю, довольно разумно. Есть, вероятно, уйма подростков, которые решили покончить с жизнью из-за разрыва отношений, или скандала с неприличными фотографиями, или чего-то еще. Эти дети не знают, что их маленький кризис пройдет и они будут намного лучше учиться. Однажды они расскажут своим собственным детям о том, как когда-то они думали, что их жизнь не стоит того, чтобы жить, но посмотрите на них сейчас: у них есть дети, успех, счастье! Этим людям нужен спасательный круг, для них существуют подобные телефонные номера. Не для таких, как я. Я старая женщина. Я прожила хорошую жизнь, была замужем, вырастила детей.

Мне нужна помощь не чтобы жить, а чтобы умереть.

Повозившись с тачпадом, я уточняю условия поиска. «Добровольная эвтаназия, Австралия». «Гугл» показывает то, что я и так знаю: например, что эвтаназия в Австралии запрещена, хотя в последнее время в больницах для неизлечимо больных случается все чаще. Но «Гугл» сообщает мне и то, чего я не знаю, например, что купить препараты или оборудование для эвтаназии гуманным способом невероятно трудно. Не будучи смертельно больна, я не имею права поехать в клинику «Дигнитас» в Швейцарии, а медицинские диагнозы и прочие документы, которые там потребуют, весьма обширны, исчерпывающи, и их невозможно подделать. Так что, насколько я понимаю, мне остается только интернет.

Я принимаю антидепрессанты, которые доктор Пейсли прописала почти полгода назад, и думаю, они оказывают свое действие. Сон стал лучше. Я получаю больше удовольствия от самых разных вещей. Мне удается одеться, поесть и немного поработать. Но Том по-прежнему мертв.

Нет таблетки, которая бы это изменила.

Я нахожу ссылку на организацию под названием «Добровольная Эвтаназия Интернэшнл». Текст под ссылкой гласит:

«Философия ДЭИ: каждый взрослый человек в здравом уме и твердой памяти должен иметь право закончить свою жизнь надежным, мирным и гуманным способом и в тот момент, который сам выберет. ДЭИ считает, что контроль над своей жизнью и смертью является фундаментальным правом, которого нельзя лишать ни одного здравомыслящего человека. Миссия ДЭИ: снабжать членов организации необходимой информацией и поддерживать их, если они примут решение закончить свою жизнь».

Я кликаю на ссылку. И продолжаю читать.

ЛЮСИ
НАСТОЯЩЕЕ...

В полицейский участок я еду одна. Олли предложил поехать со мной, но я сказала ему, чтобы он не глумился, – кто-то должен остаться с детьми. Я не стала называть настоящую причину, по которой я не хочу, чтобы он меня сопровождал: я не вынесу его выражения лица, когда он узнает, что я сделала.

Я подхожу к стойке, чтобы сообщить, что приехала, но не успеваю назвать свою фамилию, как появляется Джонс.

– Здравствуйте, Люси. Поднимайтесь.

В лифте она извиняется за поздний вызов, и я отвечаю, мол, все в порядке, без проблем, рада помочь, но мой голос звучит странно, потому что я вся на нервах. Олли, должно быть, был в этом лифте не более часа назад. Нетти и Патрик были здесь. Очевидно, и Эймон тоже. На ум приходит шутка. Сколько людей нужно, чтобы убить богатую старушку?

Хотелось бы мне знать.

Мы шаркаем по коридору в очередную комнату для допросов, где воняет дешевыми духами и сигаретами. Я сажусь, Джонс тоже. Проходит несколько секунд, но она молчит.

– У вас были... вопросы? – наконец спрашиваю я.

– Мы просто ждем Ахмеда.

– Я здесь, – говорит он как раз в этот момент, появляясь в дверях.

Комната маленькая и от того, что нас в ней трое, кажется еще меньше. От тесноты я еще больше нервничаю. Видеомэгафон стоит в углу, и они снова повторяют прежнюю вступительную речь, объясняя, что сейчас пойдет запись. Наконец мы переходим к делу.

– Как я уже сказала по телефону, – начинает Джонс, – мы вызвали вас потому, что нам стало известно, что ваша свекровь была членом группы сторонников добровольной эвтаназии. Эта организация проводит встречи, где участникам предоставляется информация о том, как человек может гуманно закончить свою жизнь.

Я старательно сохраняю невозмутимое выражение лица.

– Вот как?

– У нас есть информация, что ваша свекровь присутствовала на одной

такой встрече и вступила в данную организацию.

– Вот как?

Джонс смотрит мне прямо в глаза.

– Именно так.

– Так... по-вашему, она покончила с собой?

– Мы считаем, что у нее были такие мысли. Это не объясняет ее смерть, потому что в ее организме не нашли следов препарата... но это интересный поворот.

Я не знаю, что на это ответить, поэтому молчу.

– Вы не могли бы рассказать о своей прошлой профессии, Люси? – просит Джонс после минутного молчания.

Я нахожу заусеницу и ковыряю ее.

– Я домохозяйка.

– А до этого?

– Я была рекрутером.

– Рекрутером? – Джонс смотрит на Ахмеда и не пытается скрыть ухмылку. – В какой отрасли?

Я колеблюсь.

– Информационные технологии.

– И у вас университетский диплом по информационным технологиям и анализу данных, верно?

– Верно.

– Значит, если бы вас спросили, как зашифровать адрес электронной почты, вы бы знали, как это сделать?

Звучит как вопрос, но Джонс ясно дает понять, что на самом деле это утверждение.

– Я...

– Вы могли бы узнать, как это сделать? – выдвигает предположение Джонс.

– Возможно, – признаю я.

– Вы знаете, что такое биткоины?

Вопросы Джонс следуют все быстрее, и я задумываюсь: а вдруг это такой способ выбить меня из колеи. Если так, то он работает.

– Да... кажется, да... А в чем дело?

Они сверлят меня глазами с понимающим видом.

– Я арестована? – взволнованно спрашиваю я. – Потому что время уже позднее. Мне правда нужно домой к детям.

– Еще один вопрос, Люси, – говорит Джонс, – и сможете поехать домой. Но я хочу, чтобы вы подумали, прежде чем отвечать, хорошо?

Подумайте хорошенько.

– Ладно, – говорю я.

– Вам известно, что по австралийским законам помогать кому-то совершить самоубийство преступление? Оно наказывается лишением свободы на срок до двадцати пяти лет.

ДИАНА ПРОШЛОЕ...

Перед библиотекой собрались протестующие, – такого я не ожидала. И они не из молчаливых. У них есть плакаты и распятия, и они кричат, что только Бог может решать, когда человеку умереть. «Очевидно, нет, – думаю я, – иначе чего ради им собираться на свою акцию».

Жаль, что я не прихватила с собой книгу. Тогда можно было бы ее предъявить, и меня оставили бы в покое. Я бы сказала, что просто пришла вернуть ее в библиотеку. А так кто-то сует мне под нос флуоресцентно желтый плакат с фразой «САМОУБИЙСТВО – ЭТО НЕ ПРОСЬБА О СМЕРТИ, А КРИК О ПОМОЩИ», да еще и предлагает помолиться за мою душу. Одновременно со мной в библиотеку входят мать с коляской и пара молодых парней-азиатов с ноутбуками, с виду студенты, и к ним никто не пристает.

Забронировать билет было относительно легко. В инструкции говорилось, что обращающийся должен быть старше пятидесяти или иметь серьезное заболевание и подтверждающие это документы, и я определенно подхожу под первую категорию. Не знаю, чего я ожидала. Какого-то тайного рукопожатия и, возможно, грязной задней комнаты. Но встреча происходит не где-нибудь, а в Тоораке, пусть это и не самый престижный район Мельбурна. Уж конечно, богатые хотят сами определять условия и обстоятельства собственной смерти.

Собрание проходит в большой комнате в цокольном этаже библиотеки. В дверях стоят мужчина и женщина, женщина держит планшет, а мужчина, судя по его росту и общему безделью, скорее всего охранник. Я не бывала в библиотеке Тоорака раньше, но для четверга тут как будто необычно оживленно. Интересно, этот наплыв посетителей связан с сегодняшней встречей?

Я подхожу к женщине с планшетом.

– Меня зовут Диана Гудвин. Я заказала билет онлайн.

Я достаю сложенный билет, который распечатала сегодня утром, и женщина сверяет его со своим списком. На веб-странице говорилось, что от посетителей могут потребовать предъявить удостоверение личности, и я держу свое наготове, но, окинув меня долгим взглядом, она ни о чем таком

не спрашивает. И все же она дотошна. Когда она смотрит на меня, я вспоминаю, как стояла однажды на пограничном контроле и меня допрашивали, требовали убедительно доказать, та ли я, за кого себя выдаю. В конце концов я как будто выдерживаю испытание, и меня пропускают.

Комната не производит слишком уж приятного впечатления: потертое синее с серым ковровое покрытие, черные стальные стулья с бордовыми тканевыми сиденьями расставлены рядами (их тут около двадцати) по шесть с каждой стороны от прохода. Есть еще старая школьная доска с маркерами. Я сажусь в предпоследнем ряду, стараюсь стать невидимкой. Через несколько стульев от меня другая женщина, примерно моего возраста, явно пытается сделать то же самое. Перед нами сидит женщина намного моложе пятидесяти, рядом с ней – пожилой мужчина в инвалидном кресле, возможно, ее отец. К нему подсоединено множество трубок, уходящих к кислородному баллону, вмонтированному в спинку кресла, – все вместе похоже на клюшки для гольфа на багги, и я невольно думаю о Томе. Остальные в комнате так или иначе нездоровы: двое в кислородных масках, трое лысые. Семидесятилетний мужчина держит за руку жену, которая явно страдает каким-то психическим заболеванием и не переставая бормочет себе под нос, и я слышу, как она произносит парочку самых грязных ругательств.

Лишь пара человек храбро сидят впереди, они выглядят как семейная пара, оба седые, но с прямыми спинами. Гордые, оплатившие свое участие члены ДЭИ собственной персоной. На мужчине темно-синий шерстяной свитер и рубашка с расстегнутым воротником, он сидит, скрестив руки на груди и закинув ногу на ногу. На женщине белая блузка, свитер цвета лесной зелени и нитка жемчуга, она полуобернулась и (как ни странно) обсуждает с другой женщиной выращивание пряных трав и проблемы, которые возникли у ее собеседницы с базиликом. Женщина в зеленом, похоже, хорошо разбирается в выращивании базилика. Глядя на нее, я чувствую укол странного чувства... Подозреваю, это связано с тем, что муж сидит с ней рядом. Случайному наблюдателю может показаться, что он совершенно здоров, но случайный глаз видит не все. И это тоже я слишком уж хорошо знаю.

Минут через пять дверь закрывается, и женщина с планшетом, оставив здоровяка стоять за дверью, выходит к доске. Тут я понимаю, что именно она тут всем заправляет. Я знала, что собрание будет проводить врач, – сексизмом было с моей стороны предположить, что это будет мужчина. Если бы такое предположение сделал Том, я бы его отчитала.

– Добрый день, – говорит она. – Спасибо всем, что пришли. Я вижу

знакомые лица и некоторые новые. Я доктор Ханна Фишер.

Доктор Фишер говорит тепло, весело и деловито, и речь, которую она произносит, явно вошла у нее в привычку. Действительно, саму свою жизнь и труды она посвятила своей вере в добровольные самоубийство и эвтаназию. Она в общих чертах излагает историю эвтаназии, касается существующих на данный момент юридических тонкостей и формальностей того, что мы можем и не можем сделать, составлению завещания и прощальной записки. Она рассказывает о том, как важно ясно отдавать себе отчет в своих намерениях.

– Если вы собираетесь покончить с собой – говорит она, – вам нужно ясно сознавать, что именно таково ваше намерение. В прощальной записке необходимо как можно яснее отразить это намерение, чтобы никто из ваших близких не был привлечен к ответственности и отправлен в тюрьму. Мы рекомендуем написать письмо и ясно изложить в нем ваши намерения, а затем оставить его на видном месте. В прошлом мы сталкивались с ситуациями, когда против членов семьи выдвигали обвинения. Если у вас большое состояние, возможно, стоит пожертвовать его на благотворительность, чтобы не возникло предположение, будто близкие помогли вам совершить самоубийство в надежде на наследство.

Я думаю о своем состоянии. Нет сомнений, что оно велико. Я представляю себе лица Олли и Нетти, если они узнают, что их лишили наследства. Я решаю, что это будет ужасно, но все же не так страшно, как было бы, если у них обнаружится возможный мотив для моего убийства.

Нам раздают пособие, озаглавленное «Безмятежный конец», в котором излагаются конкретные подходы к эвтаназии, в том числе способы получения необходимых вспомогательных средств через интернет.

– Как мне приобрести препарат, который вы рекомендовали? Он называется... «Латубен»? – спрашивает женщина, сидящая рядом с отцом в инвалидном кресле.

– Мы поговорим об этом через минуту, – говорит доктор Фишер. – А сейчас вам лучше открыть блокноты. Я могу рассказать вам об эффективном способе покончить с жизнью, но приобретение этого лекарства потребует от вас немалых усилий и упорства.

Сев прямее, я держу блокнот и ручку наготове. Наконец-то информация, ради которой я пришла.

ДИАНА
ПРОШЛОЕ...

– Араш! Поставь на место сейчас же.

Держа в липких ручонках мою белую с голубым вазу, маленький мальчик оборачивается. Том купил эту вазу в Париже несколько лет назад. Даже тогда она стоила больше десяти тысяч евро. Нелепая сумма, хотя ваза мне всегда нравилась.

– Оставь его, Гезала, – говорю я. Это не имеет значения.

На самом деле я даже рада, что Араш бродит по моему дому так, словно он здесь хозяин. Его сестра Азиза, похоже, чувствует себя здесь не хуже. В отличие от первых нескольких визитов Араша, когда он осторожно ходил по дому, как по музею, сейчас он чувствует себя здесь комфортно и очень напоминает мне моих собственных внуков, заползающих под предметы мебели, находящих укромные уголки и трогающих разные хрупкие вещи. А почему бы и нет? Для чего все это, если не для детей, которые будут тут играть? Так бы сказал Том.

– Как дела у Хакема? – спрашиваю я.

– Много работает, – отвечает Гезала. – Он только что нанял еще двух человек для своего проекта. Один из них из Афганистана, другой из Судана.

– Это замечательно. – Я пытаюсь улыбнуться. С Гезалой мне комфортнее, чем со многими другими, но все же улыбка теперь дается мне нелегко.

– У нас здесь много друзей из Афганистана. Сестра Хакема и ее муж тоже приехали.

– Прекрасно, – говорю я, и неожиданно мои губы трогает улыбка, настоящая улыбка. – Они нашли работу?

– Ищут. Но они уже давно ищут.

– А чем они занимались дома?

– Разным. Кто-то был в продажах, кто-то в области айти. Поставь сейчас же, Араш!

Араш снова держит вазу и заглядывает в отверстие, как в телескоп. Но, услышав голос матери, он с силой ставит ее на пол. Она не разбивается, но Гезала прижимает руку к сердцу и закрывает глаза.

– Возьми ее, – говорю я ему. – Все в порядке. Можешь с ней поиграть.

К сожалению, я не в состоянии найти работу для всех друзей Гезалы. Даже будь жив Том, я все равно не смогла бы. Однако я могу позволить Арашу и его сестре поиграть с моей бесценной вазой. Я могу позволить им поддержать ее, или разбить, или использовать как телескоп. И я им позволю.

– Где живут твои друзья? – спрашиваю я.

– В квартире неподалеку от нас. Они знают, что им повезло. Просто им не так повезло, как нам. Не у всех есть кто-то вроде тебя, Диана, кто взял бы их под свою опеку...

Раздается громкий треск, руки Гезалы взлетают ко рту.

– Араш! О нет!

Мы оглядываемся. На паркете лежит разбитая на три больших куска ваза. Дети смотрят на нее во все глаза, ошеломленные и перепуганные.

А я только смеюсь и смеюсь.

ДИАНА
ПРОШЛОЕ...

– Мне нужно тебе кое-что сказать, – говорю я Люси через неделю после встречи в ДЭИ.

Стоя у раковины у меня на кухне, она моет посуду. Эди у ее ног играет с пластиковыми контейнерами и крышками. Я хочу сказать Люси, мол, оставь посуду, я сама могу помыть, но я в этом не уверена. Я чувствую страшную усталость, как будто на меня давит огромный груз, кажется, если я положу на кухонный стол голову, уже никогда ее не подниму. Кроме того, мне нравится, что обо мне заботятся. Это, конечно, не заполнит оставшуюся после Тома пустоту. Разве что немного.

– В чем дело? – спрашивает Люси.

– На прошлой неделе я была у доктора Пейсли.

Рукой в резиновой перчатке, Люси смахивает волосы со лба.

– Я не знала, что тебе назначено.

– Мне позвонили. Из-за результатов анализов.

Она странно на меня смотрит.

– Анализов на что?

– Маммография и УЗИ. Я раз в два года прохожу обследование.

– О... – Люси берет полотенце. – Надо было мне сказать, я бы тебя отвезла.

– Я не инвалид, сама могу сесть за руль.

Люси выглядит обиженной.

– Я не говорила, что ты инвалид.

– Прости, – быстро извиняюсь я. – Это было грубо с моей стороны. Ты мне очень помогла в последние несколько месяцев.

Теперь она выглядит тронутой. Как легко могут повлиять на бедняжку слова. Я почти жалею о том, что собираюсь сказать.

– У меня рак груди, Люси. На поздней стадии.

Она замирает с тарелкой в руке. Вода капает с кончиков пальцев на пол.

– Диана, нет!

– Я еще не сказала детям. Я, конечно, скажу. Но сначала я хотела сказать тебе. Вообще-то, я надеялась, что ты мне поможешь.

– Конечно, я тебе помогу. – Люси ставит тарелку на стол. – Я буду

рядом, когда ты им скажешь. Я помогу их поддержать... и тебя...

– Нет, – перебиваю я. – Я не это имела в виду. – Я стараюсь вспомнить фразы, которые запланировала, но они словно выпали из головы. Это труднее, чем я думала. – Мне нужна помощь... с кое-чем другим.

Люси снимает перчатки.

– С чем тебе помочь?

– Мне нужно кое-что купить. Онлайн. Но понимаешь... Мне нужны зашифрованный адрес электронной почты и биткойны. Я думала, ты знаешь, как их достать.

Люси моргает. Сначала она в замешательстве, но я замечаю, что замешательство постепенно сменяется подозрением.

– Ты свои лекарства принимала, Диана?

– Да.

– И чувствовала себя лучше?

Я пожимаю плечами:

– Том по-прежнему мертв. Никакие лекарства этого не изменят.

В кухне воцаряется тишина, только Эди счастливо играет на полу. Я смотрю, как в лице Люси проступает понимание.

– А теперь, – медленно произносит она, – ты обнаружила, что больна, и хочешь купить онлайн что-то, требующее зашифрованного адреса электронной почты и биткойнов?

– Да.

Даже смешно. Я так долго чувствовала себя в ее обществе не в своей тарелке. И поразительно, что я способна доносить до нее свои мысли без единого слова.

– Если я скажу тебе больше, Люси, у тебя будут неприятности, так что, пожалуйста, не спрашивай. Я собираюсь написать письмо, которое прояснит мои намерения. Никто никогда не узнает, что ты сыграла тут какую-то роль. Ни Олли. Ни кто-либо еще.

Она закрывает глаза.

– Диана...

– Сделай это для меня, Люси. Пожалуйста. Ты единственная, кого я могу попросить.

И это правда. Олли и Нетти ни за что мне не помогли бы. Я их мать, а значит, в наших отношениях они всегда будут детьми и будут смотреть на вещи только со своей точки зрения. Они не хотят моей смерти, и на этом все закончится. Но Люси видит меня по-другому. Как свекровь. И как женщину.

А значит, невестка в таком деле идеальна.

**ЛЮСИ
НАСТОЯЩЕЕ...**

Домой из полицейского участка я возвращаюсь кружной дорогой. Пока я веду машину, в голове крутятся вопросы. «Ты этого хотела, Диана? Чтобы я села в тюрьму? Бросить на меня подозрение было частью твоего тщательно разработанного плана? Или твой план где-то сорвался?» В голове вертятся всевозможные варианты, и хуже всего то, что я не могу ее спросить.

Перед уходом я заявила полицейским, что ничего не знаю. Теперь мне придется связаться с адвокатом. Только не с Джерардом, он нам не по карману. Вообще-то, мы не можем позволить себе вообще никого адвоката. Нам придется объявить себя банкротами, у нас нет наследства. Возможно, мне придется найти кого-нибудь из бесплатной юридической консультации.

Я мысленно перебираю куски, на которые развалилась в последние недели моя жизнь. Бизнес моего мужа потерпел крах. Мои прежние добрые отношения с золовкой испорчены. И моя свекровь умерла. Самое смешное, что до недавнего времени известие о смерти свекрови меня бы не опустошило (разве что я сочувствовала бы мужу и детям). Но теперь потеря ощущается удивительно остро.

Когда я отпираю дверь, в доме все тихо. Потом я слышу голос Олли.

– Люси? – шепчет он.

Я бросаю ключи в чашу и иду на его голос в спальню. Лампа горит, Олли сидит на краю кровати в трусах, оперев локти в колени и обхватив голову руками. Когда я вхожу, он поднимает глаза.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

– Едва ли, – отвечает он. – Я хочу объяснить, почему был у мамы в тот день, когда она умерла.

«Почему я был у мамы в тот день, когда она умерла». Мне требуется минута, чтобы понять, о чем он говорит, но потом я вспоминаю. Перед тем как я уехала в полицейский участок, Олли признался, что был в доме Дианы в день ее смерти. Казалось, этот разговор случился миллион лет назад.

– Ладно. – Я сажусь рядом с ним на кровать и включаю ночник. –

Объясни.

– Я заскочил к ней в гости, – говорит он. – Я хотел рассказать ей о проблемах с бизнесом.

– Но... почему ты мне не сказал? – разочарованно спрашиваю я. – Я уже неделю как знаю о том, что у тебя проблемы.

Олли опускает глаза, и я вдруг начинаю бояться его ответа. Я не верю, что Олли способен причинить вред матери, но, очевидно, что-то произошло во время той встречи. Что-то такое, что он хотел от меня скрыть. Сомневаюсь, что смогу выдержать еще одно потрясение, еще одно предательство. Но, судя по решимости в лице Олли, у меня нет выбора.

– Потому что давным-давно, – говорит он, уронив голову на руки, – ты заставила меня пообещать, что я никогда больше не попрошу у мамы денег.

ДИАНА
ПРОШЛОЕ...

Я встречаюсь с Нетти в кафе по ее просьбе. Встреча в кафе с дочерью – просто из ряда вон, но в последнее время все пошло наперекосяк.

Пару недель назад я сказала детям, что у меня рак груди. Олли был в шоке и очень опечален, чего-то подобного я и ожидала. Реакция Нетти оказалась неожиданной. Я думала, что она будет сдержанно, но озабоченно меня расспрашивать, пытаться получить дополнительную информацию, результаты анализов, имена врачей. Но она не задала ни одного вопроса. Даже тогда ее мысли витали где-то далеко.

После смерти Тома я заметила, что ее поведение становится все более странным. Время от времени она заходила ко мне, но вместо того, чтобы поговорить со мной, просто бродила по дому, ища в складках занавесок и в диванных подушках Тома. Она никогда об этом не заговаривала, но я догадывалась, потому что тоже так делала. Однажды, через несколько недель после смерти Тома, я, придя домой, обнаружила, что она лежит, свернувшись калачиком, на его половине кровати. Я оставила ее там и улизнула, и она даже не заметила, что я ее видела. Иногда нам нужно горевать вместе, а иногда нам нужно горевать в одиночестве.

Подходя к кафе, я замечаю через дорогу детскую площадку, там сплошь матери в пуховиках, которые прикатили младенцев в колясках или кричат забравшимся слишком высоко детям постарше, чтобы те спускались. Мне приходит в голову, что, наверное, лучше сесть внутри, подальше от таких сцен. В конце концов, зачем лишний раз мучить Нетти? И тут я вижу ее за столиком прямо напротив.

– Мама!

Я едва ее узнаю. Она худее, чем когда-либо, и кожа у нее желтоватая... но при этом она выглядит чуть оживленнее, чем в последний раз, когда я ее видела. У меня мелькает мысль, что она, возможно, беременна. Я не могу решить, считать это хорошей новостью или плохой.

– Привет, милая.

Поцеловав ее в щеку, я сажусь напротив на холодный металлический стул. Повсюду расставлены обогреватели, на спинках стульев лежат шерстяные пледы, но, на мой взгляд, они – слабая замена крыше над

головой.

– Не холодновато ли здесь?

– Мне нормально. – Нетти улыбается.

По уверениям большинства моих знакомых, Нетти кажется счастливым жизнерадостным человеком, который ни о ком дурного слова не скажет. И она действительно улыбочивая, по крайней мере была такой. Но есть вещи, которые видит только мать. Эта улыбка, например, не свидетельствует о счастье. Это улыбка стратегии, улыбка упрямства. Такая улыбка говорит: «Мы сидим на открытом воздухе. Если ты не хочешь, то это тебе придется раскачивать лодку». Все до единой улыбки Нетти имеют скрытый смысл.

– Раз тебе хорошо, – улыбаюсь в свой черед я, – останемся тут.

Мне приходит в голову, что надо использовать любую возможность побыть под открытым небом. Мне следовало бы дышать свежим воздухом, подняться погулять в горах и еще много чего сделать по списку. Но, честно говоря, список у меня довольно короткий, довольно скучный. На самом деле единственный пункт в нем – проводить время с семьей и убедиться, что после моего ухода у них все будет в порядке.

– Веб-сайт, который нужен для адреса электронной почты, здесь, – сказала Люси пару недель назад, протягивая мне листок бумаги. Она снова появилась в моем доме без предупреждения и начала тараторить, словно в противном случае может струсить. – Что касается биткоинов, тебе первым делом нужно обзавестись биткоин-кошельком. Можно скачать на телефон специальное приложение. Потом тебе нужно будет купить биткоины. Думаю, ты сможешь сделать это непосредственно из приложения.

Я уставилась на нее во все глаза. Она все равно что по-китайски заговорила. Секунду или две она смотрела на меня, потом вздохнула и потянулась за моим телефоном.

Через полчаса у меня было все, что нужно. Два пузырька препарата – «Латубена» – привезли вчера, и теперь они стояли в холодильнике, готовые к употреблению. (Очевидно, жидкость безвкусная, и выпить ее следует в одиночестве, хотя, если очень хочется, можно запить бокалом вина.) Я написала письмо. Мне нужно было повидаться с Джерардом по поводу завещания: я все до последнего цента оставляю благотворительной организации, чтобы никто из моей семьи не смог извлечь выгоду из моей смерти. Я расскажу детям, что сделала. А потом я уйду к Тому, где бы он ни был.

Приходит официантка, и мы с Нетти заказываем чай.

– Как у тебя дела? – спрашиваю я дочь, когда официантка уходит.

– Нормально, – отвечает она, и на несколько секунд воцаряется

тишина. – Я не беременна, если ты об этом.

– Я действительно об этом подумывала. Мне очень жаль, дорогая.

– Да, как раз об этом я и хотела с тобой поговорить. На последнем приеме по поводу ЭКО доктор Шелдон сказал, что было две проблемы, мои яйцеклетки и матка. Она сказала, что лучше всего использовать донорскую яйцеклетку и суррогатную мать. – Нетти замолкает. – Я знаю, о чем ты думаешь, – говорит она спустя пару минут.

– Неужели? Даже я не знаю, о чем думаю.

Официантка возвращается с нашим заказом и расставляет на столе чайник и чашки. Взяв свою, я подношу ее ко рту.

– Слушай, я понимаю, – говорит Нетти. – Мне тоже потребовалось время, чтобы это осознать. Я имею в виду... биологически он не будет моим ребенком, я не буду носить его в своем теле. Поначалу мне самой идея не понравилась. А потом я стала думать... это ведь будет ребенок, созданный нами, для нас. Я смогу быть рядом во время беременности, я буду присутствовать при родах. Я все равно буду матерью. А это, мама, для меня самое важное.

– А как насчет усыновления? – спрашиваю я, и лицо у Нетти вытягивается. Я понимаю, что именно в этот момент мне полагалось бы воодушевиться и принять участие в обсуждении.

– Ты знаешь, скольких детей отдали на усыновление в штате Виктория в прошлом году? – вскидывается она. – Шестерых. Шестерых! Из них четырех – ближайшим родственникам. Усыновление в Австралии практически невозможно.

– А суррогатное материнство? Оно в Австралии возможно?

– В Австралии существует альтруистическое суррогатное материнство. Когда это предлагает сделать подруга или член семьи. Я спросила Люси, согласится ли она, но она отказалась. – Нетти говорит быстро, почти маниакально. Я замечаю, что у нее дрожат руки. – И незаконно быть суррогатной матерью ради финансовой выгоды. Самый распространенный путь, его и предложила наша врач, достать донорскую яйцеклетку в Индии и оплатить суррогатное материнство в США... Это недешево. Весь комплекс процедур, включая яйцеклетку, оплодотворение, медицинские расходы и гонорар суррогатной матери... все это обойдется более чем в сто тысяч. – Наконец она делает паузу, чтобы перевести дух.

– Сто тысяч долларов? – Я во все глаза смотрю. – Ты можешь себе это позволить?

Нетти выдерживает мой взгляд.

– Я – нет. А ты можешь.

Я ставлю чашку на блюдце. Внезапно я понимаю цель этой встречи и чувствую себя немного глупо, что мне понадобилось так много времени.

– Ты даже не заметишь такую сумму, – продолжает она, уже опровергая мои еще не озвученные аргументы. – И это будет внук!

– А если не сработает? Что, если мы найдем суррогатную мать, ей имплантируют эмбрион, а он не... не приживется? Что тогда?

– Попробуем еще раз.

– Сколько раз, Нетти? По сто тысяч долларов за попытку?

Она пожимает плечами, как будто это мелочь, которую можно уладить позднее:

– Столько, сколько потребуется, наверное.

Как я могла этого не заметить? Я знала, что она отчаянно хочет ребенка, я подозревала, что у нее из-за этого депрессия. Но сегодня я задаюсь вопросом: а вдруг тут нечто больше? Что, если это начало... или середина на пути к безумию.

– Так, значит, вот о чем ты на самом деле просишь, – осторожно говорю я, – о доступе к неограниченному финансированию.

– Это мой последний шанс. Ты нужна мне, мама.

Внезапно я словно бы переношусь в Орчард-хаус, сижу напротив матери и умоляю. Умоляю о ребенке. Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох.

– Я подумаю об этом, хорошо?

ДИАНА
ПРОШЛОЕ...

Стоя у стола в столовой, я разбираю приданое для новорожденных из последних собранных пожертвований, когда раздаётся отчетливый шум шагов по паркету. Я замираю. Походка тяжелее, чем у Нетти, шаги не такие точные и осторожные. Как раз в такие моменты я понимаю, насколько я уязвима: пожилая женщина одна в огромном, похожем на пещеру доме. Я опасливо делаю несколько шагов к двойным дверям и замечаю огромную неуклюжую тень.

– Ах это ты! – У меня отлегло от сердца. – Здравствуй, Патрик.

– Извини, если подкрался, – говорит он. – Дверь была не заперта.

Патрик нечасто заглядывает в гости. На самом деле не помню, чтобы он вообще хотя бы раз приезжал без Нетти.

– Мне нужно поговорить с тобой о Нетти, – начинает он.

Он отодвигает ближайший ко мне стул и садится. Я остаюсь стоять.

– А что не так с Нетти? – спрашиваю я.

Патрик поднимает бровь:

– Ты серьезно спрашиваешь, что не так с Нетти?

Когда проходит первое удивление, меня охватывает раздражение. Патрик имеет наглость приходить сюда, говорить со мной в таком тоне, когда все на свете знают, что он изменяет моей дочери.

– Это насчет суррогатного материнства? – Я опрокидываю на стол новый пакет с детской одеждой.

– Насчет чего же еще? – Патрик рассеянно берет крошечную вязаную кофточку. – Я предположил, что Нетти совсем с катушек съехала, потому что она говорит, что ты подумываешь за него заплатить.

Я хмурюсь.

– И ты пришел за нее просить?

– На самом деле я пришел просить об обратном.

Это застаёт меня врасплох.

– Ты пришел ко мне, потому что тебе не нужны деньги?

Признаюсь, я запуталась. За все эти годы никто из моих детей и их супругов ни разу не просил меня не давать денег.

– Нетти убьет меня, если узнает, что я здесь. – Патрик смотрит за окно в

сад. – Она во что бы то ни стало хочет получить ребенка. Она этим просто одержима.

– Думаешь, я этого не знаю?

– Ты вообще ничего не знаешь. – Он повышает голос, отбросив даже подобие приличия. – В нее словно бес вселился. Иногда я разговариваю с ней, а она словно на другой планете! Живот и ноги у нее в синяках от инъекций гормонов, которые она себе колет. Она днями и ночами сидит в интернете, читая истории людей, которым удалось зачать после многолетних попыток. Она просматривает форумы, где общаются те, кто делал ЭКО. А теперь еще и суррогатное материнство! Она уже ни о чем другом не говорит. Вообще ни о чем!

Он бросает кофточку назад на стол.

С мгновение я в растерянности. Но лишь мгновение.

– Наверное, тебе ужасно тяжело, – тихонько говорю я. – Неудивительно, что тебе пришлось найти уйму подружек, чтобы облегчить такой груз.

Патрик смотрит на меня во все глаза.

– Если ты хочешь сохранить секрет в этих краях, Патрик, надо уезжать подальше, чем округ Виктория.

У Патрика хватает порядочности сделать пристыженное лицо – полагаю, это уже кое-что.

Я внимательно всматриваюсь в него.

– Так... ты не хочешь ребенка, да? Ты не хочешь быть прикованным к Нетти?

– Нет, дело не в этом. Я хочу ребенка. По крайней мере, я хотел. Но я еще несколько лет назад смирился с тем, что этому не бывать. А Нетти – нет. И теперь я... Я не знаю, как ей помочь. Она либо бродит как зомби, либо маниакально носится с очередной идеей, как вылечить бесплодие. Она уже не та, на ком я женился.

Вид у него такой несчастный, что я сдерживаю гнев.

– Так чего же ты хочешь от меня, Патрик?

– Я ничего не хочу. Именно об этом я и говорю.

– На самом деле ты чего-то хочешь. Ты хочешь, чтобы я не давала денег моей дочери, лишь бы избежать разговора о том, о чем вам надо поговорить.

Патрик открывает рот, но я успеваю первой:

– И что будет потом? Что будет, когда Нетти откажется от своей мечты о ребенке? Ты откажешься от романов на стороне и вы будете жить счастливо до конца своих дней?

Он выдыхает.

– Я просто не знаю, идет?

Но он же знает. И внезапно до меня тоже доходит. В Австралии существуют возрастные ограничения в отношении суррогатного материнства, даже для тех родителей, которым отдадут ребенка. Через несколько лет Нетти и Патрик будут слишком старыми, чтобы стать родителями. А это значит, что Патрику надо только перетерпеть безумие Нетти еще год или два. А учитывая, что недавно мне «диагностировали рак», через два-три года он сможет наслаждаться обеспеченной и приятной жизнью без детей. Получит ту самую жизнь, со всеми теми мелкими благами, какими наслаждался эти годы у нас. Виски, сигары, дом на пляже. Теперь, когда до этой жизни рукой подать, он не собирается от нее отказываться.

– Ну... – говорю я. – Независимо от того, дам я Нетти деньги на суррогатное материнство или нет, ты должен поговорить с ней. Ты должен рассказать ей о своих романах на стороне, и ты должен сказать ей, что больше не хочешь ребенка.

Патрик качает головой. Все пошло не так, как он планировал. Я понимаю, он думал, что сможет прийти сюда и заключить со мной союз. Мы с ним против моей дочери. Меня тошнит от самой этой мысли.

– Диана, я правда сомневаюсь...

– Если ты, Патрик, этого не сделаешь... то сделаю я.

Глаза Патрика вспыхивают, он вскакивает на ноги. Он улыбается ужасной, злой улыбкой.

– Надо же, как ты изображаешь заботу о своей дочери! Нетти всю жизнь боролась за твое внимание, а ты даже дня ей не уделила. Ты больше беспокоишься о своих беженках, чем о собственных детях. А теперь ты ведешь себя как суцая святоша. Кем ты себя возомнила?

– Думаю, я ее мать.

– Тоже мне мать.

Он надвигается на меня, но мне не страшно. Патрику придется меня убить, но и тогда я не передумаю.

ДИАНА
ПРОШЛОЕ...

После жалкой попытки запугать меня Патрик наконец уходит. Я заканчиваю разбирать детскую одежду и иду в кабинет. Сев в старое рабочее кресло Тома, я провожу пальцами по поверхности стола, беру ручки и блокноты, прикасаюсь к вещам, к которым прикасался он. Прошел год с тех пор, как он умер, и он начал исчезать из других комнат, в которых много раз убрали, но я все еще чувствую его здесь.

Я вспоминаю наш разговор несколько лет назад о детях и деньгах. «Все дело в поддержке, – сказал тогда Том. – Оказывать ее или нет». Патрик не хочет, чтобы я давала им деньги на суррогатное материнство. Нетти хочет. Так или иначе, Нетти предстоят тяжелые времена, и ей понадобится кто-то, кто ее поддержит.

Я слышу, как в двери поворачивается ключ, и мгновение спустя раздается голос Люси:

– Диана? Ты дома?

Я сажусь прямее. Люси не была здесь с той ночи, когда пришла зашифровать мой адрес электронной почты и показать мне, как использовать биткойны. Я не знала, увижу ли ее снова. Но вот она выходит из коридора, одетая в джинсы, белую футболку и ярко-розовые балетки, на шее – полосатый, как зебра, шарф. Все еще модно, но в последнее время больше утонченности. Как будто она взрослеет, начинает понимать, кто она на самом деле.

– Извини, что не заходила раньше, – говорит она.

– Не извиняйся. Я понимаю.

И я действительно понимаю. Непросто навещать ту, которой помогла нелегально приобрести препараты, способные положить конец чьей-то жизни. О чем нам говорить? Будущее – под запретом, как и планы на Рождество или предстоящие праздники. Обсуждать просто нечего. И все же я не могу отрицать, что чувствую... что я рада видеть Люси. За последние несколько месяцев я привыкла, что она рядом: готовит еду, моет посуду или записывает меня на прием к врачам или адвокатам. Каждый раз, когда она уходила, я еще острее воспринимала тишину. Я была удивлена, даже пристыжена ее преданностью. Возможно, самым большим

сюрпризом стало то, что, хотя я знаю, что она не хочет, чтобы я покончила с собой, она никогда, ни разу не попыталась меня отговорить. Это напоминает мне, как она поддерживает Олли. И внезапно я понимаю, что эта ее черта – истинный дар.

– Что ты делаешь здесь, в кабинете? – спрашивает она.

Я оглядываю комнату. Даже заставленная мебелью, она кажется пустой.

– Ищу Тома, – признаюсь я с улыбкой.

На ее лице появляется мягкая улыбка.

– Чудесно – то, как ты его любишь.

– Забавно, ведь я как раз думал о том, как ты любишь Олли.

Дело в том, что смерть заставляет увидеть людей и ситуации в ином свете. Теперь я знаю, что для меня важно. Я забочусь о своих детях и внуках. Я забочусь о том, чтобы моя благотворительная организация продолжала работать. Мне важно, чтобы люди получали справедливый шанс.

И для меня очень важна Люси.

Люси поджимает губы, сглатывает.

– Ты... ты никогда не говорила мне этого раньше.

– Нет. А следовало бы. Мне жаль, что я этого не делала.

В несколько шагов преодолев расстояние до стола, она меня обнимает.

– Я буду скучать по тебе, – говорит она. И начинает всхлипывать в моих объятиях.

– Шшшш. – Я похлопываю ее по спине. – Все в порядке, дорогая.

Обнимая ее, я чувствую, что смягчаюсь. Уж и не помню, чтобы кто-то держал меня так с тех пор... как умер Том. На глаза мне наворачиваются слезы.

– Я не стану этого делать, Люси, – шепчу я ей на ухо.

Люси застывает, но остается на месте. Когда она наконец поднимает голову, я испытываю неожиданное ощущение утраты, холодок там, где только что была ее теплая голова.

– Честное слово?!

– Я не могу оставить Нетти, учитывая, сколько всего сейчас происходит, – говорю я. – Я не могу оставить Олли и внуков. Я не могу оставить мою благотворительную организацию. – Волосы Люси – сплошь статика, вздыбились вокруг ее лица, как грива. Я приглаживаю их,правляю пряди за уши. – И я не могу оставить тебя, Люси...

Но не успеваю я закончить, как Люси снова обнимает меня с такой силой, что у меня перехватывает дыхание.

– Я люблю тебя, Диана, – говорит она.

Я улыбаюсь.

– Я тоже тебя люблю.

А потом мы стоим посреди комнаты, обнимая друг друга, и плачем.

ДИАНА ПРОШЛОЕ...

Говорят, маленькие мальчики любят своих матерей, и я думаю, в этом есть толика истины. Маленькие девочки тоже, конечно, любят своих матерей, но любовь маленького мальчика к матери абсолютно чистая, ничем не замутненная. Мальчики на самый глубинный, первобытный манер видят в своей матери защитницу, преданного помощника, последователя. Сыновья купаются в материнской любви, а не подвергают ее сомнению или испытанию.

Больше всего в отношениях между матерью и сыном мне нравится их простота. В детстве Олли, когда наступали трудные времена, я испытывала мимолетные угрызения совести из-за того, что не могла ничего ему дать. Помню, как однажды спросила его, что он хочет на день рождения, а он ответил: «Пойти на пляж и сэндвич с «Веджимайтом»^[4] на ужин». В сущности, это было единственное, что мы могли себе позволить. На мгновение я подумала, что именно поэтому он так сказал, но потом поняла, что для таких психологических игр он еще слишком мал. Просто он представлял себе идеальный день как поедание сэндвичей на пляже.

Поэтому сегодня, когда Олли звонит спросить, не заехать ли ему, я не ищу скрытых причин, я полагаю, что он хочет только повидать меня. Для Олли на первом месте преданность Люси и детям, но мне нравится думать, что в его сердце еще зарезервировано местечко для мамы. Но когда он появляется у меня на пороге, сразу видно, что он здесь не с обычным визитом. Он выглядит расстроенным и не пытается это скрыть: он в деловом костюме, но выглядит неряшливо, как будто спал в офисе.

– В чем дело, милый? – спрашиваю его я.

Он закрывает глаза и качает головой:

– Мы можем поговорить внутри?

Мы идем в кабинет, и Олли отказывается от кофе или чая, которые я ему предлагаю. Вместо этого он словно бы проваливается в диван. Я сажусь напротив него, и он вдруг падает головой мне на колени. Я накрываю рукой густые темные волосы, которые он унаследовал не от меня и не от Тома, и провожу по ним пальцами, как делала, когда он был маленьким мальчиком. Сейчас он – сорокавосемилетний мальчик.

– В чем дело? – повторяю я.

– Мой бизнес идет ко дну. Мы не сможем погасить кредит, – говорит он. – И банк требует вернуть задолженность.

Моя рука застывает в его волосах.

– О нет! Олли... Я понятия не имела.

– Честно говоря, я тоже. Я много лет трудился не покладая рук в этой фирме, а прогресса все равно как будто никакого. Я правда не понимаю, куда уходят деньги.

– Наверное, в карман Эймона, – бормочу я. Я никогда не задумывалась об этом раньше, но внезапно это кажется вполне очевидным ответом.

Олли смотрит на меня во все глаза.

– Возможно, я ошибаюсь, – продолжаю я, – но готова поспорить, что нет.

Олли моргает, глядя куда-то вдаль, возможно, обдумывая услышанное. Потом садится прямее.

– Нет. Эймон никогда бы...

– Никогда что? Не пошел бы на все, лишь бы набить карманы?

Олли качает головой:

– Боже, я не знаю. Я даже не разговаривал с ним как следует несколько месяцев.

– А ты пробовал?

– Конечно. Он отвечал, что все в порядке и мы можем поговорить позже.

– Тебе нужно настоять.

Он мрачно смеется.

– Даже если и так, мам, сейчас не о чем говорить. Все кончено. Фирма ничего не стоит.

Он прижимает пальцы к глазам. Я никогда не видела его таким разбитым.

– Нет, если ты заплатишь по кредиту, – говорю я через пару секунд.

Олли хмурится.

– Но... как?..

– Например, я могла бы войти в фирму в качестве пассивного партнера. По крайней мере, если бы Эймон не имел никакого отношения к бизнесу. Кстати, у меня есть идея для твоего бизнеса. Правда, это стало бы небольшим шагом в сторону от того, что вы делаете сейчас.

– Какого рода шагом?

Когда я рассказываю Олли о своей идее, вид у него такой удивленный и воодушевленный, что я изо всех сил стараюсь не обидеться. «Да, – хочется

сказать мне. – Не только у твоего отца были бизнес-идеи». Он подпирает рукой подбородок и в этот момент так напоминает мне Тома, что я не могу поверить, что они не связаны биологически. Я начинаю сознавать, что жизнь продолжается, что мы продолжаем жить. Мы живем в наших детях.

– Знаешь что, – говорит он наконец. – А ведь это бизнес, в который я мог бы окунуться с головой.

ЛЮСИ

НАСТОЯЩЕЕ...

Где-то в доме звонит телефон. И чертов аппарат никак не умолкает. Но ни Олли, ни я даже не замечаем.

– Ты просил у Дианы денег? Для твоей фирмы?

– Да.

– Почему ты мне не сказал?

Олли зажимает кончик носа большим и указательным пальцами.

– Ты сказала, что иначе браку конец.

Я моргаю.

– Что?

– Иначе нашему браку конец. Ты сама так сказала. Если я когда-нибудь попрошу у мамы денег. Я не мог потерять еще и тебя.

Я вздыхаю.

– Господи, Олли. Ты не потеряешь меня. – Я закрываю глаза.

– Самое странное, что она согласилась, – говорит он. – Я и не ожидал от нее этого.

– Тогда почему ты поехал просить?

– Понятия не имею. Может, я... просто хотел поговорить с мамой. Ты, наверное, не поверишь, но она бывает... очень мудрой.

Я негромко хмыкаю.

– Очень даже поверю.

Городской телефон перестает звонить, и на мгновение нас окружает абсолютная тишина. Но это длится всего секунду или две, а после подает голос мобильный Олли. Я открываю глаза. Мне хочется швырнуть его об стену.

– Она была иной, – продолжает Олли, нахмурившись и как будто вспоминая. – Она не говорила, что мне нужно самому пробивать себе дорогу или что я должен сам со всем разобраться. Она сказала, что прикроет меня. Сказала, что мы выплатим Эймону отступные и она станет партнером в фирме.

– Она хотела войти в твою фирму?

– На самом деле у нее была очень интересная идея. Кадровое агентство для высококвалифицированных беженцев. Инженеры, врачи, айти-

специалисты. Агентство с полным спектром услуг, которое помогает кандидатам получить подтверждение квалификации в соответствии с австралийскими законами и дает им все инструменты, необходимые для перехода на хорошую работу в любой области. Это была действительно хорошая идея. Она думала, что ты тоже, возможно, захочешь принять участие.

– Она так сказала?

– Она сказала, что это будет семейный бизнес. – Олли морщит лоб. – А потом она покончила с собой. Зачем ей было строить планы, а потом... всего через час совершать самоубийство?

Я уж точно не знаю ответа. Когда Диана сказала мне, что передумала кончать жизнь самоубийством, я ей поверила. Почему она так сказала, если это неправда? И даже если она передумала, это не объясняло ни прощального письма в ящике, ни нитки в ее руках. Это не объясняет пропажу подушки.

– Есть только одно объяснение, – говорю я Олли. – Вероятно, кто-то еще приходил к ней после твоего ухода.

ДИАНА
ПРОШЛОЕ...

После ухода Олли я иду в кабинет Тома и достаю письмо. Пробегаю его глазами:

«Я могла бы написать больше, но, в конце концов, оставить после себя мне хочется лишь пару слов. Я упорно трудилась ради всего, что мне было дорого. И все, что мне действительно было дорого, не стоило ни цента. Мама».

Я никогда не была многословной женщиной. Я могла бы написать своим детям длинное письмо, объясняя, почему я решила покончить с собой, или о том, как сильно я их люблю... но это не в моем стиле. Кроме того, как это им поможет? Сентиментальность имеет обыкновение разбавлять истину, и если я собираюсь оставить своим детям последние слова мудрости, я хочу, чтобы они были ясными.

По крайней мере, я этого хотела. Но теперь мне не нужно никакого письма. Сначала я подумываю, не сжечь ли его. Потом размышляю, не сохранить ли его как напоминание о том, что я испытывала на протяжении минувшего года. Возможно, помнить полезно. Я убираю письмо в ящик стола, спускаюсь по лестнице и как раз прохожу мимо гостиной, когда Нетти открывает дверь своим ключом.

– Привет, мам, – говорит она. – Мы можем поговорить?

Нетти направляется в малую гостиную в передней части дома. Я иду за ней следом и сажусь рядом. Она берет одну из подушек и начинает нервно тереть золотые кисточки.

– Вполне очевидно, что я здесь из-за денег, – говорит она, не тратя времени на пустую болтовню. – Для суррогатного материнства. Я связалась с агентством, и скоро мне нужно будет внести залог. Прости, что давлю на тебя, но это мой...

– Твой последний шанс.

– Да.

Мои мысли возвращаются к Патрику. Его сверкающие глаза. «Она помешалась на ребенке. Она им одержима. В нее словно бес вселился».

– И Патрик... Патрик с тобой заодно? – небрежно спрашиваю я. – По

части суррогатного материнства?

– Конечно. – Она избегает встречаться со мной глазами, как делала в детстве, когда не хотела что-то обсуждать. – Конечно, он со мной заодно.

– Как у тебя с Патриком, Нетти? – спрашиваю я. – Ваши отношения... прочные?

Она пожимает плечами:

– Конечно.

– Точно?

Нетти поднимает глаза, замечает мое скептическое выражение лица и настораживается.

– Что?! – Вопрос звучит почти гневно.

– Ты же знаешь, что Патрик тебе изменяет, так ведь? – говорю я. – Ты не можешь этого не знать, Антуанетта.

Выражение лица Нетти – своего рода растерянная ярость – так неожиданно, что на мгновение я задаюсь вопросом, а вдруг она и правда не знает. Потом она разражается смехом.

– Конечно, знаю. Все знают.

Сбитая с толку диким смехом, я с мгновение колеблюсь, но решаю продолжать. Если я хочу помочь дочери, мне нужно понять ее, услышать ее точку зрения.

– Тогда почему ты хочешь привести ребенка в такую семью? Скажи мне, дорогая.

Она закатывает глаза:

– Разве ты не понимаешь? Дело не в Патрике, дело во мне.

Вскочив, Нетти начинает мерить шагами комнату. Она несколько раз проходит ее взад-вперед от стены к стене.

– Нетти, я беспокоюсь за тебя, – говорю я. – Ты не в том состоянии, чтобы связываться с суррогатным материнством. Я думаю, тебе нужно обратиться за помощью, обратиться к специалисту.

Резко остановившись, она встречается со мной взглядом.

– Значит, ты мне не поможешь?

– Это зависит от того, что ты подразумеваешь под помощью. Я помогу тебе найти психолога, чтобы он с тобой поговорил. Я помогу тебе, если ты решишь оставить Патрика, и я помогу тебе, если ты решишь остаться с ним. Но я не буду финансировать ваш план покупки яйцеклетки и поиска суррогатной матери. Только не сейчас.

Нетти нависает надо мной, она в такой ярости, что у нее дрожат руки. Она переминается с ноги на ногу. Я сижу неподвижно, словно стараясь не спугнуть испуганное животное.

– Ты хоть представляешь, каково это, когда у тебя отнимают единственное, чего ты хочешь? – С каждым словом ее голос становится громче, напряжение в нем нарастает.

– Да. У меня отняли Тома.

– Это заставило тебя усомниться в собственной жизни? В своем назначении? В смысле?

– Именно.

– Я тебе не верю. Если бы ты знала, о чем я говорю, ты бы никогда так со мной не поступила.

– Поверь мне, Нетти, я знаю, – говорю я. – Я понимаю, каково это – чувствовать, что весь смысл твоей жизни связан с одним-единственным человеком. – Я не собиралась рассказывать Нетти о своем намерении покончить с собой, но внезапно мне кажется, что это единственное, что может привести ее в чувство. – После смерти твоего отца я подумывала о самоубийстве. Я изучила проблему, я купила онлайн нужный препарат... он все еще в дверце холодильника! Но все это было безумие. Я любила Тома, но он не был всей моей жизнью. У меня есть ты, Олли и Люси. У меня есть внуки. У меня есть друзья. Моя благотворительность. И, послушай, Нетти, может, сейчас ты этого и не видишь, но твое предназначение не в том, чтобы иметь ребенка. – Я встаю, чтобы наши глаза оказались вровень. – Забудь о детях. В твоей жизни может быть и другая цель. Ты можешь делать все что угодно!

– Значит, ты не дашь мне денег? – спрашивает она, когда я заканчиваю мою маленькую речь.

– Нетти! Ты меня не слушала?

Нетти поворачивается ко мне спиной, и на мгновение воцаряется полная тишина. Но через несколько секунд раздается странный звук, тонкий и пронзительный, как будто чем-то скребут по зазубренному краю консервной банки. До меня не сразу доходит, что шум издает Нетти. Я тянусь к ее плечу, но не успеваю я схватить его, как она резко поворачивается и бросается на меня. Ее локоть ударяет меня в нос, и, отшатнувшись, я теряю равновесие и больно приземляюсь на копчик. Когда я вскрикиваю, Нетти нависает надо мной, сжимая в руках подушку так крепко, что на руках проступают вены.

– Нетти. Милая...

Я умолкаю. В ее лице – чистая, неподдельная, ничем не разбавленная ненависть. Я вспоминаю о визите Олли несколько минут назад, и вдруг перед моим мысленным взором сыновья накладываются на дочерей. Сыновья видят в тебе самое лучшее, но дочери видят настоящую тебя. Они

видят твои недостатки и слабости. Они видят все, чем не хотят быть сами. Они видят тебя такой, какая ты есть... и они ненавидят тебя за это.

– Все кончено, мама, – говорит Нетти, и я не понимаю, что она имеет в виду, пока она не прижимает подушку к моему лицу и не надавливает на нее с решимостью, которая говорит мне, что она не отпустит.

Я чувствую, как она всем весом давит мне на грудь. Я что есть мочи вцепляюсь в ее запястья, но она только сильнее прижимает подушку к моему лицу. Мне нечем дышать. Легкие горят. И когда наползает чернота, последняя моя мысль... эту решимость она унаследовала от меня.

Нетти ПРОШЛОЕ...

Сначала замирают мамины ноги. Она не сдавалась без боя, и в этом была вся мама. И это сработало в мою пользу, поскольку каждый пинок лишь еще больше ее утомлял. Теперь я сижу верхом у нее на груди – так же как Олли сидел на мне, когда мы были маленькими и он допрашивал меня, что именно я вынюхивала в его комнате. Ее пальцы тисками сжались на моих запястьях, но их хватка понемногу ослабевает, руки опускаются, но я продолжаю прижимать подушку еще несколько минут после того, как она застыла. Наконец я встаю, оставляя подушку на ее лице.

Мама умерла. Ее стопы легли набок, так что туфли смотрят носками в разные стороны. Глядя на них, я вспоминаю Злую Ведьму Востока, когда на нее падает дом Дороти. На мой девятый день рождения мама водила меня в «Гранд-театр» на «Волшебника Страны Оз» и даже подарила пару рубиновых туфельек. Я пропустила большую часть спектакля, потому что восхищенно разглядывала, как моя обувь искрилась в свете театральных ламп. Я носила эти туфельки каждый день, пока подошвы не стали тонкими, как бумага, и я не почувствовала камни и грязь под ногами. Это был один из немногих случаев, когда мама сделала все как надо.

Мой мозг с трудом прокручивает информацию, пока я пытаюсь сообразить, что делать дальше. Мама закинула левую руку за голову. Ногти у нее выкрашены в ужасный телесно-розовый цвет, а на безымянном пальце – несколько колец, сплошь скромные, из желтого золота. Я никогда не видела ее без них. Они как диковинный сустав, живая ее часть. Или, теперь, – мертвая.

До меня постепенно доходит, в какой я попала переplet. Я убила свою мать. Убила ее, как говорят в кино, голыми руками. И все же, когда я смотрю на нее, такую тихую и спокойную, я чувствую только покой. Не тот ужас головокружения, свободного падения, который испытала, когда умер папа. Мир и покой. Забавно, что теоретически мать и отец делают одно и то же. Они заботятся о тебе, защищают тебя, пытаются сделать из тебя разумного человека. Если они делают все правильно, это удерживает твои ноги на земле. Если неправильно, то мешают тебе взлететь. Разница тонкая, но огромная.

Жизнь мне дал подход отца.

«Папа». Слово всплывает у меня во рту, и я выдыхаю его. Мне приходит в голову, что это первый раз, когда у меня проблема, настоящая проблема, а его нет рядом, чтобы мне помочь.

«Это просто проблема, Антуанетта, – сказал бы он, – и остается проблемой, пока ты ее не решишь».

Я осторожно массирую правое запястье, потом левое. Для такой тощей старухи мама была на удивление сильной. И упорной.

«После смерти твоего отца я подумывала о самоубийстве. Я изучила проблему, я купила онлайн нужный препарат... он все еще в дверце холодильника!»

Она что-то такое сказала, так ведь? Или мне послышалось?

Я иду на кухню, открываю холодильник и придерживаю дверцу бедром. Полупустой пакет молока вклинился рядом с неоткрытой бутылкой тоника и двумя коричневыми стеклянными пузырьками с белыми этикетками, покрытыми медицинской тарабарщиной. Я присаживаюсь на корточки, чтобы внимательней рассмотреть наклейки. Жирными зелеными и красными буквами там написано название: «ЛАТУБЕН».

В голове у меня начинает складываться план.

Надев резиновые перчатки для мытья посуды, я несу оба пузырька в гостиную. Убирая подушку с маминого лица, я мельком смотрю на нее – ровно столько, чтобы понять, что она выглядит далеко не безмятежной. Ее лицо застыло в пугающей гримасе, изо рта словно бы рвется гневный горький крик. Я ставлю на пол один пузырек и снимаю крышку с другого, сосредоточившись на том, чтобы вылить содержимое ей в рот. Большая часть стекает по щекам и собирается во рту, поэтому я опрокидываю остатки в камин и оставляю пустой пузырек рядом с ее безвольной рукой. Незачем вливать и второй, поэтому я запикиваю его в сумочку. Это не лучший план, но другого у меня нет.

Поворачиваясь, чтобы уйти, я потираю запястья. Завтра они будут в синяках.

ЛЮСИ

НАСТОЯЩЕЕ...

Наконец телефон Олли перестает звонить. Но когда тут же начинает трезвонить мой, я непонятно почему настораживаюсь.

– Надо ответить, – говорю я.

Олли кивает, как будто только что понял то же самое. Мой телефон лежит рядом с ним на кровати, и он подносит его к уху.

– Алло? Да? – Его глаза находят мои. – О чем ты говоришь? – Брови у него ползут вверх.

– В чем дело? – спрашиваю я, но Олли останавливает меня, подняв руку.

– Ты уверен? – произносит он в телефон, а потом надолго замолкает.

Я не могу сказать, слушает ли он, пытается переварить услышанное или еще что-то. Его глаза закрываются, лицо сморщивается. Я не смею открыть рот. Я едва осмеливаюсь дышать.

– Да, – говорит он спустя целую вечность. – Хорошо. Мы сейчас придем.

– В чем дело? – спрашиваю я, когда он нажимает «отбой».

– Это Нетти. Она мертва.

Нетти ПРОШЛОЕ...

Интересно, кем мы становимся после смерти? Недурной вопрос, не помешало бы его обдумать. Большинство людей не могут сразу найти ответ. Они хмурятся, с минуту размышляют. А может, и всю ночь. А потом начинают приходить ответы.

Мы – это наши дети. Наши внуки. Наши правнуки. Мы – все те люди, которые и дальше будут жить, потому что мы жили. Мы – наша мудрость, наш разум, наша красота, которые, просачиваясь через поколения, продолжают изливаться в мир и его изменять.

Большинство людей в своих ответах останавливается на чем-то вроде этого. Тогда они кивают, удовлетворенные и уверенные в своем вкладе, уверенные, что их жизнь не будет лишена смысла.

Конечно, есть много способов придать своей жизни смысл и помимо детей. Все так говорят. Некоторые в это верят. Но это не имеет значения, потому что я в это не верю. В конце концов, это моя жизнь.

Проблема в том, что Патрик вернулся домой в самое неподходящее время. Я сидела на кровати в пижаме. Я долго гуглила, чтобы убедиться, что одного пузырька хватит, чтобы умереть. Я перелила «Латубен» в кофейную кружку. Сейчас она на прикроватной тумбочке. На коленях у меня – блокнот и ручка. Только я взялась за ручку, как увидела, что к дому подъехала машина Патрика.

Я намеревалась написать записку, объяснить Патрику мой поступок, освободить его от чувства вины и ответственности. Я хотела дать ему это. Даже после всего, что случилось, я любила Патрика. Он старался изо всех сил. Если бы я забеременела легко, мы с Патриком, вероятно, все еще были бы счастливы. Люди недооценивают, сколь большую роль играет в нашей жизни судьба. Какие глупые...

И поэтому, увидев его машину, я подношу кружку к губам и выпиваю жидкость залпом. Потом ложусь на спину и закрываю глаза. Меня больше нет.

**ЛЮСИ
НАСТОЯЩЕЕ...**

В день похорон Нетти папа приходит рано утром с пакетом пончиков для детей. Он остается, чтобы помочь нам с Олли, пока мы мечемся в поисках пропавших носков и галстуков (для Арчи, у которого, как он говорит, теперь есть «похоронная форма»). Сегодня у дома опять дежурят фотографы. Они объявились через два дня после смерти Нетти, когда вся эта запутанная история попала в прессу. «ДЕНЬГИ, АЛЧНОСТЬ И СЕМЬЯ: УБИЙСТВО И САМОУБИЙСТВО В ВЫСШЕМ СВЕТЕ». Фактов в статье было немного, но полиция предупредила нас, что, скорее всего, она лишь первая. Есть что-то притягательное, когда у сверхбогатых случаются скандалы: публика падка на любые сведения, и чем грязнее, тем лучше. Еще полицейские нас предупредили, что фотографы почти наверняка заявятся на похороны и будут пытаться сфотографировать, как мы плачем. (Вчера, направляясь к машине, Харриет показала одному фотографу знак мира и надула губки, как форель. Сегодня это, вероятно, попало на обложку, но у меня не хватило духу посмотреть.)

– Как ты держишься? – спрашивает папа.

Я глажу единственное чистое платье Эди, которое ей придется надеть с носками от разных пар, потому что я не могу найти подходящие. В свете всего, что случилось, я не могу заставить себя из-за этого переживать.

– Честно? Такое чувство, что ничто уже не будет прежним.

– Оно не продлится вечно, милая.

Я поднимаю глаза от гладильной доски, смаргивая слезы, которые в последнее время слишком уж легко наворачиваются мне на глаза.

– Откуда ты знаешь? – задаю я детский вопрос, но, с другой стороны, он же мой отец.

– Знаю, потому что... потому что сам через такое прошел.

Даже став взрослым, легко забыть, что твои родители тоже люди. Теперь мне приходит в голову, что, конечно же, он через такое прошел. Моя мама умерла чуть ли не сразу после смерти его матери, моей бабушки. Тогда я не слишком об этом задумывалась, в конце концов, мой отец был взрослым, а я – просто ребенком. И в моих глазах бабушка была очень старой (шестьдесят один год). Но всего лишь год спустя, почти день в день

умер от сердечного приступа папин папа. Ему было шестьдесят семь. Слишком много потерь за один год.

Я отставляю утюг.

– Сколько это длится?

Отец отвечает мне грустной улыбкой:

– Длится... какое-то время.

– Ма-а-а-амаа! – зовет Харриет. – Арчи смотрит айпад!

– Я лучше пойду, – говорит папа.

Дети опечалены смертью тети Нетти. Все они плакали, и не раз, даже Эди, но их горе удивительно непостоянно: то рыдания, а то совсем ничего. И к этому тоже я начинаю привыкать.

– Как я выгляжу? – спрашивает Олли.

Он стоит в дверях прачечной в деловом костюме, который я называю «костюмом Эймона». Сшитый на заказ, облегающий, темно-синий. Костюм рекрутера. Он выглядит в нем красивым.

– Завтра я его продам, – говорит он. – На eBay.

Нет смысла говорить ему, чтобы он не беспокоился об этом сейчас или что мы можем поговорить об этом через неделю или две. С тех пор как Нетти умерла, Олли поглощен тем, чтобы заработать деньги, сэкономить деньги или вернуть деньги. Мы продали наши часы, все мои драгоценности и несколько других ценных вещей. В этом есть что-то лихорадочное, попытка убежать от горя, но одновременно меня это успокаивает. Точно Олли вспоминает, какую роль должен играть в семье, показывает нам, каким человеком хочет быть.

– Вообще-то, на «Фейсбуке» есть страничка для тех, кто хочет купить подержанные костюмы от «Хьюго Босс», – говорю я. – Возможно, там ты за него больше выручишь. Если хочешь, могу разместить пост.

– Было бы здорово, – говорит он. – Или просто скажи мне где, я сам все сделаю.

Мне было бы трудно найти что-то хорошее в трагедии со смертью Нетти, но если бы я очень постаралась, то сказала бы, что это новая гармония в наших с Олли отношениях. Каким-то образом мы одинаково смотрим на цели нашей семьи и стали партнерами абсолютно во всем. Роль единоличного кормильца семьи никогда Олли не подходила, и самое смешное, что я всегда это знала. Теперь, работая в команде, я понимаю, что мы снова опираемся на наши сильные стороны. Я не знаю, что будет завтра после похорон. Я не знаю, можем ли мы позволить себе сохранить дом. Я понятия не имею, что нас ждет впереди. Я знаю, что, скорее всего, будет скверно... какое-то время. Но я надеюсь, что это не навсегда.

– Почти пора идти, – говорю я.

Я выключаю утюг и снимаю платье с гладильной доски. Возникнув у меня за спиной, Олли осторожно трогает мое ожерелье.

– Это мамино, да?

Я киваю. Я надевала его каждый день с тех пор, как умерла Диана. Олли проводит пальцем по цепочке.

– Помню, я видел его на маме, когда был маленьким. Она сказала, что это символ силы.

Мы оба смотрим на него.

– Жаль, что она не подарила его Нетти.

Некоторое время мы молчим, глядя на ожерелье. Потом Олли выпускает из пальцев цепочку.

– Возможно, она знала, что Нетти недостаточно сильная, чтобы его носить.

ЛЮСИ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

– Люси? Абдул Джавид пришел на собеседование. Олли здесь?

Я смотрю на часы.

– Он, наверное, опаздывает, Гезала. Я выйду.

– О'кей. Я уйду домой. Приятного вечера.

Я вешаю трубку и надеваю пиджак. В те дни, когда у меня нет собеседований, я часто прихожу в офис в футболке и легинсах – одна из привилегий собственного бизнеса, но сегодня у нас с Олли весь день одно собеседование за другим.

Офис находится в нескольких минутах езды от нашего дома, в ветхом таунхаусе, недалеко от того места, где когда-то жила Гезала. В этом районе селятся многие недавно приехавшие мигранты, что делает его удобным для них и дешевым для нас. У каждого из нас свой кабинет (бывшие спальни), а офис Гезалы разместился в старой гостиной. В свои рабочие дни Гезала приносит нам еду, которую мы все вместе едим в гостиной. А еще она поставила там манеж – на те дни, когда ее младшая дочь не ходит в детский сад.

У Гезалы теперь пятеро детей. Хакем зарабатывает достаточно, так что ей больше не нужно работать, но она не только состоит в совете благотворительной организации Дианы, но и приходит помочь нам: переводит, помогает кандидатам почувствовать себя комфортнее, объясняет культурные различия. Это она обратилась к нам через несколько месяцев после смерти Дианы. Она слышала о бизнесе, который мы хотели начать, и знала, что Диана завещала значительные суммы на «фирмы и предприятия, которые совет сочтет полезными для целей благотворительности».

Наша фирма соответствует этим критериям.

Выйдя в коридор, яжимаю руку очень высокому мужчине с черной, как жженое дерево, кожей.

– Мистер Джавид? – спрашиваю я.

– Миссис Гудвин?

– Рада знакомству. Зовите меня Люси.

– Тогда зовите меня Абдул.

Абдул улыбается ослепительной белозубой улыбкой. Если не считать того, что брюки на нем на несколько дюймов короче, чем следовало бы, он вполне презентабелен. В Южном Судане Абдул был проектным менеджером крупного строительного холдинга. В Австралию он прибыл четыре месяца назад и подрабатывал ночным уборщиком в местной больнице, пытаясь найти работу по специальности.

– Входите, Абдул. Мой партнер Олли присоединится к нам через минуту.

– Кто-то поминал меня всуе?

На пороге задней двери появляется Олли, одетый в рубашку и джинсы. Дни его блестящих облегающих костюмов давно прошли. Олли часто проводит собеседования по скайпу, так что его легко застать одетым с иголки выше и в бог знает во что ниже пояса. Он много работает, даже больше, чем когда работал с Эймоном. Он всегда опаздывает, никогда не заканчивает бумажную работу, но он оживленнее, чем когда-либо. Он по много часов проводит с кандидатами, делая все возможное, чтобы подготовить их к собеседованию в компаниях.

На мне – бóльшая часть контактов и работы с организациями, я нахожу вакансии там, где их нет, и раскрываю глаза руководителям высшего звена в крупных организациях, заставляя их взять на работу кого-то, кто, возможно, не соответствует их идеалу.

«Просто пригласите на собеседование, – стало моим слоганом. – Всего одно собеседование».

Как правило, и одного собеседования хватает, чтобы наш клиент получил работу. Как и Олли, я живу ради этого. Как команда мы страстно увлечены мыслью, что каждый должен получить свой шанс. Мне нравится думать, что это мы унаследовали от Дианы и что она нами гордилась бы.

Вскоре после смерти Дианы фирма Олли и Эймона объявила себя банкротом. Эймон попал под следствие по делу о незаконном присвоении средств компании и был признан виновным в мошенничестве. Те деньги, которые Эймон у него украл, к Олли так и не вернулись, но мой муж получил некоторое удовлетворение от того, что Эймон провел полгода в тюрьме (и что юная подруга Эймона Белла бросила его ради культуриста; в последний раз, когда мы о них слышали, они вместе писали книгу рецептов для соблюдающих палеодиету).

Мы садимся за круглый стол, и Абдул рассказывает нам о своей жизни в Австралии. Он объясняет, какие трудности испытывает с поиском работы. Некоторые из них связаны с плохим знанием английского, и Олли тут же вмешивается, объясняя, что с этим мы ему поможем.

– Мы можем помочь тебе с чем угодно, – говорит он. – Уроки английского, межкультурные отношения, наставничество.

После смерти Нетти Олли взялся за это дело с таким пылом, что я даже испугалась, нет ли тут чего-то нездорового. С разницей в год он потерял обоих родителей и нуждался в исцелении. Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что работа и была для него лекарством.

С Патриком мы больше не видимся. Первые два года мы посылали открытки на Рождество, а потом он снова женился (по-видимому, на женщине, которая является наследницей весьма недурного состояния) и стал отцом двух мальчиков-близнецов, и контакты совсем сошли на нет. Для Олли это все еще болезненно.

– Это несправедливо. Нетти только хотела быть матерью. Если бы у нее не было проблем с бесплодием, она и мама были бы живы.

Может, это правда, а может, и нет. Но факт в том, что его семья – это дети и я, и, честно говоря, теперь, когда мы проводили рядом весь день, это ясно как никогда.

– Хорошо, – говорю я Абдулу. – Может быть, расскажете нам немного о себе?

Агентство имело огромный успех: мы подбирали соискателям работу в таких организациях, которые раньше никогда не рассматривали кандидатов, не имеющих опыта работы в Австралии. И все же, возможно, у нас никогда больше не будет большого дома. Мы арендуем дом недалеко от нашего офиса, практически в промышленной части города. Школа у детей – далеко не утонченная, а шумная и веселая, там учатся люди из всех слоев общества. Каждый день после школы дети приходят к нам на работу и здесь, в офисе, делают домашние задания или играют с детьми Гезалы. Диана пришла бы в восторг (а Том был бы сбит с толку). Думаю, как раз это и подпитывает энтузиазм Олли. Все, абсолютно все, независимо от возраста, жаждут одобрения матери. И абсолютно все, кем бы они ни были, хотят одобрения свекрови.

Я смотрю на последнее письмо Дианы. Как только расследование ее смерти было закончено, полиция передала его нам. Теперь оно висит в рамке на стене моего кабинета – одна из самых дорогих мне вещей.

«Я могла бы написать больше, но, в конце концов, оставить после себя мне хочется лишь пару слов. Я упорно трудилась ради всего, что мне было дорого. И все, что мне действительно было дорого, не стоило ни цента. Мама».

Такие уроки не просто осознать. Но теперь мы их усвоили.

Благодарности

Вот – снова! – еще одна череда благодарностей – уже пятая на сегодняшний день. Пятая! Сама не могу поверить.

Хотелось бы для начала указать, что, хотя меня посещали мимолетные мысли убить кого-нибудь (те, о ком я говорю, знают), у меня никогда не было фантазий об убийстве свекрови. Подозреваю, что именно по этой причине я смогла написать эту книгу, не разрушив начисто всю семью. Поэтому спасибо, Энн, за то, что вы с удивительным юмором отнеслись к самому процессу. Сомневаюсь, что все свекрови проявили бы сходные любезность и великодушие, услышав название будущей книги своей невестки.

Моей удивительной команде полицейских, которые отвечали на неортодоксальные вопросы, Меган Макиннес, Эндрии Ричардсон и Керрин Мерретт. Спасибо, что отвечали на мои электронные письма, прочитали рукопись и даже помогли мне провести мозговой штурм по части методов убийства (напомнив, что, если моя свекровь внезапно умрет от неизвестных причин, все попадет в протокол). Дамы, я у вас в вечном долгу.

И где бы я была без моего потрясающего редактора, Дженнифер Эндерлин? Спасибо, что доверяешь моим инстинктам и помогаешь вернуть контроль над рукописью, когда я сама перестаю себе доверять. Ты – образец хорошего редактора. Спасибо также команде издательства «Сент-Мартинс», со многими из вас я имела удовольствие встретиться в Нью-Йорке в прошлом году. И с нетерпением жду будущих встреч.

Я бы хотела выразить свою благодарность моим издателям по всему миру. Особая благодарность Кейт Патерсон и Алекс Ллойд из «Пэн Макмиллен Австралия» за ваш острый редакторский глаз и за то, что водили меня несколько раз на ланч. Я люблю ланчи.

Моим пресс-агентам – незаменимой Кэти Бассел и невероятной Люси Инглис. Если бы я мог разлить вас по бутылкам, я бы это сделала. Если кто-нибудь знает способ, как это сделать, пожалуйста, дайте мне знать.

Моему великолепному Робу Вейсбаху. Как же мне так повезло? Ты – лучший в своем деле и истинный джентльмен. Я так благодарна тебе за все, что ты делаешь. (А еще спасибо, что начал использовать смайлики, сам

знаешь, как я их люблю.)

Моей группе поддержки, известной как «Девчонки Беллотты» (хорошо звучит, правда?). Спасибо, что разделили со мной радость и унижение быть опубликованным автором. Насколько я знаю, я все еще единственная, у кого во время подписания авторских экземпляров украли книгу, и я буду считать это величайшей похвалой. Особая благодарность Джейн Кокрэм и Лизе Айрленд за чтение этой книги в черновике и комментарии. Также особая благодарность Мередит Джегер, моему критику и моей подруге.

Моим друзьям и родным, которые живут в страхе, что их выведут злодеями в какой-нибудь моей книге. Страх вполне обоснованный. Не злите меня.

И, наконец, моим читателям. Спасибо, что позволили мне поделиться с вами этими персонажами. Я надеюсь, что они позабавят вас или тронут. Если такое случится, моя цель достигнута.

Примечания

1

В переводе с английского это имя означает «радость». – *Здесь и далее, кроме обозначенных мест, прим. пер.*

2

По традиции, невеста в день свадьбы должна надеть что-то новое, что-то старое, что-то позаимствованное и что-то голубое. – *Прим. ред.*

3

Боковой амиотрофический склероз.

4

Густая паста темно-коричневого цвета на основе дрожжевого экстракта, национальное блюдо Австралии.